

ЧЕЛОВЕК

1 · 2023



ЧЕЛОВЕК

2023. Том 34, номер 1

Научный журнал

Учредители: Российская академия наук, Институт философии Российской академии наук
Издатель: Российская академия наук

Журнал основан И.Т. Фроловым в 1990 году

Главный редактор Р.Г. Апресян*

Редакционная коллегия

С.С. Аванесов (Великий Новгород), К.В. Анохин (Москва), Т.В. Артемьева (Санкт-Петербург),
И.Е. Гарбер (США), Ф.И. Гуренок (Москва), А.С. Десницкий (Москва), В.В. Знаков (Москва),
А.Б. Каменский (Москва), О.А. Кривцун (Москва), Е. Намли (Швеция),
З.В. Островская (отв. секретарь, Москва), Н.Е. Покровский (Москва),
Н.С. Розов (Новосибирск), Ю.В. Синеокая (Москва), М.В. Фаликман (Москва),
А.Н. Фатенков (Нижний Новгород), О.В. Федорова (Москва),
П. Чичовачки (США), М.М. Шахнович (Санкт-Петербург)

Редакционный совет

А.А. Гусейнов (Москва), Д.Э. Гаспарян (Москва), В.С. Диев (Новосибирск),
Г.В. Каковкин (Москва), А.П. Козырев (Москва), О.В. Попова (Москва),
А.В. Смирнов (Москва), А.П. Скрипник (Саров),
Т.В. Черниговская (Санкт-Петербург), Г.Б. Юдин (Москва)

Периодичность: 6 раз в год

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС 77-76826 от 01.10.2019

*Включен Министерством юстиции РФ в реестр иностранных агентов.

- © Российская академия наук, 2023
- © Институт философии РАН, 2023
- © Редколлегия журнала «Человек» (составитель), 2023



CHELOVEK

The Human Being

2023. Volume 34, Number 1

Scholarly journal

Founders: Russian Academy of Sciences; Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences

Publisher: Russian Academy of Sciences

Journal founded by Ivan T. Frolov in 1990

Editor-in-chief — Ruben Апресян

Editorial Board

Anokhin K. (Kurchatov Institute, Moscow), *Artemyeva T.* (Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg), *Avanesov S.* (Yaroslav-the-Wise State University, Velikiy Novgorod), *Cicovacki P.* (College of the Holy Cross, USA), *Desnitsky A.* (Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow), *Falikman M.* (Higher School of Economics, Moscow), *Fatenkov A.* (Nizhny Novgorod State University, Nizhny Novgorod), *Fedorova O.* (Lomonosov Moscow State University, Moscow), *Garber I.* (Saratov State University; Harvard University, USA), *Girenok F.* (Lomonosov Moscow State University, Moscow), *Kamensky A.* (Higher School of Economics; Poletayev Institute for Theoretical and Historical Studies in the Humanities, Moscow), *Krivtsun O.* (Research Institute of Theory and History of Fine Arts, Russian Academy of Arts, Moscow), *Namli E.* (Uppsala University, Sweden), *Ostrovskaya G.* (Executive Secretary, *journal Chelovek/The Human Being*, Moscow), *Pokrovsky N.* (Higher School of Economics; Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences, Moscow), *Rozov N.* (Novosibirsk State University, Novosibirsk), *Shakhnovich M.* (St. Petersburg State University, Saint Petersburg), *Sineokaya Yu.* (Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow), *Znakov V.* (Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences, Moscow)

Editorial Council

Guseynov A. (Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow), *Gasparyan D.* (Higher School of Economics, Moscow), *Diev V.* (Novosibirsk State University, Novosibirsk), *Kakovkin G.* (Independent Researcher, Moscow), *Kozyrev A.* (Lomonosov Moscow State University, Moscow), *Popova O.* (Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow), *Smirnov A.* (Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow), *Skrjpnik A.* (National Research Nuclear University MEPhI; Sarov Institute of Physics and Technology, Sarov), *Chernigovskaya T.* (St. Petersburg State University, Saint Petersburg), *Yudin G.* (The Moscow School of Social and Economic Sciences; The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow)

Frequency: Bi-monthly

Federal Communications, Information, and Media Oversight Service Registration N ФС 77-76826, 01.10.2019

© Russian Academy of Sciences, 2023

© Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, 2023

© Chelovek/The Human Being Editorial Board (compilation), 2023

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ ЧЕЛОВЕКА

К.Х. Момджян

Родовая сущность человека: к методологии анализа 7

С.А. Смирнов

Соблазн не быть, или Онтологические корни
технологического аутсорсинга 28

НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Т.З. Адамьянц

Понимание в сфере социальной коммуникации
как ментальная технология 51

О.В. Саввина

Трансгендерность: биоэтическая проблематика 68

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ

А.В. Шипилов

Фуражеры: естественный образ жизни 82

И.Е. Сапан

Протест и масс-медиа как разновидности коммуникации:
проблема смысловой взаимосвязи 99

В.А. Прохода

Образование как фактор жизненного успеха
в представлении россиян 112

СИМВОЛЫ. ЦЕННОСТИ. ИДЕАЛЫ

А.В. Малинов

В.И. Ламанский: цивилизации и война языков 130

А.Ю. Вязинкин

«Суверенная личность»: опыт актуализации и
концептуализации понятия 149

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

М.И. Фролова

Хрупкость жизни в условиях новой реальности 173

Е.Л. Скворцова

**Татьяна Григорьева. «Моя душа свет ясный излучает» :
размышления о японской литературе. Москва;
Санкт-Петербург: Центр гуманитарных инициатив, 2023. 182**

А.Р. Апресян

**Цифровое искусство. Что предскажет «Оракул» Майка
Винкельмана? 187**

CONTENTS

THE PHILOSOPHY OF THE HUMAN BEING

K.Kh. Momdzhyan

**The Generic Essence of Man:
toward a Methodology of Analysis 7**

S.A. Smirnov

**The Temptation of Not Being or Ontological Roots
of Technological Outsourcing 28**

SCIENTIFIC RESEARCH

T.Z. Adamyants

**Understanding in the field of Social Communication
as a Mental Technology 51**

O.V. Savvina

Transgenderism: Bioethical Issues 68

SOCIAL PRACTICES

A.V. Shipilov

Foragers: a Natural Way of Life 82

I.E. Sapan

**Protest and Mass Media as Varieties of Communication:
the Problem of Semantic Interconnection 99**

V.A. Prokhoda

**Education as a Factor of Life Success in the Representation
of Russians 112**

SYMBOLS. VALUES. IDEALS

A.V. Malinov

V.I. Lamansky: Civilizations and the War of Languages 130

A.Yu. Viazinkin

**“Sovereign Personality”: Experience in Mainstreaming and
Conceptualizing the Term 149**

REVIEWS

M.I. Frolova

The Time for Decisive Changes: the “Star Hour” for Science? 173

E.L. Skvortsova

**Tatiana Grigorieva. "My Soul Radiates Clear Light":
Reflections on Japanese Literature. Moscow; St. Petersburg:
Center for Humanitarian Initiatives, 2023. 182**

A.R. Apresyan

Digital art. What will Mike Winkelman's Oracle predict? 187

ФИЛОСОФИЯ ЧЕЛОВЕКА

DOI: 10.31857/S023620070024826-5

©2023 К.Х. МОМДЖЯН

РОДОВАЯ СУЩНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА: К МЕТОДОЛОГИИ АНАЛИЗА



Момджян Карен Хачикович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социальной философии и философии истории философского факультета.

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова.

Российская Федерация, 119991 Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, стр. 4.

karm48@mail.ru

ORCID: 0000-0001-5383-5122

Аннотация. В статье обсуждаются методологические проблемы, возникающие при анализе родовой сущности человека. Человек рассматривается автором как субстанциальная система, существенные свойства которой определяются способом самоцельного существования в среде, особым типом целеполагающей активности, именуемым «деятельность». Автор выделяет три измерения человеческой сущности — родовое, историческое и личностное, рассматривает соотношение и связь между этими таксономическими проекциями антропной реальности. В статье акцентируется многомерность человека, существующего в субстанциально различных мирах, выясняются соотношения и связь социальных и биологических компонентов человеческой жизни. Фундаментальное этологическое различие между объектами живой природы и человеком автор связывает со спецификой информационных механизмов

Текст подготовлен в рамках деятельности научно-образовательной школы МГУ «Сохранение мирового культурно-исторического наследия» при финансовой поддержке РФФИ и Китайской академии общественных наук проект № 21-511-93006.

поведения, наличием у человека абстрактно-логического, вербально-понятийного мышления, изменяющего все основные параметры человеческого образа жизни (включая способ орудийной адаптации к среде). В статье критикуется позиция биологического редуccionизма, отрицающего качественное различие между информационной ориентацией человека и высокоразвитых животных. Критикуется точка зрения, редуцирующая мышление человека к нейронной активности мозга и отрицающая наличие у людей свободы воли — способности к мотивационной экспертизе и свободному выбору поведенческих реакций на безальтернативные влечения. Автор рассматривает воздействие биологических факторов на процедуры целепостановки и целереализации, которые (факторы) влияют на поведение человека, но не предопределяют его.

Ключевые слова: человек, жизнь, информация, цель, поведение, биологическое, социальное, деятельность, мышление, сознание.

Ссылка для цитирования: Момджян К.Х. Родовая сущность человека: к методологии анализа // Человек. 2023. Т. 34, № 1. С. 7–27. DOI: 10.31857/S023620070024826-5

Концепт человека в современной философии

Проблема сущности человека всегда вызывала споры, достигшие особой остроты в современную эпоху. Это объясняется, с одной стороны, радикальными изменениями общественной жизни людей, с другой — столь же существенной трансформацией исследовательских парадигм.

Доминирующей тенденцией современной философской антропологии можно считать отказ от оптимистических трактовок человека, сложившихся в эпоху Просвещения. На смену концепту, который абсолютизировал праксеологические, когнитивные и моральные потенциалы человека, пришла другая крайность — разочарование в креативных возможностях человеческого индивида, способного, как выяснилось, бежать от свободы, жертвовать истиной ради слепой, бездумной веры, воспринимать зло как обыденность и т.д.

Характерно, что крушение тоталитарных систем, ответственных за беспрецедентный кризис человека, не прекратило моментально его философскую критику. Ее объектом вскоре стал Номо Сомпсумс — «одномерный человек», порожденный «неототалитарным» (по убеждению мыслителей франкфуртской школы) «обществом потребления», который оказывает обратное разрушительное воздействие на общество и культуру, реализуя

негативные сценарии «восстания масс», описанные еще Хосе Ортега-и-Гассетом.

Помимо социальной критики человека, делавшей акцент на деструктивное воздействие на него со стороны институциональной среды, европейская философия занялась также имманентной антропологической критикой человеческой природы. Эта критика велась и ведется с разных направлений. Философия экзистенциализма, которую определяют как «иррациональную реакцию на рационалистический оптимизм Просвещения», акцентировала неустранимое переживание безысходности и одиночества человека, заброшенного в чужой для себя мир, испытывающего «мучительный, сосущий человека изнутри страх-головокружение (Angest), лишенный рациональных объяснений» [Исаева, Исаев, 2014: 15].

Философы-постмодернисты, в свою очередь, отвергали оптимизм Просвещения, развивая метафорический концепт «смерти субъекта». Естественно, речь шла не о физическом исчезновении человека, а о *деструкции его субъектности* — способности инициировать свободную осознанную активность, направленную на удовлетворение собственных потребностей, интересов и целей. Эта способность, полагал М. Фуко, ограничена не только внешними институциональными реалиями, она ограничена изнутри — прежде всего тем фундаментальным влиянием, которое оказывает на человека сфера *подсознательного* в его собственной психике, представленная неосознаваемыми и неконтролируемыми влечениями [см. Фуко web].

Новым этапом критики человеческой субъектности стала модная ныне доктрина «постгуманизма», пришедшая на смену «антигуманизму» постмодернистов. Концепт постгуманизма, не отрицающая феномен субъектности, безмерно расширяет ее: человека лишают монопольного права быть субъектом, уподобляя его прочим «актерам», в роли которых выступают объекты неживой и живой природы, технические устройства и др.¹ «Постгуманизм» не видит различий между «биолюдьми» и гипотетическими киборгами,

К.Х. Момджян
Родовая сущность человека:
к методологии анализа

¹ Теоретическим фундаментом этой концепции стала «акторно-сетевая теория» Бруно Латура, согласно которой общественная жизнь людей лишена субстанциальной автономии, качественного отличия от иных форм существования, которые классическая социология маркирует как «несоциальные» и «досоциальные». Рассматривая социальность как универсальный «способ существовать сообща», Латур убежден в том, что в социальном порядке нет ничего специфического, что нет никакого социального измерения, никакого «социального контекста», никакой отдельной области реальности, которой можно было бы навесить этикетку «социальное» или «общество» [Латур, 2020:15].

заклучая на этом основании, что гуманизм, основанный на идеях антропоцентризма, пришел к своему завершению.

Вместе с тем пессимистический взгляд на сущность человека оказался не единственным в современной западной философии. В двадцатом веке были созданы антропологические концепции Макса Шелера и Тейяра де Шардена, философско-исторические теории Арнольда Тойнби, Семена Франка и других мыслителей, многие из которых рассматривали человека как трансцендентный проект — исполнителя божественных замыслов, способного стать «соавтором» Господа Бога.

Особого внимания заслуживает «доктрина постматериализма», созданная американским социологом Рональдом Инглхартом, который был убежден в том, что современная история способствует беспрецедентному росту человеческой свободы. В основе этой благоприятной динамики, полагает Инглхарт, лежит развитие технологий, которое привело к тому, что для многих жителей Земли процессы жизнеобеспечения, связанные с обретением пищи, одежды, жилья, физической безопасности и прочее, перестали быть предметом актуализированной потребности, находящейся в процессе перманентной депривации. С преодолением того, что А. Маслоу называл «препотентностью жизнеобеспечивающих нужд»², в сознании людей происходит «постепенный сдвиг приоритета от “материалистических” ценностей (когда упор делается прежде всего на экономической и физической безопасности) к ценностям “постматериальным” (когда на первый план выдвигаются самовыражение и качество жизни)» [Инглхарт, 1997: 7–8]. Ослабляется программирующее воздействие на человека со стороны институциональных реалий общественной жизни, а вместе с этим происходит постепенный переход от «коллектива и дисциплины к свободе личности, от групповой нормы к индивидуальному многообразию, от власти государства к личной независимости, порождая синдром, который мы определили как ценности самовыражения» [Инглхарт, 1997: 10].

Конечно, далеко не все исследователи разделяют оптимизм Инглхарта. С одной стороны, становится ясно, что благоприятная конъюнктура, позволившая гражданам наиболее развитых стран не думать о «хлебе насущном», сменяется новыми потрясениями.

² «Свобода, любовь, чувство товарищества, уважение, философия, — пишет Маслоу, — все это может быть отвергнуто как бесполезные безделушки, поскольку они не могут наполнить желудок» [Маслоу, 2019: 62]. Конечно, препотентность базовых потребностей проявляет себя не во всех случаях человеческого поведения, но она может рассматриваться как статистический закон, действующий в большинстве случаев.

С другой стороны, стали очевидны издержки «постматериализма», приведшего к идеологии *гипериндивидуализма*, культивируемой во многих западных странах. Подобно тому, как сторонники социоцентризма субстанциализировали общество в ущерб индивиду, многие современные либералы десубстанциализируют общество, отстаивая безусловный примат индивидуального над коллективным, группового над общественным. Гипериндивидуализм игнорирует или недооценивает тот факт, что благополучие индивида напрямую зависит от эффективности социальных институтов, обеспечение которой является *собственным* стратегическим интересом человека.

Помимо реалий общественной жизни, влияющих на концептуализацию человека, такое влияние оказывают сугубо теоретические факторы, связанные с трансформацией парадигмальных основ современной гуманитаристики. Я имею в виду беспрецедентную по своим масштабам атаку воинствующего антисциентизма, ставящего под сомнение, как минимум, эссенциалистскую стратегию познания, как максимум — саму возможность обретения объективной научной истины. Соответственно, ученых призывают рассматривать человека «в условиях неопределенности и конструктивистского многообразия» [см. Янчук, 2018]; пропагандируется мнение, согласно которому человек «не помещается ни в какую системность, ускользает от определений, не подчиняется логике» [Гуревич, 2018: 271].

Я убежден, что возможность последовательной концептуализации человека не может и не должна отрицаться априори, *до и вместо* добросовестных и упорных попыток ее осуществления. Эти попытки могут быть продуктивными лишь при условии последовательного категориального мышления, способного справиться со сложнейшими методологическими проблемами, возникающими при исследовании человеческой сущности. Перейдем к краткому их рассмотрению.

Три измерения человеческой сущности

Начать следует с определения сущности, под которой понимают системный набор необходимых свойств, определяющих *качественную самотождественность* объекта, которая отличает его от прочих объектов и обуславливает его внутреннюю целостность, независимую от изменчивых проявлений этой сущности. С одной стороны, категория «сущность» соотносится с категорией «содержание», фиксируя ту часть присущих объекту свойств, трансформация которых с необходимостью меняет присущее ему качество.

К.Х. Момджян
Родовая сущность человека:
к методологии анализа

С другой стороны, категория «сущность» соотносится с категорией «явление», фиксируя динамическую устойчивость объекта, способного менять свои состояния, сохраняя неизменными свои существенные свойства.

Соответственно, сущность (или, используя старый философский термин, «природа») человека определяется необходимым минимумом свойств, при отсутствии которых присущий ему специфический способ существования непредставим теоретически и невозможен практически. Фиксация этих свойств позволяет науке решить две связанные, но не совпадающие задачи: 1) определить *внешние* границы антропной реальности, произведя демаркацию человеческого и «нечеловеческого» в нашем мире³; 2) выявить *внутренние* основания, которые определяют целостность и вариативность антропной реальности, выступающей как единство многообразного и многообразия единого.

Первым из обстоятельств, осложняющих философский анализ человеческой сущности, является беспрецедентная изменчивость, вариативность человеческой жизни. Очевидно, что антропная реальность качественно отлична от мира неживой и даже живой природы, где вариативность, словами Г. Риккерта, проявляет себя через множество «экземпляров» одной и той же сущности. В случае с человеком подобная «экземплярность» ограничена анатомическими и физиологическими константами, которые не меняются со времен появления кроманьонцев. При этом постоянство человеческой соматики находится в разительном противоречии с колоссальными различиями в образе жизни людей. Этот контраст порождает неизбежный спор о том, следует ли нам понимать человека как «вечное становление», лишенное «неизменного внутреннего ядра», или же мы должны рассматривать этологическую вариативность людей как *многообразие единого*, результат столкновения неизменных поведенческих свойств человека и изменчивой среды его существования.

³ Говоря о «нечеловеческом» в мире, я имею в виду не только внешние человеку природные реалии, но и порожденные его собственной деятельностью социальные артефакты. В этом смысле все создаваемые человеком вещи, символы и связи являются частью социальной, но не антропной реальности — будучи элементами человеческого мира, они противостоят человеку так, как объект противостоит порождающему его субъекту. Замечу особо, что, говоря о «нечеловеческом» в мире, я не вкладываю в эти слова никаких ценностных коннотаций, смешивающих «нечеловеческое» с «нечеловечным». Я совершенно согласен с Эрихом Фроммом, утверждавшим, что душа человека может ожесточиться и стать нечеловечной, но она ни при каких условиях не может стать нечеловеческой.

Я убежден, что разрешение этого спора предполагает философское рассмотрение человека в свете универсальных законов соотношения *общего, особенного, единичного и отдельного*. Отдельным в этом случае выступает любой из миллиардов людей, живших или живущих на нашей планете. Таксономическое сопоставление таких биографически конкретных людей позволяет нам различать три уровневые проекции человеческой сущности — *родовую, историческую и личностную*.

Под родовой сущностью понимаются необходимые свойства, которые определяют способ существования «человека вообще», отличающий *Homo Sapiens* от любых иных явлений окружающего и охватывающего нас мира. Было бы ошибкой относить универсалию «человек вообще» к пустым абстракциям, рассматривать ее, словами Иоанна Росцелина, как *flatus vocis* («колеблемый речью воздух»). На самом деле за этим конструктом сознания стоит отображаемая ими объективная реальность — недоступные сенсорному восприятию, не содержащие в себе «ни грана вещества» и тем не менее вполне реальные *отношения сходства и подобия*, существующие между отдельными представителями нашего вида.

Одним из важнейших методологических принципов анализа человека является понимание природы *субстанциальных систем*, способных к самоцельному существованию в среде. К этому ряду относятся все живые системы, обладающие опцией самопорождения, самоподдержания и саморазвития. Такие системы качественно отличны от *неинформационных объектов* (сущность которых задается свойствами образующего их вещества), а также от объектов *функциональных*, сущность которых определяется их назначением — той внешней целью, средством достижения которой объект служит. Существенные свойства субстанциальных систем, реализующих собственные, а не внешние цели, определяются не субстратно и не функционально, они задаются способом самоцельного существования в среде или *образом жизни*.

Именно такой субстанциальной системой является «человек вообще», сохраняющий способность к самоцельному существованию несмотря на то, что люди не только живут в обществе, но и функционируют в нем, реализуя (добровольно или принудительно) внешние, не собственные цели. Такое функционирование не отменяет человеческую субъектность как высшую форму самоцельного существования [см. Момджян, 2022], но оно, безусловно, сказывается на образе жизни людей, который зависит от исполняемых ими социальных ролей, предписанных им социальных статусов, влияющих на них инвариантов культуры и прочей изменчивой институциональной реальности. Именно это обстоятельство вынуждает нас конкретизировать анализ «человека

К.Х. Момджян
Родовая сущность человека:
к методологии анализа

вообще», переходя от родового измерения его сущности к измерению *историческому*.

Говоря об исторической сущности человека, следует правильно понимать категорию «история», избегая ее отождествления с категорией «общественная жизнь». Последняя обозначает особый неприродный способ коллективного существования людей с присущими ему универсальными структурными, функциональными и динамическими законами, одинаковыми для всех стран и народов. «Общественная жизнь» в таком ее понимании рассматривается наукой в наиболее общих ее проявлениях как процесс, лишенный, словами О. Конта, «имен людей и целых народов».

Категория «история» конкретизирует категорию «общественная жизнь», обозначая процесс совместной жизни людей, осуществляемый в реальных обстоятельствах пространства и времени. Иными словами, история выступает, словами Гегеля, как *действительность* общественной жизни, единство ее абстрактно-логической *сущности* и *реального существования*.

Именно такая трактовка используется в рассуждениях об историческом измерении человеческой сущности, в котором предельная абстракция «человека вообще» обогащается конкретными характеристиками людей как *типизированных субъектов истории*, выступающих в качестве англичан или французов, феодалов или зависимых крестьян, мусульман или буддистов и т.д. Таким образом, историческая проекция человеческой сущности представляет собой совокупность существенных социокультурных свойств, присущих людям, образ жизни которых зависит от их места и роли в обществе, от их принадлежности к разным культурам, эпохам и т.д.

Излишне говорить, что наука не в праве ограничиваться рассуждениями о «человеке вообще», не доводя их до анализа социокультурных спецификаций человеческой жизни. Говорить о существенных свойствах реальных людей, игнорируя тот факт, что одни из них, к примеру, влачат рабское существование, а другие владеют себе подобными как неодушевленными предметами — невозможно. Конечно, подобные исторические характеристики человека имеют *социогенную*, а не *антропогенную* природу, они производны от свойств общества, в котором человек живет, но это не дает никаких оснований вовсе игнорировать их.

Теперь несколько слов о третьем измерении человеческой сущности, которое актуализируется при переходе от общего и особенного в анализе человеческих свойств к рассмотрению единичного в них. Речь идет о *личностной проекции*, которая представляет собой совокупность социокультурных характеристик, выделяющих каждого биографически конкретного человека *в среде себе подобных, ведущих типологически идентичный образ жизни*.

Рассуждения о личностной проекции человека предполагают адекватное понимание категории «личность», о чем следует сказать особо. Дело в том, что это понятие нередко используют для обозначения *социальных свойств человека*, отличных от его биологических свойств, трактуя личность как «субъект труда, познания и общения». Это значит, что уникальные особенности тела, присущие каждому человеку, рассматриваются как часть его *индивидуальности*, но не *личности*. Я могу согласиться с этим утверждением, но с одной принципиальной оговоркой — личность представляет собой не *социальность вообще*, а *индивидуализированную социальность* — совокупность существенных надбиологических свойств, которые присущи данному и только данному человеку. Любая генерализация этих свойств тождественна переходу от личностного измерения человеческой сущности к типизированной исторической сущности человека. Неудивительно, что анализ реальных человеческих личностей (будь то Юлий Цезарь, Наполеон Бонапарт или Альберт Эйнштейн) доступен только индивидуализирующим наукам с идеографическим, а не номотетическим стилем мышления.

Важно понимать, что выделяемые измерения человеческой сущности не существуют самостоятельно и параллельно друг другу. Это значит, что любой конкретный человек является носителем универсальных свойств, отличающих людей от объектов природы; типических свойств, присущих людям его национальности, профессии или конфессии; наконец, уникальных личностных свойств, присущих только этому человеку.

Добавлю к сказанному, что *неразделимость* названных проекций человеческой сущности не означает их *неразличимости*. Общее, особенное и единичное в любых вариативных явлениях не могут быть сведены друг к другу, поскольку вызываются к жизни разными причинами и детерминируются разными факторами, не совпадающими друг с другом⁴.

Таким образом за многообразием личностных свойств человека стоят типические свойства людей, порождаемые их исторической ойкуменой, а за последними — универсальные способности «человека вообще», образующие его родовую сущность. Анализ последней, я полагаю, должен начинаться с решения важнейшей

К.Х. Момджян
Родовая сущность человека:
к методологии
анализа

⁴ Как писал французский историк и социолог П. Лакомб, существенные причины, побудившие господина А. заключить 19 сентября 1890 года в городе Риме брак с госпожой Б., несводимы к существенным причинам, породившим институт католического брака, которые, в свою очередь, не совпадают с существенными причинами, вызвавшими к жизни моногамный брак вообще [см. Лакомб, 2011].

методологической проблемы *многомерности* человека, пребывающего одновременно в нескольких субстанциально различных мирах.

Проблема многомерности человека. Мышление как основа его социальности

Анализируя родовую сущность человека, мы, словами Канта, сталкиваемся с необходимостью различать то, «что делает из человека природа», и то, «что он как свободно действующее существо, делает или может и должен делать из себя сам» [Кант, 1994: 138].

Мир неживой природы наделяет человека массой, ростом, определенным составом тела и другими физико-химическими свойствами; мир живой природы придает ему свойства биологического организма, подчиняющегося законам анатомии, генетики и физиологии. Наконец, в третьем из миров человек предстает перед нами как богач или бедняк, слесарь или врач, японец или француз, католик или атеист — короче, как носитель свойств, существующих лишь в мире людей, которые мы называем социальными⁵.

Такая многомерность человека не означает, конечно, что он обладает одновременно несколькими параллельными сущностями. Любое качественно выделенное образование имеет лишь одну специфицирующую его сущность, утрачивая которую оно перестает быть самим собой.

Естественно, встает вопрос о том, какие из названных свойств человека являются существенными для него, формируют его качественную самоидентичность? Казалось бы, ответ на этот вопрос очевиден — специфическими для человека являются свойства, отсутствующие в мире неживой и живой природы. Можно ли спорить с тем, что человека делает человеком не рост или масса

⁵ Говоря о социальных свойствах человека, я использую категорию «социальное» в ее широком понимании, обозначающем одну из подсистем окружающей и охватывающей нас реальности, особое, словами Николая Гартмана, «царство бытия» — мир людей и продуктов их совместной деятельности, выделенный из природы и отличный от нее, обладающий неприродными и надприродными свойствами. Такое понимание термина «социальное» не является единственным. Этот термин имеет и более узкие трактовки, обозначая: 1) коллективное в общественной жизни в отличие от индивидуального в ней; 2) вид деятельности, продуктом которой является «непосредственная человеческая жизнь» — социальные субъекты и потребные людям субъектные свойства. Существует, наконец, уже упоминавшаяся мною предельно широкая трактовка социального, выводящая социальность за рамки общественной жизни и рассматривающая ее как «коллективность вообще», включающая в себя коллективные формы существования животных. Такая трактовка рассматривается автором как некатегориальная и не используется им.

тела и не способность дышать или переваривать пищу, а возможность ставить и реализовывать цели, доступные лишь людям, — создавать фабрики, строить дороги, читать и писать книги, следовать нормам морали, верить (или не верить) в Бога и т.д.?

Вместе с тем эта очевидная констатация сама по себе недостаточна для доказательства социальной сущности человека. Мало указать на наличие у людей уникальных свойств, отсутствующих у объектов природы, нужно доказать, что эти свойства порождаются *неприродными* в своей сущности причинами. В противном случае нам не удастся опровергнуть логику биологического редукционизма, полагающего, что все специфические свойства человека, отсутствующие у растений и животных, вызваны действием биологических в своей сущности причин.

Редукционисты ничуть не спорят с тем, что люди способны на поведенческие акты, невозможные в живой природе, но объясняют это лишь *более сложным* биологическим устройством человека. Они полагают, что дистанция между человеком и шимпанзе имеет ту же природу, что и дистанция между шимпанзе и амёбой — во всех этих случаях мы имеем дело с разными по сложности формами субстанциально единой биологической активности. В частности, специфика человека объясняется сложнейшим устройством головного мозга, активность которого, порождающая все специфические для человека умения, не выходит при этом за рамки действия фундаментальных нейрофизиологических законов, остающихся всецело законами биологии.

Очевидно, что многомерность человека подлежит философскому осмыслению, для достижения которого нужно решить две концептуальные задачи. Первая — понять *субстанциальное различие* между биологическим и социальным способами существования. Вторая — перейти от таксономических сопоставлений к обнаружению *связей, реальных зависимостей* между разнокачественными компонентами человеческой природы, которые не только взаимоположены, но и *взаимопроникают друг в друга*, находятся в отношениях *композиционного пересечения* (неизбежного в ситуации, когда психосоматическая активность тела является инструментом реализации сугубо социальных целей, а телесные нужды могут быть удовлетворены лишь посредством социальной активности).

Начнем с субстанциального различия между социальной и биологической активностью, анализ которого, в свою очередь, начинается с поиска существенных сходств между ними. Суть искомого сходства состоит в том, что в обоих случаях мы имеем дело с разными формами *жизни*, представляющей собой самоцельное

К.Х. Момджян
Родовая сущность человека:
к методологии
анализа

существование в среде, основанное на способности самопорождения, самоподдержания и саморазвития⁶.

В этом плане и биологическая, и социальная активность представляют собой *информационно направленные* процессы⁷, вызываемые *целевыми причинами*⁸, которые отсутствуют в неживой природе (существующей «почему-то», но не «зачем-то»). Наличие целей обуславливает способность биологических и социальных систем *к адресному выбросу физической энергии*, осуществляемому в нужное для них время и в нужном для них месте. При этом конечной целью всякой жизни является *двуединная цель самосохранения в среде*, представляющая собой генетически запрограммированные влечения к биологическому выживанию и поддержанию приемлемого качества жизни. Живые системы безразличны к факту своего существования, стремятся длить его, взаимодействуя со средой на основе *избирательного отношения* к ней, способности различать полезное, вредное и безразличное для целей самосохранения. Эти объективные цели порождают у биологических «актеров» и социальных субъектов определенные *потребности*, которые могут быть удовлетворены лишь путем *адаптации* к условиям окружающей среды.

Признав наличие универсальных законов, свойственных и биологической, и социальной формам жизни, мы можем перейти к поиску фундаментальных различий между ними, которые связаны с альтернативными механизмами самосохранения в среде, различным способом адаптации к ее условиям, с разной номенклатурой потребностей, разными процедурами их удовлетворения и т.п. Я согласен с мнением ученых, которые выводят все эти различия из специфики *информационных механизмов*, направляющих биологическую и социальную активность (этот тезис нуждается в доказательствах, к которым мы перейдем, рассмотрев упомянутую специфику).

Хорошо известно, что разные по сложности биологические организмы демонстрируют разные способы информационного

⁶ Самопорождение жизни не означает ее самозарождения, поскольку живое порождается внешними причинами, с высокой вероятностью возникает из неживого. Под самопорождением понимается способность уже ставшего субстанциального качества порождаться подобным и порождать подобное.

⁷ Под информацией понимается совокупность сообщений, посредством которых живые, а позднее, кибернетические системы ориентируются в состояниях внешней и внутренней организмической среды, оценивают ее воздействия и программируют реакции на них.

⁸ Под целью в самом широком «кибернетическом» значении этой категории понимается реактивный сигнал, предпосланный действию, инициирующий его и ориентирующий в предзаданном направлении.

существования в среде. У растений и простейших животных это существование имеет *допсихический* характер; с появлением центральной нервной системы и специализированных органов чувств у живых организмов возникает способность к психическому отображению среды — возможность создавать «субъективные образы объективного мира» путем синтеза отдельных ощущений, ведущего к восприятию реальности, созданию целостных чувственных «моделей» ее объектов.

Психика животных решает две фундаментальные задачи, осуществляемые двумя относительно автономными ее подсистемами. *Ориентационная подсистема* вырабатывает экстерорецептивные ощущения, восприятия и представления, позволяющие распознавать воздействия внешней среды. Она же оценивает состояния внутренней организмической среды, связанные с этими воздействиями, в результате чего актуализируются потребности животного и возникают психические влечения к их удовлетворению. *Реактивная подсистема* психики отвечает за программирование и осуществление поведенческих акций, основанных на системе безусловных и условных рефлексов (наиболее развитые животные способны выходить за рамки рефлекторного поведения, о чем будет сказано ниже).

Психика человека сохраняет в себе в снятом виде все компоненты животной психики и осуществляет те же информационные функции, качественно меняя характер их осуществления. Кроме того, в психике человека возникают две новые функции, недоступные психике животных: *мотивационная* и *проектная*, которые опосредуют решение ориентационных и реактивных задач. Все эти изменения происходят благодаря наличию у человека *абстрактно-логического, вербально-понятийного мышления*, которое становится основой нашей психики, создавая системообразующую область *сознательного* в ней (а также специфичные для человека сферы *бессознательного, подсознательного и надсознательного*, основанные на мышлении и невозможные без него).

Напомню кратко, что ориентационная специфика человеческого мышления связана со способностью отображать окружающий и охватывающий нас мир не только в образах, но и в *понятиях*, создавать логические модели объектов и процессов этого мира, недоступных чувственному восприятию. Отвлекаясь от случайных сходств и различий между этими объектами и процессами, человеческое мышление типизирует их, фиксирует их существенные свойства и состояния, обнаруживает устойчиво воспроизводимые, необходимые и вероятные связи между ними. Это дает возможность *объяснять* мир, осуществлять интеллектуальный прогноз его возможных изменений и превентивно реагировать на них.

К.Х. Момджян
Родовая сущность человека:
к методологии анализа

Способность «кодировать» мир посредством знаково-символических объектов не только дает нам постоянно углубляющиеся знания о мире, но и позволяет людям социализировать их, использовать механизмы несоматической трансляции, превращающие опыт наиболее умных представителей вида в общее достояние.

Возникающая вместе с мышлением *мотивационная* функция психики позволяет людям оценивать поведенческие реакции на безальтернативные влечения, связанные с конечными целями жизни и актуализацией обеспечивающих их потребностей. Эта оценка выходит за рамки эмоциональных предпочтений и основывается на *рациональной мотивации* (связанной с различием полезного и вредного, осуществимого и неосуществимого для человека) и на *ценностных мотивах долженствования* (представляющих собой интериоризованные нормы культуры, понятой как система интересубъективных символических программ мышления и чувствования, связанных нитями логической, аксиологической и стилевой зависимости).

Помимо мотивационной функции психики абстрактное мышление порождает ее *проектную* функцию, которая качественно меняет мир человеческих целей, прибавляя к объективным, генетически запрограммированным целям-влечениям⁹ бесчисленное множество опосредующих их *субъективных целей*, представляющих собой идеальный образ желаемого результата, осознанно конструируемый мышлением. Благодаря проектной функции сознание человека обретает способность не только «отображать, но и творить мир», придумывая то, чего еще нет, но что должно быть в нем.

Наконец, *реактивная* специфика человеческого мышления, направляющая процесс целереализации и включающая в себя волевую мобилизацию к действию, связана с наличием у человека *свободной воли*, которая превращает его, словами Иоганна Гердера, в «вольнотпущенника природы». Эта способность отличает деятельность людей от любых форм биологической активности — независимо от того, идет ли речь о простейших формах непластичного поведения, предзаданного безусловными рефлексами, или об активности высших животных, психика которых позволяет им варьировать и корректировать свои действия, соотнося их с меняющимися условиями среды. Наличие разных вариантов

⁹ Влечения, как справедливо утверждает В. Франкл, «толкают» нас помимо нашей воли, в отличие от стремлений, которые представляют собой осмысленные предпочтения человека, в воле которого решать «хочет он или нет реализовать данный смысл» [Франкл, 1990: 63].

поведения, однако, не означает *свободы выбора* между ними. Животное, способное следовать нескольким разнонаправленным влечениям, подчиняется сильнейшему из них, поскольку не способно к рациональной и ценностной мотивации поведения, позволяющей «разнообразить» действия, выбирая между удовольствием, пользой и соображениями долга.

Так ведут себя только люди, поведенческий выбор которых не предопределяется силой испытываемых влечений. Ощущая мучительный голод, человек способен отказываться от пищи; испытывая сильнейшее половое влечение, он способен сознательно блокировать его и т.д. Человек контролирует свои влечения и «ранжирует» свои потребности, подвергая их мотивационной экспертизе, устанавливая субординационную связь между ними, рассматривая их как «первостепенные» и «второстепенные», подлежащие или не подлежащие удовлетворению.

Конечно, свобода человеческой воли не является абсолютной, она не позволяет людям «отменять» объективные детерминанты деятельности. Они безусловно влияют на поведение людей, но не *автоматизируют* его, поскольку наличие неустранимых влечений не означает их непременною реализацию человеком. Генетически заданные конечные цели жизни не являются исключением из этого правила: мы знаем, что в «пограничной» (словами Ясперса) ситуации человек способен прекращать свое существование, чтобы до последних его секунд сохранять свободу, достоинство и прочие бытийные блага, которые ценит выше жизни.

Таким образом, специфика информационных механизмов поведения определяет субстанциальные различия между биологической активностью и деятельностью людей. Наличие вербально-понятийного мышления выводит последнюю за рамки процессов живой природы, становясь основанием «надорганического» (словами П.А. Сорокина) социального способа существования в мире¹⁰. Необходимо, однако, учесть несколько серьезных возражений против приведенной точки зрения.

¹⁰ В советское время подобное утверждение нередко рассматривалось как «уступка» социально-философскому идеализму, абсолютизирующему роль сознания в деятельности людей. На самом деле этой же точки зрения придерживался создатель социально-философского материализма К. Маркс. Различие между животным и человеком Маркс связывал с тем, что человек «делает свою жизнедеятельность предметом своей воли и своего сознания... Его жизнедеятельность — сознательная... Сознательная жизнедеятельность непосредственно отличает человека от животной жизнедеятельности. Именно лишь в силу этого он есть родовое существо» [Маркс, 1956: 565].

Согласно первому из них, абстрактное мышление нельзя рассматривать как основу неприродного существования, поскольку способность к нему присуща не только людям, но и высокоразвитым биологическим организмам. Это мнение основывается на результатах так называемой «приматологической революции» в биологии, которая доказала способность человекообразных обезьян выходить за рамки условных рефлексов и чувственно-конкретного мышления и осуществлять действия, основанные на мышлении абстрактном. Новые данные, как полагают некоторые зоопсихологи, «существенно подрывают традиционные представления о качественной уникальности человека и делают поиски пресловутой грани между ним и человекообразными обезьянами малоперспективными» [Бутовская, 1998: 93].

Мне уже приходилось писать, что подобные суждения основаны на непонимании принципов таксономии разнокачественных систем, композиционное пересечение которых не является доказательством их идентичности. Нет ничего удивительного в том, что человекоподобные обезьяны, эволюционно связанные с людьми, демонстрируют *зачатки* абстрактного мышления (развитые формы которого, требующие тотальной неситуативной символизации мира посредством семантической системы языка, животным недоступны¹¹). Важен «удельный вес» абстрактного мышления, его место и роль в естественном для вида образе жизни. Именно это обстоятельство определяет качественное различие между человеком и животными, которые достигают пика своей мыслительной формы лишь в условиях «развивающего эксперимента», поставленного человеком. Это значит, что мышление приматов не является неотъемлемой чертой их образа жизни, имеющей первостепенное эволюционное значение для существования вида.

Второе возражение против идеи абстрактного мышления, определяющего *differencia specifica* человека как надприродного социального существа, приводят сторонники биологического редуccionизма, для которых мышление сводится к нейронным процессам в коре головного мозга, то есть имеет биологическую, а не социальную природу.

Эта точка зрения не учитывает фундаментальное различие между человеческим сознанием и его субстратной основой, какой является мозговая ткань. В данном случае уместна аналогия

¹¹ Как признает в одном из интервью Франс де Вааль, «язык — это особая, сложная способность, которую люди имеют, и она затрагивает все вокруг нас, включая наши когнитивные структуры. С самого раннего возраста слова начинают влиять на то, как мы думаем» [цит. по: Шалютин, 2019: 21].

со скульптурой, которая состоит из мрамора, но отнюдь не тождественна этому минералу, обладает многими неприродными и надприродными свойствами, которые отсутствуют у мрамора как такового.

Аналогичным образом мышление человека, невозможное без нейронной активности мозга, не сводится к ней. Следует признать, что природу этой активности мы до конца не понимаем, знаменитая «mind-body problem» до сих пор не имеет общепринятого решения. Мы не знаем, каким именно образом биологическая активность мозга обеспечивает существование надбиологического «Я», способного управлять мозговыми процессами, превращать их в инфраструктуру произвольных действий, преследующих свободно избранные социальные цели, не predeterminedные состоянием мозговой ткани.

Вместе с тем отсутствие такой predeterminedности подтверждается всем жизненным опытом человечества, который плохо согласуется с верой в то, что один из анатомических органов сам по себе *всецело* управляет нашим поведением, превращая его тем самым в развитую форму биологической активности.

Не будем забывать, что нормально функционирующий человеческий мозг сам является продуктом социальных интеракций между людьми. Об этом наглядно свидетельствуют ситуации с «маугли», не прошедшими процесс социализации: головной мозг таких существ соответствует всем нормам человеческой анатомии, однако в нем отсутствуют необходимые для мышления функциональные связи, которые возникают лишь в процессе научения, превращающего «биологическую заготовку» человека в полноценное человеческое существо.

Жизненный опыт убеждает нас в том, что нейронная активность мозга есть лишь *механизм*, но не *порождающая причина* многих человеческих намерений и целей. Конечно, в ситуациях, связанных с простейшими эмоциональными предпочтениями, мозговая активность действительно способна «предписывать» нам те или иные неосознаваемые решения (предпочесть чаю кофе, который почему-то «захотелось» выпить). Ясно, однако, что свободный выбор человека выходит за рамки эмоциональных предпочтений, основываясь на контролируемой сознанием работе рассудка и на мотивах долженствования, имеющих своим источником директивы культуры, а не состояние мозговой ткани.

Трудно допустить, что непростой, нередко мучительный выбор между успешной карьерой и семейным счастьем, между «хорошим» и «плохим» вложением денег, наконец, между достойной смертью и недостойной жизнью на самом деле не является выбором, поскольку предзадан неосознаваемыми и неконтролируемыми

К.Х. Момджян
Родовая сущность человека:
к методологии анализа

нейронными процессами. Подобные решения, очевидно, зависят от обстоятельств социальной жизни, от приобретенных знаний, умений и убеждений человека. Идентичный выбор делают люди с очень разными соматическими свойствами, что убеждает нас в отсутствии биологической предопределенности такого выбора и заставляет думать, что процесс человеческого мышления — с его содержательной, а не операциональной стороны — объясняется действием социокультурных, а не природных факторов.

Это не значит, конечно, что биологические факторы никак не влияют на социальное поведение людей. Такое влияние имеет место и на уровне родового, и на уровне исторического, и на уровне личностного измерений человеческой сущности.

Говоря о родовой природе человека, мы не можем не признать воздействие биологических факторов на образующую деятельность процедуры *целестановки и целереализации*. Так, специфические цели человеческой жизни не могут быть поняты без учета инстинктоподобных влечений к самосохранению, запрограммированных генетически. Эдвард Уилсон [Уилсон, 2015] и сторонники созданной им социобиологии справедливо отмечают роль генетических программ в таких формах человеческого поведения, как сексуальность, агрессия, лидерство и т.д.¹² Целестановка человека не может быть понята без учета фундаментальных базовых потребностей, имеющих общебиологическую природу и т.д. и т.п.

Процедуры *целереализации*, осуществляемые человеком, также зависят от его «биологической оснастки». Внешние параметры человеческого тела, особенности нервной системы, гормональный фон и прочее имеют важное значение, способствуя или препятствуя самореализации человека в сферах деятельности, зависящих от его анатомии и физиологии.

И тем не менее бесчисленные примеры свидетельствуют о том, что биогенная стимуляция (или рестрикция) человеческого

¹² Нельзя не согласиться с известным американским биологом, специалистом в области нейроэндокринологии Робертом Сапольски, который пишет: «Мы не можем приступать к изучению таких предметов, как агрессия, соперничество, взаимопомощь и эмпатия, не привлекая биологию. Я говорю это с оглядкой на определенную когорту социологов, которые считают биологию неуместной и даже идеологически подозрительной, когда дело касается социального поведения людей. Но точно так же важно, что стоит нам начать опираться только на биологическое знание, как корабль наш окажется без руля и без ветрил. Об этом тоже нельзя забывать. Это сказано в пику молекулярным фундаменталистам, убежденным, что у социологии нет будущего против «настоящей науки» [Сапольский, 2019: 12].»

поведения лишь *влияет* на образ жизни людей, но не *определяет* его¹³. Слепоглухонемые люди становятся кандидатами наук, отсутствие стоп (как мы видели на примере Оскара Писториуса), не мешает человеку стать членом олимпийской сборной по бегу. Иными словами, человек остается социальным существом, способным выбирать свою судьбу, преодолевать «диктат» собственного тела (который становится неодолимым лишь в неподвластных медицине патологиях мозга, ведущих к интеллектуальной невменяемости).

Еще одно возражение против системообразующей роли понятийного мышления в образе жизни людей приводят специалисты, убежденные в том, что этот образ имеет своим предельным основанием не способность мыслить, а особое орудийное отношение к среде, которое порождает и стимулирует процесс мышления. Эту точку зрения автор обсудит в следующей статье, посвященной содержательному анализу компонентов, образующих родовую природу человека.

The Generic Essence of Man: toward a Methodology of Analysis

Karen Kh. Momdzhyan

DSc in Philosophy, Professor at the Department of Social Philosophy and Philosophy of History, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University.

27, build. 4, Lomonosovsky Ave., Moscow 119991, Russian Federation.

karm48@mail.ru

ORCID: 0000-0001-5383-5122

Abstract. The article considers methodological problems arising in the analysis of the generic essence of man. The author considers man as a substantive system, the essential properties of which are determined by the way of self-purpose existence in the environment, which is the activity of the social subject. The author identifies three dimensions of human essence — generic, historical and personal, considers the relationship and relationship between these taxonomic projections of anthropic reality. The article emphasizes the multidimensionality of man, existing in substantially

К.Х. Момджян
Родовая сущность человека:
к методологии анализа

¹³ Помимо прямого влияния соматики на поведение людей возможно влияние опосредованное, при котором телесные характеристики становятся *поводом* к определенным действиям. Я имею в виду ситуацию *социогенной прескрипции*, в которой общество ждет и требует от людей с определенными соматическими свойствами предписанных форм поведения. Видами такой социальной прескрипции является расизм, возведенный в силу закона, с ней сталкиваются представители женского пола, живущие в условиях гендерного неравенства.

different worlds, and elucidates the correlation and connection between the social and biological components of human life. The author links the fundamental ethological difference between the objects of living nature and man to the specifics of informational mechanisms of behavior, the presence of human abstract-logical, verbal-conceptual thinking, which changes the basic parameters of the human way of life (including the mode of instrumental adaptation to the environment). The article criticizes the position of biological reductionism, which denies a qualitative difference between informational orientation of humans and highly developed animals. The point of view that reduces human thinking to the neural activity of the brain and denies the existence of free will in humans — the ability to motivational expertise and the free choice of behavioral reactions to non-alternative drives is criticized. The author considers the impact of biological factors on the procedures of goal setting and goal realization, which (factors) affect human behavior, but do not predetermine it.

Keywords: human, life, information, purpose, behavior, biological, social, activity, thinking, consciousness.

For citation: Momdzhyan K.Kh. The generic essence of man: Toward a methodology of analysis // *Chelovek*. 2023. Vol. 34, N 1. P. 7–27. DOI: 10.31857/S023620070024826-5

Литература/References

- Бутовская М.Л.* Эволюция человека и его социальной структуры // *Природа*. 1998. № 9. С. 87–100.
 Butkovskaya M.L. Evolyuciya cheloveka i ego social'noj struktury [The evolution of man and his social structure]. *Priroda*. 1998. № 9. P. 87–100.
- Гуревич П.С.* Классическая и неклассическая антропология: сравнительный анализ. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2018.
 Gurevich P.S. Klassicheskaya i neklassicheskaya antropologiya: sravnitel'nyj analiz [Classical and Nonclassical Anthropology: A Comparative Analysis]. Moscow: Centr gumanitarnyh iniciativ Publ., 2018.
- Инглхарт Р.* Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // *Полис*. 1997. № 4. С. 6–33.
 Inghart R. Postmodern: menyayushchiesya cennosti i izmenyayushchiesya obshchestva [Postmodernity: Changing Values and Changing Societies]. *Polis*. 1997. № 4. P. 6–33.
- Исаева Н., Исаев С.* Личины страха и манки эротики // Кьеркегор С. Понятие страха. М.: Академический проект, 2014. С. 5–22.
 Isaeva N., Isaev S. Lichiny straha i manki erotiki [The faces of fear and the mantle of eroticism]. K'erkegor S. Ponyatie straha. Moscow: Akademicheskij projekt Publ., 2014. P. 5–22.
- Кант И.* Антропология с прагматической точки зрения // Кант И. Соч.: в 8 т. Т. 7. М.: Чоро, 1994. С. 137–377.
 Kant I. Antropologiya s pragmaticheskoy tochki zreniya [Anthropology from a Pragmatic Point of View]. Kant I. Soch. V 8 t. T. 7. Moscow: Choro Publ., 1994. P. 137–377.

Лакомб П. Социологические основы истории. М.: Либроком, 2011.

Lakomb P. Sociologicheskie osnovy istorii [The Sociological Foundations of History]. Moscow: Librokom Publ., 2011.

Латур Б. Пересборка социального. Введение в акторно-сетевую теорию. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020.

Latur B. Peresborka social'nogo. Vvedenie v aktorno-setevuyu teoriyu [Reassembling the Social. Introduction to Actor-Network Theory]. Moscow: Izd. dom Vysshej shkoly ekonomiki Publ., 2020.

Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М.: Государственное издательство политической литературы, 1956. С. 41–174.

Marks K. Ekonomicheskno-filosofskie rukopisi 1844 goda [The Economic and Philosophic Manuscripts of 1844]. Marks K., Engel's F. Iz rannih proizvedenij. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1956. P. 41–174.

Маслоу А. Мотивация и личность. СПб., 2019.

Maslou A. Motivaciya i lichnost' [Motivation and personality]. St.-Petersburg Publ., 2019.

Момджян К.Х. Социально-философский подход к проблеме социальной субъектности // Человек. 2022. № 4. С. 7–26.

Momdzhyan K.Kh. Social'no-filosofskij podhod k probleme social'noj sub'ektnosti [Socio-philosophical approach to the problem of social subjectivity]. *Chelovek*. 2022. № 4. P. 7–26.

Сапольский Р. Биология добра и зла. М.: Изд-во АНФ, 2019.

Sapol'skij R. Biologiya dobra i zla [The Biology of Good and Evil]. Moscow: Izd-vo ANF Publ., 2019.

Уилсон Э. О природе человека. М.: Кучково поле, 2015.

Uilson E. O prirode cheloveka [On human nature]. Moscow: Kuchkovo pole Publ., 2015.

Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990.

Frankl V. Chelovek v poiskah smysla [Man's Search for Meaning]. Moscow: Progress Publ., 1990.

Фуко М. Философия и психология (интервью): URL: <https://theoryandpractice.ru/posts/5556-cheloveka-na-samom-dele-ne-sushchestvuet-mishel-fuko-o-tom-chto-takoe-psikhologiya> (дата обращения: 24.08.2022).

Foucault M. Filosofiya i psihologiya (interv'yu) [Philosophy and Psychology (Interview)]: URL: <https://theoryandpractice.ru/posts/5556-cheloveka-na-samom-dele-ne-sushchestvuet-mishel-fuko-o-tom-chto-takoe-psikhologiya> (date of access: 24.08.2022).

Янчук В.А. Культурно-диалогическая метаперспектива интеграции психологии в условиях неопределенности и конструктивистского многообразия // Методология и история психологии. Вып. 1. 2018. С. 124–154.

Yanchuk V.A. Kul'turno-dialogicheskaya metaperspektiva integracii psihologii v usloviyah neopredelennosti i konstruktivistskogo mnogoobraziya [A Cultural and Dialogical Metaperspective of the Integration of Psychology under Uncertainty and Constructivist Diversity]. *Metodologiya i istoriya psihologii*. Вып. 1. 2018. P. 124–154.

К.Х. Момджян
Родовая сущность человека:
к методологии анализа

DOI: 10.31857/S023620070018331-1

©2023 С.А. СМИРНОВ

СОБЛАЗН НЕ БЫТЬ, ИЛИ ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ КОРНИ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО АУТСОРСИНГА



Сергей Алевтинович Смирнов — доктор философских наук, ведущий научный сотрудник. Институт философии и права Сибирского отделения РАН, главный редактор альманаха «Человек.RU». Российская Федерация, 630090 Новосибирск, ул. Николаева, д. 8.
smirnoff1955@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-2023-8855

Аннотация. В статье дается онтологическое обоснование так называемого тренда технологического аутсорсинга, предполагающего передачу функций и работ от человека — техническим устройствам. Автор формулирует гипотезу, согласно которой тренд аутсорсинга сформировался не сам по себе, а в связи с давним феноменом, который обозначается как онтологический соблазн, или соблазн не быть. В статье приводится ряд аргументов, показывающих глубинные причины такого онтологического выбора человека. На этой основе автор делает вывод о том, что человек в настоящий момент находится в ситуации онтологического соблазна, многократно усиленного достижениями и разработками в области умных технологий. Для вскрытия феномена соблазна приводится аргументация, предложенная в работах Ж. Бодрийяра и М. Хайдеггера. Согласно позиции Бодрийяра, соблазн связан с переживанием человеком

Работа написана в рамках грантового проекта «Человек и новый технологический уклад. Антропологический форсайт» при поддержке Российского научного фонда (проект № 21-18-00103).

притягательности чистой, но пустой формы, которой человек стремится обладать как доступной вещью. Согласно аргументации Хайдеггера, человек не обладает готовой сущностью. Он в бытии случаен и является в мире как событие. Он имеет шанс быть. Поэтому именно событийная природа человека показывает, что бытие человека есть шанс, которым человек рискует либо воспользоваться, либо не воспользоваться. Бытие выступает как рискованное предприятие, на которое человек или волен идти, или волен не идти. Это решение связано с тем, что человек испытывает постоянный соблазн редукции себя как сущего. В статье приводится попытка, идущая от Декарта, связанная с редукцией человека к понятию субстанциально обосновывающего себя субъекта. Показывается, что именно редукция человека к разным определениям толкает его на соблазн, поскольку именно редуцированный человек, сведенный к разным функциям, испытывает страх не сбыться и потому испытывает соблазн не быть.

Ключевые слова: бытие, соблазн, субъект, сущее, человек, технологический аутсорсинг, событие.

Ссылка для цитирования: Смирнов С.А. Соблазн не быть, или Онтологические корни технологического аутсорсинга // Человек. 2023. Т. 34, № 1. С. 28–50. DOI: 10.31857/S023620070018331-1

С.А. Смирнов
Соблазн
не быть, или
Онтологические
корни техно-
логического
аутсорсинга

Готовность

Давно привычным стало рассмотрение технического прогресса в логике и модели технического аутсорсинга. Передача, делегирование функций и работ от человека машине или техническому устройству, всегда рассматривалось в духе естественной логики технического прогресса и оценивалось как благо, сверх оптимистично. Человечество радовалось, что человек освободится от рутинного труда и будет посвящать себя наукам и искусствам.

Противники же этого тренда выступали против него, подозревая почему-то машину в том, что человек превращает себя в придаток умной машины или просто перестает трудиться, тем самым превращая себя в «ничегонеделающее» животное.

Мы попробуем рассмотреть этот феномен технического (шире — жизненного) аутсорсинга с другой стороны. Не является ли этот процесс следствием более глубинного феномена, который можно назвать онтологическим соблазном? Человек отдает технике, умной машине, свои, привычные ему работы потому, что просто предпочитает не быть. Он не рассматривает бытие как норму, обязательную для него и необходимую именно потому, что нет у него «алиби в бытии».

с книжкой «Гамлет». Он с ним не расставался всю жизнь. В записной книжке в конце жизни он вновь напишет о готовности, используя цитату из «Гамлета»: «NB! Pro domo suo¹. Это последнее, что я сделал в психологии — и умру на вершине как Моисей, взглянув на обетованную землю, не вступив в нее. Простите, милые создания. The rest is silence» [Выготский, 2017: 568].

Выготский сравнивает себя с главными для него культурными героями — Моисеем и Гамлетом. Он, как и Моисей, указал путь к «земле обетованной», вершинной психологии, новой науке о человеке, путь из пустыни ошибок и тупиков натурализма и эмпиризма, из пустыни незнания и непонимания нами самих себя. Этот путь был только начат и впереди еще многое предстояло сделать. Но, как и Гамлет, он рано ушел, успев только указать путь. Поэтому о том, что он мог бы еще сделать, никто сказать не может. Дальнейшее — молчанье.

Конечно же, тема готовности Выготским понимается в явно выраженном христовом залоге (см. его собственные комментарии [Выготский, 1986: 552–553]). Это тема того, как Он был послан Отцом. Это тема готовности самого Христа испить чашу. И хотя «Шекспир не Библия», но есть поразительные совпадения, и Выготский их помечает: «Будьте же и вы готовы» (Лук. 12, 40).

Даже Христос на секунду усомнился в своей готовности, молясь о чаше в Гефсиманском саду, в итоге приняв уготованный ему выбор: «Отче Мой! Если возможно, да минует Меня чаша сия; впрочем, не как Я хочу, а как Ты» (Мф. 26, 39).

Вообще-то в течение своей короткой и яркой жизни Выготский и искал ответ на главный вопрос — как это так получается, что в человеке вырабатывается вот эта странная готовность идти на онтологический риск? Какую она имеет природу, оставаясь всегда тайной? Как вырабатывается эта готовность быть и способность через готовность управлять своими страхами, страстями и аффектами? Признавая эту готовность мистической, потусторонней, он затем в течение всей жизни до самой смерти пытался описать ее в категориях мыслящего действия, того самого культурного акта, ища при этом в акте базовую единицу, из которой бы и состояло ядро всей вершинной психологии человека.

Мы по привычке ссылаемся на плохое окружение, на влияние среды, на то, что время не пришло. Но Гамлет (как и сам Выготский) признает, что время всегда уже пришло, потому что

¹ «В защиту собственного дома» (лат.). Название речи Марка Туллия Цицерона. Имеется в виду защита своей профессиональной деятельности, своего пути и предназначения.

оно заключено в его действии, в его личном акте, поскольку не существует вне его. Но нам, грешным и смертным, удобно быть не готовыми, испытывать соблазн не быть. Ссылаться на то, что еще не пришло это время.

Но мы далее будем вести речь не о земных грехах, сладострастии, чревоугодии, жажде власти, жажде мщениия и проч. Мы поведем речь о соблазне не быть, который не может быть сведен к земным страстям.

Соблазн как феномен

Ж. Бодрийяр в известной работе, редуцируя соблазн к сексуальности и телесности, к желанию обладания иного тела, пытался обнажить сам феномен соблазна [Бодрийяр, 2000]. Внешнее тело, сексуальное тело, соблазняет, влечет, манит. И человек, влекомый внешним, ярким телом, просто формой, выбирает мужскую стратегию соблазна.

Ж. Бодрийяр замечает, что соблазн связан с влечением к чистой форме, поверхности, внешнему блеску, за которыми нет содержания, а есть пустота, ничто. В пределе — смерть. Но мы увлечены очаровывающей нас формой без содержания, которой хочется обладать, следствием чего становится и редукция самого влечения, становящегося симуляцией [Бодрийяр, 2000: 310].

Но форма влечет, манит, потому что яркая, потому что влекущая, потому что создает иллюзию простоты обладания. Можно протянуть руку — и она твоя. И ничего тебе за это не будет, никаких последствий и наказаний. Жажда влечения связана с соблазном именно иметь — иметь запрещенный и кажущийся простым и доступным внешний мир, представляемый соблазненным вкусным плодом.

Стратегия соблазна формируется в ситуации обманки-приманки. Человек стремится обладать внешним объектом, вещью, предметом. Он манит, потому что ярк и потому что кажется доступным и простым в обладании. Но простота означает внутреннюю пустоту, поэтому человек становится влекомым пустотой, внешней формой, кожей, телом, чистой поверхностью, складкой (слышим здесь Ф. Ницше), изнутри пустой. Но поскольку сама стратегия строится на обмане, подмене стратегии быть — на стратегию иметь, стратегию захвата того, что иметь невозможно, но возможно иметь доступную пустышку, поэтому так или иначе стратегия захвата оборачивается для захватчика капканом, он сам ловится на обманке, поэтому стратегия захвата оборачивается гибелью самого захватчика. Как муха забирается в душистый цветок,

лепестки его захлопываются, и муха погибает, становясь пищей растения. Захватчик становится сам пищей и объектом захвата. Так и мотылек летит на яркий свет, а затем погибает. Он не имеет собственной внутренней силы сопротивления искусству желая, он зависит от внешней силы манящего соблазна.

Схема соблазна работает, потому что иллюзия простоты захвата толкает на простой способ действия на расстоянии протянутой руки. Создается иллюзия быть через простое получение полноты ощущения. Но через подмену. Вместо быть — иллюзия быть. Но чтобы создать иллюзию, используется главное орудие — желание обладания внешней, доступной телесной формой, желание низа, без стремления верха.

Потому и работает приманка, поскольку напрямую захватчика (желающего захвата) не заманить. Заманивает не само ничто, заманивает иллюзия, которую испытывает сам захватчик, через искус обладания блестящей формой.

Ж. Бодрийяр вслед за В. Беньямином выделяет три формы соблазна: ритуальную, эстетическую и политическую. Последняя — наиболее яркая и кричащая. Примеров тому много. Например, бывший КВН-щик становится президентом страны и продолжает играть роль, которую он играл ранее в сериалах. Имитация правления становится бесконечным сериалом, ярким, но содержательно пустым перформансом, выливающимся в чистую непристойность в ее радикальных формах, в «видимую, обезразличенную непристойность» [Бодрийяр, 2000: 308], чья чистая форма и есть «рассеянный соблазн без очарования и азарта, <...> призрак соблазна, населяющий наши коммуникации без человека, выстраивающего стратегию тайны» [Бодрийяр, 2000: 308].

Но тайны творения и бытия уже нет, она подменяется секретом захвата, бесконечные петли которого нарастают и тиражируются и множатся при нарастании числа имитаций и симуляций, в силу чего в пределе чистая желаемая форма становится чистой непристойностью, а потому «мы живем среди бессмыслицы, где симуляция — ее разочарованная форма, а соблазн — очарованная» [Бодрийяр, 2000: 310]. И петли захвата стягиваются все туже на шею захватчика.

Соблазн работает ввиду доминирования превращенной онтологической формы, развращающей желающего иллюзией взятия бытия как вещи. Соблазн работает ввиду победы мужской стратегии захватчика, стратегии обладания миром, как чужой женщиной, как чужим городом. Но для выхода из тупика соблазна приходится преодолевать сам способ видения проблемы. Соблазн потому работает, что он доминирует в ситуации господства превращенных форм. Сначала происходит, совершается, позволяет себе быть,

С.А. Смирнов
Соблазн
не быть, или
Онтологиче-
ские корни тех-
нологического
аутсорсинга

онтологическая редукция, и потому побеждает капкан соблазна. Сначала сам человек теряет собственный исток творения, в нем размывается личностный каркас, стержень личностного усилия и поступка, в силу чего он делегирует момент принятия решения, онтологического самоопределения быть, другому, отрываясь от истока творения, реагируя на манки внешних сигналов и звонков, внешних бликов пустого, но яркого света квазиисуществования.

Иначе говоря, соблазн доминирует в силу инфантилизации человека, не желающего взрослеть, принимать ответственные решения. На пустой фантик соблазняется человек-ребенок, думающий, что можно взять мир как вкусную вещь. Достаточно просто протянуть руку. И тебе его дадут. И нет необходимости совершать усилие. Сведение онтологического усилия быть к желанию взять — такая стратегия характерна для квазидетского поведения. Соблазняется ребенок. Человек взрослеющий, берущий на себя ответственное решение за себя и за мир, в котором живет, на соблазн не идет. Но многие выбирают стратегию соблазна, не желая взрослеть. Понятно, почему. Взрослеть (шире — быть) — страшно. Невыносимо. Нужно иметь «мужество быть», к чему призывал П. Тиллих.

Грамматика языка лишь подтверждает происходящее. Французское *séduction* (равно как и английское) перекликается с *reduction*, редукцией человека (его сужение, снижение, превращение) до реактивной функции, что приводит в итоге к онтологическому редактированию его. Соблазну поддается не человек в его существе, его остове, не его столп, а он, сведенный к функции. На превращенную форму реагирует редуцированное существо, оставшееся от человека, отредактированного и размельченного, рассыпанного на функции, в котором уже не узнаваем человек в его образе, потерявший свой образ, точнее, не нашедший его.

Итак, корневая причина соблазна не в нем самом, не в самом по себе обольщении внешней влекущей пустой формой, а в том, что сначала происходит онтологическая подмена. Тайну истока жизни человек стремится просто взять, открыть отмычкой, полагая (обманываясь, то есть, обманывая себя), что чистую форму жизни можно просто вскрыть. Вместо открывания и преображения себя — вскрытие и превращение другого, мира как вещи.

Поэтому важнее и коварнее не сам соблазн, а самообольщение, заключающееся в том, что человек позволяет себе допустить мысль о невыносимости бытия, а потому и ненужности. Можно, лучше, легче не быть, поскольку бытие невыносимо. Иго бытия невозможно перенести, его вообще не обязательно переносить. Бытие перестает быть нормой. Человек дает себе право думать так. Потому и становится падким на подмену.

Здесь — корень соблазна и неизбежности искуса. Человек изначально, с одной стороны, все может перенести, в том числе иго бытия², точнее, он имеет такой шанс. С другой стороны, он не хочет быть, не желает переносить тяжесть жизни, выбирая стратегию не быть, оправдывая это непереносимостью, невыносимостью ига бытия, ища лазейку, уловку, дабы избежать онтологического самоопределения, ибо нет у него изначальной, врожденной готовности быть. Но нет у него и «алиби в бытии» (М.М. Бахтин). Он бытийно, нудительно должен, являясь в мир, найти свое место. Но тут же он начинает искать лазейку, как подпольный человек у Достоевского, чтобы не стать, не быть, оправдывая это прежде всего квазионтологическим аргументом, что бытия-то и нет. Его придумали философы-ученые, иезуиты-умники, а человеку нужен хлеб, а не свобода. И тогда мы встаем на тропинку-лазейку логики Великого инквизитора у Ивана Карамазова.

Заметим, фактором такого выбора в сторону соблазна становится фактор чисто логический, идущий от головы, в виде аргумента, переноса точки решения, места события выбора, в себя самого. В себе самом, индивидуальном, не ставшем, еще не совершенном и не свершенном. Никак еще не свершившийся, человек ищет ответ-лазейку и находит, разумеется, выход-уход, уловку, оправдываясь страхом от непереносимости бытия. Ибо нет и быть не может в нем силы и готовности (гамлетовской: Я готов!) перенести онтологическую муку. Силу он может найти лишь в энергичной связи с онтологически Иным. Как и показал Христос во время молитвы: Не как я хочу, а как Ты³. И потому Он преодолел страх, испытывавший его в Гефсиманском саду. В себе самом, отдельном, индивидуальном, человек не может найти силу, ее там и быть не может, там он находит лишь страх и слабость, поскольку точку принятия решения он переносит в себя, делая себя центром мысли и действия, критерием разумности всего сущего. Здесь он и ввергается в соблазн.

Субъект как редукция человека

Исторически этот перенос центра решения, назовем его вслед за М. Фуко, «картезианским моментом», был показан у Р. Декарта, сведшего центр онтологического самоопределения в себя, субъекта,

² «Человек, он всех тварей живучее, он все перенести может», — говаривал Н. М. Карамзин.

³ «И отошед немного, пал на лице Свое, молился и говорил: Отче Мой! Если возможно, да минует меня чаша сия; впрочем, не как Я хочу, а как Ты» (Мф. 26, 39).

С.А. Смирнов
Соблазн
не быть, или
Онтологиче-
ские корни тех-
нологического
аутсорсинга

в «вещь мыслящую», выступающую главным критерием сущего⁴. Я — вещь мыслящая, и это единственное, что я могу признать как очевидное, делает вывод Р. Декарт в «Медитациях» [Декарт, 1994, 2: 23]. И потому только я, вещь мыслящая, решаю вопрос о разумности (и реальности) всего остального сущего. Субъекту Р. Декарт приписал свойства субстанции, субстанционально оправдал себя как вещь мыслящую, ставя все под сомнение, но себя самого, как вещь мыслящую, под сомнение не поставил, тем самым нарушив свой собственный метод радикального сомнения.

Р. Декарт сам дает определение: «Под субстанцией мы можем разуметь лишь ту вещь, которая существует, совершенно не needing для своего бытия в другой вещи» [Декарт, 1989, 1: 334]. Но тут же признает, что такой субстанцией может быть только Бог, хотя в своих «Медитациях» он пришел к тому, что таковой выступает он сам, как вещь мыслящая, добавляя, что таковой вещью я могу быть лишь при содействии Бога.

Тем самым «вещь мыслящая», то есть собственно субъект, становится (ему приписывают) свойством субстанции, становится самодовлеющим сущим. Но потому человек и соблазнен, поскольку он себя устраивает, он иного вне себя и не мыслит в качестве онтологически иного места и силы. Сведение себя к вещи мыслящей и толкает человека на соблазн.

⁴ М. Фуко добавляет, что его употребление картезианского момента условно, он говорит не буквально о самом Декарте, а о моменте, о месте, значимом эпизоде в истории европейской культуры, когда акт познания мира, стремление к истине, с одной стороны, и забота о себе, с другой, были оторваны друг от друга. Наступил момент, когда античный смысл познания себя как заботы о себе, выступающий условием постижения Блага, был оторван от самого субъекта заботы, и в итоге познание трансформировалось в когнитивный акт познания мира (еще точнее — его овладения через знание-орудие). А забота познающего о себе самом перестало быть условием такого познания. Еще точнее. Именно отказ познающего от себя, от заботы о себе, предполагающей его преобразование, превращает познание мира в овладение им, в операцию по захвату мира с помощью знаний-орудий. Этому и был посвящен его курс лекций «Герменевтика субъекта». Пафос античных стоиков М. Фуко пытался восстановить на новой почве, призывая к новому началу, чтобы самих себя переначать, поскольку ситуация исторического разрыва требовала восстановления истока: такой, какой есть, субъект не может быть способен к истине. Человек не может «иметь» доступа к истине, не совершая акты заботы о себе, то есть акты преобразования, акты аскезы. Лишь совершая преобразование себя, я могу получить доступ к истине. Именно в актах преобразования и совершается практика заботы, то есть практика борения с соблазном и искусом. Без аскезы нет и истины [Фуко, 2007: 28]. А с Картезия начинается новая эпоха, в которой признается допущение: такой, какой есть, субъект может постигать истину. Главное, чтобы он выполнял «правила для руководства ума». Делай так-то — и получишь доступ к истине. Но аскеза не рассматривается как необходимое условие доступа к истине [Фуко, 2007: 30–31].

Последнее обусловлено именно тем, что собственная субъектность понимается субстанциально. Вещь мыслящая становится (ей приписывают) субстанцией, то есть сущим, которое нуждается в себе, и обосновывается лишь самой собой⁵. Декарт в итоге совершил подмену. Но в таком случае и сам Бог выводится не из себя самого, точнее, понимается не как онтологически Иное человеку, с которым тот сопрягает свое бытие, вступая в личное энергичное богообщение, а сугубо как Идея, выводимая силой чистой мысли. Выведение это осуществляет сам субъект как вещь мыслящая⁶.

Вся западная классическая рационалистическая традиция встраивается в логическую цепочку каркасных понятий: субъект — субстанция — под-лежащее — сущее. Именно субстанциально принятый и признанный субъект становится под-лежащим сущим для всех остальных идей и вещей, для всего сущего.

С.С. Хоружий замечает, что «субъект Картезия» был изобретен не для решения собственно антропологических или тем более онтологических задач. Он был создан для решения задач, связанных с познанием (сиречь, овладением) мира, как сугубо, добавим от себя, эпистемологический инструмент [Хоружий, 2010: 107–108]. То есть для решения сугубо прикладных задач, связанных

⁵ На этот изъян в философии Декарта указал и С.С. Хоружий [Хоружий, 2010: 60–61].

⁶ Декарт весьма последователен. Он утверждает, что «некая идея субстанции присутствует во мне по той самой причине, что и я сам — субстанция» [Декарт, 1994, 2: 38]. Но именно увлечение субстанциальной идеей, как реверанс в сторону ложной теологии, увлекла Декарта и загнала в тупик. Если убрать субстанциальность из его «Медитаций», но принять чистый принцип *cogito* как критерий реальности самого мыслящего, то есть тем самым ввести ключевой признак акта мышления, его событийность, как Декарта трактует Мамардашвили (что нам близко), то в таком случае не так страшен субъект Картезия. Я мыслю — и поскольку мыслю, то я и существую. И в акте мысли я только и могу существовать. А значит мое главное условие моей собственной действительности и моей событийности, то есть пребывания в мире — это мое усилие мысли. Значит, если я хочу быть, то значит, надо совершать усилие мыслить. И нет необходимости приписывать акту мысли субстанциальность. Речь идет не об отказе от сущего вне меня, но о критерии реальности меня самого. Но приписывание субстанциальности мышлению ломает весь принцип. Поскольку мысль не субстанциальна. Она событийна. Она не предзадана и не существует вне меня. Она реальна в акте осуществления. Именно с этого момента начинается принцип *cogito*, и здесь и заложена ответственность мыслящего. Если же я допущу субстанциальность вещи мыслящей, то тут же начну допускать, что она пребывает во мне вне моего усилия. Соблазн начинается не с самого по себе субъекта, а с приписывания ему субстанциальности. И Декарт это вроде бы понимал. Поэтому вводил различие между «субъектом действующим» и «субъектом, претерпевающим действие» [Декарт, 1989, 1: 482]. Точнее, помечает он, это два разных названия одного явления, и его можно отнести к разным субъектам.

с познавательной, экономической, политической, правовой и прочей активностью⁷. Этот конструкт был удобен и вполне эффективен. Но не предназначался для того, чтобы понимать человека, проникать к его истоку и постигать смысл его бытия.

Процесс редукции был тем самым запущен. От допущений и выводов «вещи мыслящей» зависит в таком случае как бытие Бога, так и его смерть. Но «вещь мыслящая» не подозревала, что тем самым в этой редукции (и редукции человека) и вселили субъекта заложена и ее собственная смерть. Однажды субъект перестает нуждаться в Боге. Это неминуемо должно было случиться. Поэтому сначала происходит отказ от признания бытия Бога, его онтологического доказательства. Бытие Бога субъект ставит в зависимость от своего акта мысли. Затем он отказывается и от Идеи Бога. После чего наступает неминуемая смерть и самого человека как сущего. Человек соблазна убивает и самого себя, редуцируясь к машине желаний, в пределе включив и желание самоуничтожения в свое сущее как необходимую его часть.

Онтологическая редукция приводит к крайнему индивидуализму, воплощая субъектность в ее разных ипостасях и модусах атомарной личности (сводимой к отдельному эмпирическому индивиду). Потому сведение точки принятия онтологического решения (быть или не быть) в атомарную личность, то есть индивида, понимаемого как субъект, ставящий в зависимость все сущее от своих решений, есть тупик и корень всякого соблазна, то есть увлечения превращенными яркими квазиформами жизни, увлечение яркой, но пустой непристойностью, как замечает Бодрийяр.

Диагноз М. Хайдеггера. Точки мысли

Спросим себя — зачем человеку мыслить бытие? Спросим того же философа — зачем ему мысль о бытии? Мы прямого ответа не получим. Или получим разного рода задним числом придуманные конструкты и оправдания.

Если же вспомнить исток рождения этой мысли, то становится понятным, что это и есть первая, родовая практика рождения человека в человеке, его родовспоможение. Мысль о собственном истоке, о своем предназначении, то есть забота о себе, поиск человеком себя после первого рождения и попытка поиска ответов

⁷ Субъект стал «универсальным подлежащим» для самых разных видов деятельности, в рамках которых вводились разные модусы «участнического человека» — субъект познания, субъект права, экономический субъект, моральный субъект, политический субъект и проч. [Хоружий, 2010: 108].

на вопрос о том, зачем я и где я, где мое место, возвращает человеку его исходное предназначение — заботу о себе, что означает быть «стражем бытия», стоять в его просвете, в его присутствии, становиться его органом, оком. В сущности, М. Хайдеггер именно родовой исток и пытался вернуть практике заботы о себе. Поэтому и возвращался к бытию не как к теоретическому предмету интеллектуальных словопрений, а как к мысли о родовом предназначении человека. Мысль о бытии — это мысль человека о себе самом в его истоке, мысль о своем месте, поиск им своего места. Поэтому забота о себе, укорененная в истоке, и есть мысль о бытии⁸.

Идея заботы обосновывается М. Хайдеггером в качестве составной части его философского концепта бытия как присутствия. Забота для него выступает «фундаментальным экзистенциалом» [Хайдеггер, 1997: 196]. Забота выступает в качестве онтологической характеристики «бытия в присутствии», что, собственно, и есть человек, то есть здесь-бытие, бытие-в-присутствии (Dasein)⁹.

Главным предметом заботы в таком случае выступает укорененное в бытии стремление человека стать «в просвете бытия» и оформить себя как орган бытия, через который бытие и является человеку непотаённым. Явление потаённого и есть собственно онтологический смысл заботы. А человек весь целиком становится таким органом заботы, не сводимым и не редуцируемым к каким-то онтическим или эмпирическим примерам. «На что же еще, — вопрошает Хайдеггер, — должна быть направлена эта “забота”, как не на возвращение человека его существу? Какой тут еще другой смысл, кроме возвращения человеку (homo) человечности (humanitas)?» [Хайдеггер, 1993: 196–197].

В 1929 году в Давосе состоялся известный спор М. Хайдеггера и Э. Кассирера. Спор шел фактически о возможности ответа на кантовский вопрос: что такое человек?¹⁰ О возможности вообще философствования о человеке. Для Хайдеггера была очевидна сама проблематичность доктринального жанра мысли о бытии как присутствии, о заботе и сбываемости бытия как события. Просто потому, что событие бытия случается, сбывается. Это только шанс, которым человек может как-то воспользоваться. Но у него может

С.А. Смирнов
Соблазн
не быть, или
Онтологиче-
ские корни тех-
нологического
аутсорсинга

⁸ См. онтологическое прочтение смысла и идеи заботы о себе в разных работах [Полякова, 2015; Смирнов, 2010; Федичева, 2010].

⁹ Понятно, что в повседневности заботу понимают онтически, как некую «забоченность», «хлопотливость». Преодоление такой версии возможно лишь при понимании заботы в «экзистенциально-онтологической интерпретации» [Хайдеггер, 1997: 197].

¹⁰ См. подробнее о споре в Давосе [Смирнов, 2021; Фридман, 2021].

и не получиться. Быть в присутствии — занятие рискованное. В этом плане сам человек, его сбывание, есть эпизод, случай, точнее, событие. Невозможно по этому поводу построить концепцию для массового употребления и тиражирования, чтобы ее использовать как учебник, написанный по поводу того, что есть забота о себе в бытии как присутствии. Концепт о бытии невозможен. Но мысль об этом как событийный прецедент возможна.

А Э. Кассирер, отвечая на кантовский вопрос, строил доктрину просвещенческого типа, в логике идеи духовного прогресса человечества, предложив философию символических форм. М. Хайдеггер отказывался от доктрины, поскольку само явление (феномен) человека в бытии не может быть гарантировано. Оно событийно. Оно случается. Строить теорию события — бессмысленно и глупо. Поэтому вопрос о человеке «не должен разрешаться в смысле антропологической системы», то есть созданием очередной доктрины [Давосская дискуссия, 2011: 131]. Но разрешаться он как-то может в перспективе, в предельном случае, через «прорыв в сущее, который всегда историчен и в самом предельном смысле случаен. Настолько случаен, что высшая форма экзистенции *Dasein* может быть сведена к чрезвычайно немногим и редким мгновениям длительности *Dasein* между жизнью и смертью. Что человек лишь в крайне редкие мгновения экзистировать на острие своей собственной возможности, обычно же движется среди своего сущего» [Давосская дискуссия, 2001: 132].

Человек случается между жизнью и смертью. Именно «между». Это экзистенциальное мгновение. Что и как можно сказать, как помыслить возможно это мгновение? По этому поводу может что-то и как-то сказать один культурный герой — поэт. Он для этого и призван — «поэт учреждает бытие» [Хайдеггер, 2020a: 29].

Помыслить бытие, точнее смысл бытия, то есть *Dasein*, реальность самого себя, может сам человек, но странным образом: «Вопрос о бытии — это именно прыжок в бытие, который человек совершает как искатель бытия, поскольку он есть создающий *мыслительно*. Искатель бытия в свойственнойшем избытке искательской силы — это поэт, который “учреждает” бытие» [Хайдеггер, 2020a: 29].

В конце 20-х годов прошлого века шел также интенсивный спор между представителями Венского кружка, отстаивающими идеи логического позитивизма, с одной стороны, и представителями метафизики, главной фигурой коих был признан М. Хайдеггер, с другой [см. подр. Смирнов, 2021; Фридман, 2021].

Внешне это выглядело как спор о предмете философии, ее будущем. Р. Карнап и другие обосновывали свою позицию тем, что философия должна быть логически и математически обоснованной

наукой, строиться на логических основаниях. А коль скоро метафизика, ее основные понятия, не могут быть логически ни обоснованы, ни опровергнуты, то они не имеют смысла, не являются научными. И поэтому философия как мышление о бытии не может быть основой для выстраивания будущей философии.

Но это лишь внешний предметный контур разговора. В основании спора сторонами закладывались разные онтологические установки относительно того, что есть сущее? Для Карнапа сущее сводилось к эмпирической реальности, реальности существования эмпирических индивидов и натуральных объектов, которые могут быть описаны, исчислены, подсчитаны, спрогнозированы. Такая реальность и должна быть таковой — понятной в процедурах описания и расчета, понятной каждому смертному индивиду. В сущем не должно быть тайны. Все сущее должно быть научно, то есть логически, экспериментально, опытно обосновано и просчитано, исчислено.

В основание сущего тем самым закладывался принцип исчислимости, то есть расчета, охвата, ухвата. Сущее должно быть схвачено, просчитано и представлено как готовый объект. Равно как и сам человек как объект должен быть просчитан и ухвачен, схвачен.

Для Хайдеггера это было неприемлемо. Он показывает, что в логике его оппонентов происходит подмена, замена онтологического поиска — математическим доказательством, а истине отведена роль достоверности, простого закрепления мыслью того, что можно мыслить, в силу чего происходит профанирование, снижение самого предмета разговора [Фридман, 2021: 46–47]. В результате сама философия превращается в «грамматическое предприятие», а философствование — в логические доказательства. Добавим от себя — она превращается в решение математических и логических головоломок. А бытие в итоге редуцируется к приставке «есть», как связке в суждении. Сущее исчезает, а остается суждение. Спор идет о суждениях о предмете, а самого предмета уже и нет. Но логика не может справиться с онтологическим вопрошанием, она «расплывается в водовороте более изначального вопрошания» [Хайдеггер, 2007: 37].

В этом споре важна базовая интенция. Онтологическая установка, носителями которой были представители позитивизма, направленная на познание и логическое обоснование мира (и человека), предполагает не просто сам по себе расчет мира, а дальнейшее его, мира, употребление, имение, в пределе — уничтожение в угоду выгоды, прибыли, капитализации. Этих слов Хайдеггер не употреблял, но основание обозначил: «Всякий расчет сводит исчисляемое к расчисленному, чтобы употребить его в последующих

С.А. Смирнов
Соблазн
не быть, или
Онтологиче-
ские корни тех-
нологического
аутсорсинга

расчетах <...>. Это потребляющее употребление сущего выдает истребляющую природу расчета» [Хайдеггер, 2007: 71].

Расчетливое мышление, построенное на логике исчисления, мнит себя удобной и эффективной формой для схватывания сущего. А возрастание числа и объема таких расчетов, увеличение роста и числа расчетов в разных направлениях, «создает видимость продуктивности».

В пределе сущее потребляется ради полного расходования. Потребляется также и человек как сырье: «Потребление всех материалов, включая сырье человек, для технического производства неограниченной возможности изготовления всего потаенно обусловлено полной пустотой, в которой взвешено сущее, материал для действительного. Эта пустота требует заполнения» [Хайдеггер, 2007: 252–253].

Но пустоту бытия никогда не заполнить полностью только сущего, поэтому возникает необходимость нарастания «обесцеленной деятельности» (сиречь — имитации и симуляции). В этом случае именно техника подходит для обеспечения этого недостатка. Техника в таком случае выступает заменителем, суррогатом, эрзацем сущего. Добавим (в пределе) — протезом человека как сущего, подпирающим его собственную онтологическую нехватку. Человек, растерявший себя, привыкает к этому протезу, ему в его бытийной оставленности нравится замещать, заменять себя техникой-протезом.

Исчисляемое и потребляемое сущее кажется ему безграничным. Оно, будучи исчислено, становится «пред-ставленным», удобным для потребления и становится «более доступным» [Хайдеггер, 2020а: 605]. Но в кажимости доступности потребления это сущее на самом деле начинает сворачиваться. Поскольку в стремлении потребления его всегда мало, его всегда не хватает¹¹. Точнее, человеку всегда не хватает собственного бытия, он в этой погоне за исчисленным и потребляемым доступным сущим всегда остается голодным, испытывая онтологическую нехватку. Сущее сворачивается для него, поскольку он всегда испытывает нехватку, недостаток, и человек попадает в яму, из которой чисто технически не выбраться [Хайдеггер, 2020а: 605]. Он проворачивает в имитации потребление сущего, превращая свое существование в скучное, хотя и яркое занятие, испытывая иллюзию полноты, сводя заботу к техническому усилению протезом. Вместо заботы он подставляет к себе внешнюю оснастку, рассчитывая на технический протез-костыль, превращая себя в вечного онтологического инвалида

¹¹ Как человек, больной булимией, испытывает всегда состояние голода.

и бомжа, испытывающего нехватку себя, потерявшего свой дом бытия.

Но что же делать? Мыслить бытие доктринально невозможно. Поскольку бытие свершается как событие. Из бытия мышление не выводимо. Но оно возможно как событие. Бытие свершается (существует) как событие [Хайдеггер, 2020а: 51]. А человек может лишь вернуть себе основную работу/заботу быть «стражником бытия»¹². Забота о бытии есть сущностное задание для человека, поскольку предполагает заботу о себе, о собственном источке [Хайдеггер, 2020а: 37]. «Событием о-сваивается (er-eignet) в мышлении и сказывании принадлежность к бытию» [16, с. 20]. Не теория о событии нужна, а сам факт событийности, который и есть присутствие. Это «существование бытия» мы и называем Событием (Ereignis) [Хайдеггер, 2020а: 25].

Фактически Хайдеггер производит смену основного вопроса философии. На место кантовского вопроса («Что такое человек?») ставится вопрос: «Где и зачем человек?». Человек, занимающий место стражника бытия, через которое осуществляется присутствие бытия, тем самым и находит (имеет шанс) место в мире. Он обозначает собой, этой событийностью, свое место, не отвечая на вопрос о том, что такое человек, но, занимая место, становясь сторожем бытия, обозначает себя. Поэтому бытие имеет место. Бытие как присутствие. Оно не есть. «Время и бытие сбываются в событии», имеющем место, присутствие [Хайдеггер, 1993: 404 и др.]¹³.

¹² Вменение человеку заботы о бытии сопровождается у самого Хайдеггера разными оттенками. Он называется сторожем, стражником, хранителем, искателем, пастухом (die Wächter, die Hüter). Различия в оттенках значительны. Стражничество привносит воинственную окраску. Хранение привносит окраску сбережения, хранения наследия. Искательство привносит идею пути и поиска. Судя по контекстам, возможны разные варианты. Разные метафоры оттеняют ту или иную сторону, таща за собой языковые привычки и интерпретации. Приходится прислушиваться скорее к смыслу и интонации сказанного, нежели вычитывать грамматику слова.

¹³ Хайдеггер уходит от определения (о-предел-ивания) человека, не отвечая на кантовский вопрос, избегая следования эссенциальной парадигмы, не ища сущности человека, не стремясь строить очередную концепцию о человеке. Но он все равно вынужден искать место человека, выводя его через бытие как присутствие: «Бытие нуждается в человеке, что оно существовало, а человек принадлежит бытию, для того, чтобы он осуществил свое предельное определение вот-бытия» [Хайдеггер, 2020а: 321]. Если происходит доминирование обратной стратегии, сводящейся к поиску сущности человека, что неминуемо ведет к его определению, фиксации разумной или чувственной, или иной сущности, то неминуемо совершается «махинация» по присвоению человеку какой-то сущности в ее разных предикатах, в силу чего происходит «оподление» этой сущности, «расчеловечение» (Vermenschung) человека [Хайдеггер, 2020б: 48].

С.А. Смирнов
Соблазн
не быть, или
Онтологиче-
ские корни тех-
нологического
аутсорсинга

Но именно то, что человек лишь событиен, он случается, не имея и не обладая никакой сущностью, без приписывания ему субстанциальности, и означает то, что человек есть шанс бытия, но, с другой стороны, он рискует этим шансом и не стать, постоянно переживая угрозу не найти себя или потерять себя. Именно собственная событийность провоцирует человека как на шанс стать, сбыться, так и на отказ от себя, от заботы, от бытия. Во втором случае человек выбирает уход как лазейку, строя онтологическую иллюзию быть сущим, не совершая размыкания к Иному, поскольку испытывает страх перед онтологическим прыжком. Ведь доктрина о бытии невозможна. Но есть шанс вопрошания (если есть готовность, см. выше) совершить его как прыжок, бросок ¹⁴.

Однако совет, данный Хайдеггером, фактически означает то, что человек должен быть готовым на весьма рискованное предприятие ¹⁵. Мыслить ведь можно лишь бытие. Только бытие есть равный мышлению и достойный его предмет. То есть бытие самого себя, бытие человека, поскольку бытие сбывается как событие человека через вопрошание его самого — того, кто вопрошает, человека.

Но это означает предельный, пограничный, как мы уже заметили у Хайдеггера, шаг выдвигания человека в просвет бытия, что означает никак не выводимый из сущего повседневно бросок, прыжок, чреватый не только обмороком, но и вообще срывом в пропасть.

Здесь человек себя и проверяет. Поскольку готовность (см. выше) на предельное вопрошание, исповедальное слово-действие вовсе не обязательно для повседневного сущего. И оно, онтологическое вопрошание, крайне рискованно. Человек может как обрести бытие, так и утратить его. Человек нерасторжимо связан с великими рисками вопрошания [Хайдеггер, 2018: 114–115]. В событии мышления о бытии поэтому все поставлено на карту.

¹⁴ В докладе «О технике» (1953 г.) Хайдеггер дает понять, что человек не должен при этом отказываться от техники. Ведь техника — «вид раскрытия потаенности» [Хайдеггер, 1993: 225]. Это некий способ, «постав» (Gestell), с помощью которого потаенное становится непотаенным, собственно присутствием. Но человек срывается с техникой, не рефлексивуя себя отличным от нее, сведя технику к протезу, оторвав ее от онтологического истока, перестав к ней относиться как к поэзису, производству (в античном понимании «технэ»), через которое, собственно, и производится присутствие. Постав не есть нечто техническое, машинообразное, он способ, каким действительное выходит из потаенности. И этот выход происходит не за пределами человеческой деятельности, а как раз посредством ее [Хайдеггер, 1993: 231].

¹⁵ См. о технологической угрозе и риске бытия (по следам Хайдеггера) в работе [Аванесов, 2021].

Человек поэтому периодически, как замечал М.М. Бахтин, оставляет для себя лазейку, чтобы не делать этот предельный шаг. Лазейка, которую открыл Достоевский в феномене подпольного человека, означает оставление за собой возможности изменить последний, окончательный «смысл своего слова», ведь «исповедальное самоопределение с лазейкой по своему смыслу является последним словом о себе, окончательным определением себя» [Бахтин, 1979: 271]. Хитрость слова-действия с лазейкой заключается в том, что человек, его совершающий, показывает другому (а его слово всегда слово-обращение к другому), что он готов на предельную открытость и исповедальность, показывая свою покаянную душу, но на самом деле рассчитывает на похвалу и поддержку со стороны другого (смотрите, как он кается, осуждает себя), он оставляет для себя лазейку, выгадывая себе наиболее подходящий расклад событий, показывая себя в выгодном свете. Лазейка «создает особый тип фиктивного последнего слова о себе с незакрытым тоном, навязчиво заглядывающего в чужие глаза и требующего от другого искреннего опровержения» того, что на самом деле он другой, он лучше [Бахтин, 1979: 272].

Преодоление мысли и слова-лазейки предполагает особый, исповедальный жанр самораскрытия человека — «высшая форма свободного самораскрытия человека изнутри, а не извне», «без маски, <...> без лазеек, без ложного последнего слова, то есть без всего овнешняющего и ложного» [Бахтин, 1996: 352].

Мышление о бытии, сиречь о себе, в пределе предполагает преодоление мысли-лазейки, мысли с оглядкой, предполагает, как любил повторять Лев Шестов, преодоление «оглядного мышления». Он в многолетнем споре с другом-оппонентом Э. Гуссерлем несправедливо обвинял того в том, что в отличие от него, Шестова, считающего философию великой и последней борьбой¹⁶, Гуссерль полагал, что философия и есть мышление с оглядкой, почему-то предпочитая именно такую коннотацию немецкого *Besinnung* (осмысление, размышление, осознание, рефлексия)¹⁷. Мышление с оглядкой рождается от страха перед угрозой, «мыслить же надо

¹⁶ Ссылаясь на слова любимого им Плотина: «Великая и последняя борьба ожидает души». С этого противопоставления Лев Шестов всякий раз начинал спор с Гуссерлем. В этой антитезе воплощается противопоставление им разных традиций — Афины и Иерусалим, научно ориентированная философия познания и религиозное откровение. Что, как нам видится, выглядит искусственным.

¹⁷ Понятно, что немецкое слово означало у Э. Гуссерля именно понятийную рефлексивную работу, связанную как раз с базовой практикой по осуществлению феноменологической редукции. Но Лев Шестов упорно и сознательно, сугубо с акцентом на языковой контекст, переводил это слово как «оглядка», вводя явно выраженную негативную, оценочную коннотацию.

С.А. Смирнов
Соблазн
не быть, или
Онтологиче-
ские корни тех-
нологического
аутсорсинга

не оглядываясь, создавать “логику” неоглядного мышления» [Шестов, 1993: 660]. Философы же, вплоть до Канта и Гуссерля, создавали системы оглядного мышления, поэтому не могли вырваться за пределы «строя бытия». Поэтому «философия всегда была и поднесь продолжает быть “оглядкой”, поэтому все открытые ею истины были связаны оковами привычек оглядного мышления. Стало быть, философия должна быть не оглядкой, не *Besinnung*, как мы приучены думать, — оглядка есть конец всякой философии — а дерзновенной готовностью идти вперед, ни с чем не считаясь и ни на что не оглядываясь <...>. Философия есть не *Besinnung*, а борьба. И борьбе этой нет и не будет конца. Царство божие, как сказано, берется силой» [Шестов, 1993: 662].

Вернемся к началу нашего разговора. Соблазн отказа от себя становится основанием тренда аутсорсинга, всю нарастающего в наше время развития умных технологий. Аутсорсинг, то есть делегирование человеком функций и работ умной машине, умной технологии, есть следствие более глубинного феномена — онтологического соблазна не быть. Сначала человек предпочитает не быть, а потому он движим одержимостью все отдать умному устройству. Бодрийяр замечает: предельным самообольщением, самораспалением становится тотальная дигитальность.

* * *

В философских работах зачастую наблюдается такой момент, согласно которому автор того или иного текста начинает отождествлять реальность собственной мысли и реальность, наблюдаемую за окном. Не получается ли то же самое и в нашем случае? Ведь помыслить смысл бытия как прыжок в избытке экзистенциальной силы, проживая как событие, можно именно «мыслительно».

Поэтому М. Хайдеггер пишет «для немногих», «для редких», которые время от времени вновь вопрошают, «несут в себе высшее мужество к одиночеству» [Хайдеггер, 2020а: 30].

Получается, что для «немногих» и «редких» сумасшедших, одиноких и окаянных, но избранных и посвящается наше мышление? Но ведь мышление — вещь не обязательная с точки зрения выживания и прокормления себя. Она лишняя и даже выглядит роскошью на фоне происходящего¹⁸. Нам остается признать, что философские размышления и не предназначены для спасения страждущих, ищущих чуда и желающих хлеба. Мышление, как и

¹⁸ Тема одиночества вопрошающего мыслителя постоянно присутствует и у М.К. Мамардашвили.

любовь, — занятие свободных, а потому окаянных людей, не требующих воздания за свое деяние.

Если человек теряет собственное бытие и потому соблазняется умными технологиями, то единственным выходом для него остается возврат к самому себе, восстановление своего онтологического предназначения, предполагающего мыслить собственный исток, избегая поблажек и лазеек. Коль скоро человек есть событие бытия, то он волен выбирать и риск ухода из мира, и шанс обретения себя в мире. Он волен выбирать — быть или не быть. Волен быть готовым.

The Temptation of Not Being or Ontological Roots of Technological Outsourcing

Sergei A. Smirnov

DSc in Philosophy, Leading Researcher.

SB of RAS Institute of Philosophy and Law.

Nikolaev Str. 8, Novosibirsk 630090, Russian Federation.

smirnoff1955@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-2023-8855

Abstract. This article gives an ontological interpretation of so-called technological outsourcing. It understands the latter as a trend of labour and role delegation from humans to machines. The author posits that the trend of techno outsourcing is not autonomous but a continuation of an earlier phenomenon, namely the ontological temptation or the temptation of not being. The article shows a number of reasons, capable of compelling a person to choose not to be. Those serve as a basis for author's next point, that the ontological temptation is exacerbated by recent technological developments. The author draws on Baudrillard and Heidegger for philosophical foundations. According to Baudrillard the temptation is rooted in an attraction, a human experiences towards pure but hollow form, they consider to be attainable as a commodity. According to Heidegger a human is bereft of essence and is supposed to occur as an event. They are given a chance to be. It is up to a human to seize this chance or pass on it. Being is a risky venture, and there are reasons not to undertake it. Those risks lead to humans reducing their state of being. The article describes such an attempt, traceable to Descartes, of reducing a human to a actor, substantiating themselves. The article claims that when a human is reduced to a function the fear of unfulfillment drives them to give in to a temptation of not being.

Keywords: being, temptation, actor, human, technological outsourcing, event.

For citation: Smirnov S.A. The temptation of not being or ontological roots of technological outsourcing // Chelovek. 2023. Vol. 34, N 1. P. 28–50. DOI: 10.31857/S023620070018331-1

С.А. Смирнов

Соблазн
не быть, или
Онтологиче-
ские корни тех-
нологического
аутсорсинга

Литература / References

- Аванесов С.С.* Технологическая угроза и риск бытия // *Вестник Томского государственного университета*. 2021. № 472.
Avanesov S.S. *Technologicheskaja ugroza i risk bytija* [Technological threat and the risk of being]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2021. N 472.
- Бахтин М.М.* Проблемы поэтики Достоевского. Изд. 4-е. М.: Советская Россия, 1979.
Bakhtin M.M. *Problemi pojetiki Dostojevskogo* [Problems of Poetic's Dostojevskij]. Publ. 4. Moscow: Sovetskaya Rossiya Publ., 1979.
- Бахтин М.М.* Собр. соч.: в 7 т. Т. 5. Работы 1940-х – начала 1960-х годов. М.: Русские словари, 1996.
Bakhtin M.M. *Sobranie sochhenij* [Collective Works] in 7 vol. Vol. 5. Moscow: Russkie slovari Publ., 1996.
- Бодрийяр Ж.* Соблазн / пер. с франц. А. Гараджи. М.: Ad Marginem, 2000.
Baudrillard J. *Soblazn* [Seduction: transl. from French]. Moscow: Ad Marginem Publ., 2000.
- Выготский Л.С.* Психология искусства. Изд. 3-е. М.: Искусство, 1986.
Vygotskij L.S. *Psikhologija iskusstva* [Psychology of Art]. Iss. 3. Moscow: Iskusstvo Publ., 1986.
- Выготский Л.С.* Записные книжки Л.С. Выготского. Избранное. М.: Канон+, РООИ Реабилитация, 2017.
Vygotskij L.S. *Zapisnye knizhki l. V. Vygotskogo. Izbrannoje* [Notebooks of L.S. Vygotskij. Selected]. Moscow: Kanon+, ROOI Reabilitacija Publ., 2017.
- Давосская дискуссия между Эрнстом Кассирером и Мартином Хайдеггером / пер. с нем. М. Кочетовой // Исследования по феноменологии и философской герменевтике. Минск: Европейский гуманитарный ун-т. 2001. С. 124–134.*
Davosskaja diskussija mezhdu E. Kassirerom i M. Haideggerom [Davos Discussion between E. Cassirer and M. Heidegger]. Transl. from Germ. M. Kochetova. *Issledovaniya po fenomenologii i filosofskoj germenевtike*. Minsk: Evropejskij gumanitarnyj universitet Publ., 2001. P. 124–134.
- Декарт Р.* Сочинения. В 2 т. / пер. с лат. и фр. Т. 1. М.: Мысль, 1989.
Descartes R. *Sochinenija* [Works in 2 vol.: transl. from Latin. and French]. Vol 1. Moscow: Mysl' Publ., 1989.
- Декарт Р.* Сочинения. В 2 т. / пер. с лат. и фр. Т. 2. М.: Мысль, 1994.
Descartes R. *Sochinenija* [Works in 2 vol.: transl. from Latin. and French]. Vol. 2. Moscow: Mysl' Publ. 1994.
- Полякова М.А.* Место cura sui в западных концепциях образования (παίδεια, humanitas, Bildung) // *Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного ун-та. Сер. IV: Педагогика. Психология*. 2015. Вып. 3(38). С. 80–93.
Polyakova M.A. *Mesto cura sui v zapadnykh kontzeptzijach obrazovaniya* [Place of cura sui in Western concepts of education (παίδεια, humanitas, Bildung)] *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tihonovskogo gumanitarnogo universiteta*. 2015. Iss. IV: Pedagogika. Psihologiya. Iss. 3(38). P. 80–93.

- Смирнов С.А. О смысле онтологической заботы/работы (комментарии на полях «Герменевтики субъекта» М. Фуко) // Вестник Новосибирского гос. ун-та. Сер. Психология. 2010. Т. 4, № 1. С. 74–93.
- Smirnov S.A. O smysle ontologičeskoi zaboti/raboti [On the meaning of ontological care/work (marginal comments) «Hermeneutics of the subject» M. Foucault]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2010. Vol. 4, N 1. Iss. *Psychologija*. P. 74–93.
- Смирнов С.А. Философский Давос как повод для развода. Версия М. Фридмана. Часть 1. Часть 2 // *Respublica Literaria*. 2021. Т. 2, № 1. С. 62–83; Т. 2, № 2. С. 50–73.
- Smirnov S. A. Filozofskii Davos kak povod dlia razvoda. Versiia M. Fridmana [Philosophical Davos as a reason for divorce. M. Friedman's version]. Part 1. Part 2. *Respublica Literaria*. 2021. Vol. 2, N 1. P. 62–83. Vol. 2, N 2. P. 50–73.
- Федичева К.В. Забота о себе: философский, онтологический и этический аспекты // Вестник Ленинградского гос. ун-та. 2010. Т. 2, № 3. С. 136–144.
- Fedicheva K.V. Zabota o sebje: filozofskij, ontologičeskij, etičeskij aspekti [Self-Care: Philosophical, Ontological, Ethical Aspects]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2010. Vol. 2, N 3. P. 136–144.
- Фридман М. Философия на перепутье: Карнап, Кассирер и Хайдеггер / пер. с англ. В.В. Целищева. М.: Канон+ РООИ, Реабилитация, 2021.
- Friedman M. Filozofija na pereputje: Karnap, Kassirer i Haidegger [Parting of the Ways: Carnap, Cassirer and Heidegger], transl. from Engl. V.V. Tselischev. Moscow: Kanon+ ROOI, Reabilitacija Publ., 2021.
- Фуко М. Герменевтика субъекта: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1981–1982 учебном году / пер. с фр. А.Г. Погоняйло. СПб.: Наука, 2007.
- Foucault M. *Germenvitika subjekta* [Hermeneutics of the subject: Lectures at the Collège de France 1981–1982], transl. from French. St.-Petersburg: Nauka Publ., 2007.
- Хайдеггер М. Бытие и время / пер. В.В. Бибихина. М.: Ad Marginem, 1997.
- Heidegger M. *Bytije i vremja* [Being and Time], transl. from Germ by V.V. Bibikhin. Moscow: Ad Marginem Publ., 1997.
- Хайдеггер М. Время и бытие. Москва: Республика. 1993.
- Heidegger M. *Vremja i bytije* [Time and Being], transl. from Germ. by V.V. Bibikhin. Moscow: Respublica Publ., 1993.
- Хайдеггер М. К философии (О событии) / пер. с нем. Э. Сагетдинова. М.: Изд-во Института Гайдара, 2020а.
- Heidegger M. *K filozofii (O sobitii)* [Contributions to Philosophy: Of the Event], transl. from Germ. E. Sagetdinov. Moscow: Institut Gajdara Publ., 2020a.
- Хайдеггер М. Что такое метафизика? / пер. с нем. В.В. Бибихина. М.: Академический проект, 2007.
- Heidegger M. *Chto takoie metafizila?* [What is Metaphysics?], transl. from Germ. V.V. Bibikhin. Moscow: Akademicheskij proekt Publ., 2007.
- Хайдеггер М. Размышления XII – XV (Черные тетради 1939 – 1941) / пер. с нем. А.Б. Григорьева. М.: Изд-во Института Гайдара, 2020б.
- Heidegger M. *Razmyshlenija* [Reflections XII – XV (Black Notes 1939–1941)], transl. from Germ. A.B. Grigor'ev. Moscow: Institut Gajdara Publ., 2020b.

С.А. Смирнов
Соблазн
не быть, или
Онтологиче-
ские корни тех-
нологического
аутсорсинга

Хайдеггер М. Размышления VII – XI (Черные тетради 1938–1939) / пер. с нем. А.Б. Григорьева. М.: Изд-во Института Гайдара, 2018.

Hejdegger M. *Razмышlenija* [Reflections VII – XI (Black Notes 1938–1939)], transl. From Germ. A.B. Grigor’ev. Moscow: Institut Gajdar Publ., 2018.

Хоружий С.С. Фонарь Диогена. Критическая ретроспектива европейской антропологии. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2010.

Khoruzhij S.S. *Fonarj Diogena* [Lantern of Diogenes. Critical retrospective of European Anthropology]. Moscow: Institut filosofii, teologii i istorii sv. Fomy Publ., 2010.

Шестов Л. Сочинения: в 2 т. Т. 1. Москва: Наука, 1993.

Shestov L. *Sochinenija* [Works]. Vol. 1. Moscow: Nauka Publ., 1993.

ПОНИМАНИЕ В СФЕРЕ СОЦИАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ КАК МЕНТАЛЬНАЯ ТЕХНОЛОГИЯ



Адамьянц Тамара Завеновна — доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник.

Институт социологии ФНИСЦ РАН.

Российская Федерация, 117218 Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5.

ORCID: 0000-0002-3911-2769

tamara-adamiants@yandex.ru

Аннотация. В центре внимания — ментальные технологии (приемы, способы, навыки), которые использует сознание (ум) для понимания в сфере социальной коммуникации. В соответствии с ключевыми положениями семиосоциопсихологической концепции, в русле которой проводилось исследование, успешность понимания в сфере социальной коммуникации связывается с такими технологиями, которые позволяют «видеть» в любом целостном, завершенном коммуникативном акте латентные многоуровневые структуры, вершиной которых является авторская интенция, или константный смысл. Проведенная на протяжении нескольких десятилетий серия исследований с использованием метода мотивационно-целевого анализа позволила обозначить параметры групп людей, различающихся качеством понимания константных смыслов при восприятии целостных, завершенных произведений. Обнаружена также взаимосвязь между качеством понимания интенции автора и виртуальными формами, посредством которых сознание «осваивает» воспринимаемое произведение: от широко распространенных линейных до более редких многоуровневых, объемных. Зафиксированный

факт разного качества понимания в сфере социальной коммуникации позволил провести аналогию с теорией коллективного бессознательно-го и феноменом архетипов в трактовке Г.К. Юнга. В обществе действительно «живут» различные ментальные технологии, которые используют большие группы людей, что влияет на особенности их социализации и социальной адаптации и в целом на тенденции и вектор социально значимых процессов. Благодаря разработкам российской академической науки навыки понимания в сфере социальной коммуникации поддаются совершенствованию, проведенные эксперименты показывают положительную динамику.

Ключевые слова: понимание, социальная коммуникация, смысл, семиосоциопсихология, интенция, метод мотивационно-целевого анализа, ментальные технологии, сознание, архетипы Юнга, социальная адаптация.

Ссылка для цитирования: Адамьянц Т.З. Понимание в сфере социальной коммуникации как ментальная технология // Человек. 2023. Т. 34, № 1. С. 51–67. DOI: 10.31857/S023620070024827-6

Умение понимать — одно из ключевых, особо ценимых личностных качеств, свойственное в первую очередь тем, кто снискал в общественном мнении статус умных, талантливых, а тем более гениальных. Понимание, как известно, — главная функция сознания (свойство ума, качество менталитета): все процессы, связанные с пониманием, представляют собой попытки ментального продвижения к смыслу: «Понимание — процедура постижения или порождения смысла» [Абушенко, 2003: 755].

Проблемы понимания привлекали и привлекают внимание многих ученых. Приведем имена тех мыслителей, чьи идеи, наблюдения и выводы были ценными при работе над настоящей статьёй. Прежде всего, это древнегреческие философы Аристотель, Гераклит, Платон, Плотин. Средневековый период и эпоха Возрождения в нашем кратком перечне представлены именами Фомы Аквинского, Фрэнсиса Бэкона, Иммануила Канта. К XIX–XXI векам внимание исследователей сосредоточилось преимущественно на изучении взаимосвязей и взаимовлияний между феноменами «понимание», «смысл» и «социальные процессы». Среди представителей западной науки обозначенного периода назовем Дж. Александера [Александр и др., 2010], В. Дильтея [Дильтей, 1996], Э. Гуссерля [Гуссерль, 1994], М. Вебера [Вебер, 1990], Н. Лумана [Луман, 2004], П. Рикера [Рикер, 2008], А. Шюца [Шюц, 2004]; российскую науку в нашем перечне представляют Т.М. Дридзе [Дридзе, 1984], В.В. Знаков [Знаков, 2007], А.Н. Леонтьев [Леонтьев, 1975], Д.А. Леонтьев [Леонтьев, 2019].

Арсенал современного знания о феномене понимания продолжает обогащаться теоретическими концепциями, методическими разработками и практическими рекомендациями в рамках таких дисциплин, как философия, социология, психология, педагогика, культурология, семиотика и т.д., с учетом важных для человека и человеческой цивилизации сфер жизнедеятельности. Предметом настоящей статьи являются технологии (приемы, способы, навыки), которые использует (может использовать) сознание для понимания в одной из важнейших сфер человеческой жизнедеятельности — сфере социальной коммуникации, охватывающей фактически все формы и способы общения и взаимодействия людей: друг с другом, с авторами, обществом, управленческими структурами, группами и т.д. Актуальность такого ракурса изучения бесспорна: выявление закономерностей в латентных механизмах понимания в этой столь важной для каждого человека сфере позволит осуществлять поиск путей и способов их совершенствования. В числе позитивных для общества выгод окажутся массовое умение и привычка к диалогу с взаимопониманием; обнулится эффект от манипуляций, что особо важно в ситуации современных информационные войн и «двойных стандартов».

Основные положения и выводы настоящей статьи опираются на ключевые положения семиосоциопсихологической концепции социальной коммуникации¹ [Дридзе, 1984; Дридзе, 2000а], в рамках которой много лет работает автор.

О предмете понимания в сфере социальной коммуникации

К настоящему времени более других разработаны технологии (способы) понимания в сфере технократической, начиная от простых арифметических действий и заканчивая сложнейшими формулами и законами. По сути дела, это некие константные алгоритмы, следуя которым сознание при наличии необходимых знаний и навыков приходит к искомому результату. Известно мнение классика литературы и философской мысли Л.Н. Толстого о том, что «математика имеет задачей не обучение счислению, но обучение приемам человеческой мысли при исчислении» [Толстой, 1936: 6]. Обратим внимание на существенное ограничение: речь идет об обучении необходимым приемам *при исчислении*. Владение «приемами человеческой мысли» в сфере социальной коммуникации, в которую буквально с рождения «погружен» каждый из нас,

Т.З. Адамьянц
Понимание
в сфере соци-
альной ком-
муникации как
ментальная
технология

¹ Автор семиосоциопсихологической концепции — доктор психологических наук, профессор, главный научный сотрудник ИС РАН Т.М. Дридзе (1930–2000).

не менее необходимо, учитывая всеохватность социально значимых процессов, напрямую или косвенно зависящих от влияния этого феномена.

Понимание в сфере социальной коммуникации традиционно связывают со смыслами и значениями; порой авторы употребляют оба термина, не дифференцируя их, и даже как синонимы. Чаще, однако, при использовании термина «значение» подразумеваются простые, одноходовые ментальные процедуры, в то время как термин «смысл» чаще предполагает сложный, непростой путь к пониманию (познанию). В любом случае мы можем говорить о виртуальном характере любых значений и смыслов, даже тех, которые имеют эквиваленты в виде материально оформленных знаков (слов, символов, звуков, изображений и т.д.), а также о виртуальности происходящих в сознании воспринимающей личности процессов (понимание всегда происходит «в уме»). Добавим, что знаки различаются особенностями своей виртуальной конструкции, то есть формами. Соответственно, ментальные процессы, необходимые для понимания смыслов и значений, должны соответствовать виртуальным формам воспринимаемых знаков.

В свете нашего анализа ценны разработки семиотики, рассматривающие смыслы и значения как знаки разной степени сложности, независимо от средств выражения, которыми они представлены. В качестве предметного поля в настоящей статье использован самый распространенный вид знаков, где средством выражения оказывается *слово написанное*.

Знаки простые (линейная ментальная процедура). Простейшим предметом понимания оказываются слова и словосочетания, означающие соответствующие им материальные объекты (денотаты). Это знаки простые, понимание которых требует одноходовых ментальных действий: необходимо «в уме» отождествить, «связать» знак с объектом (знак–значение). Это процесс линейный и легко контролируемый.

Знаки сложные (многоходовая ментальная процедура). Предметом понимания также являются знаки сложные, к числу которых относятся фразы, дискурсы, тропы, образы, символы, а также слова, означающие абстрактные понятия. «Простые» значения слов и словосочетаний, из которых формально состоят знаки сложные, будучи выстроенными коммуникатором/автором в желаемой им последовательности и взаимосвязи, модифицируются и обогащаются, преобразовываясь благодаря контексту или художественно-выразительным средствам в знаки сложные. Простая линейность, присутствующая в паре «знак–значение», усложняется, обогащаясь логическими, эмоциональными или эмоционально-логическими «вспышками», образуя новую связку,

чаще с элементами объема: «знак–значение–контекст–троп–новое сложное значение (ощущение, эмоциональное состояние, суждение, вывод)».

Единого определения таких знаков нет, у разных авторов они номинируются и как значения, и как смыслы или смысловые нюансы; принципиальной разницы здесь нет, учитывая непростой ментальный путь и те новые горизонты в познании мира, которые открываются в результате их «освоения». Сложные знаки нередко приобретают дополнительные, не предусмотренные автором нюансы в прочтении их значений/смыслов, обусловленные личностными особенностями воспринимающего человека: знаниями, жизненным и эмоциональным опытом, возрастом, состоянием здоровья, склонностью к творчеству или фантазиям. Такая особенность восприятия сложных знаков объясняется отсутствием жесткой детерминации между образующими их элементами и, следовательно, некоторой расплывчатостью/многозначностью контекста; формально (на уровне формы) это зачастую поточная система «открытых» значений.

Если представить сложный знак в графическом исполнении, получится цепочка последовательных элементов разной степени значимости, которую воспринимающей личности следует «пройти», повторить на ментальном уровне, ориентируясь и на контекст, и на свои знания, эмоции и ассоциации. Для понимания сложных знаков требуются внимательность, старание, логические способности, воображение, эмоциональный и жизненный опыт, художественное чувство.

Знаки мета-уровня (объемная многоуровневая ментальная процедура). Несравненно большая доля виртуальности — буквально высшая математика для ума — требуется при понимании глубинных смыслов, таящихся в художественных, публицистических и иных произведениях, а также в пропагандистских кампаниях; понимание таких смыслов требует специфических навыков, особого рода ментальной тренированности. Прежде чем вести дальнейший анализ, отметим факт наличия принципиальных расхождений о предмете понимания в рамках мета-знаков в современных концепциях, посвященных социальной коммуникации [Адамьянц, 2014].

Вот уже несколько десятилетий и за рубежом, и в нашей стране явные приоритеты в представлениях о смысле и его понимании имеют *современные герменевтические концепции*, развившиеся в 1950–1970-е гг. под эгидой идей постмодернизма. Согласно этим концепциям, нет и не может быть единого смысла в целостных произведениях, материалах и т.д. Поскольку восприятие и понимание индивидуальны, есть только множественные и

личностные смыслы и значения в рамках слов, фраз, дискурсов, образов [Gadamer, 1976; Дильтей, 1996]. Есть также выводы, догадки, предположения, идеи, которые могут совпадать, а могут и не совпадать с мотивацией автора, которая сама по себе предметом внимания не является.

Аналогичными оказались представления о смысле и его понимании у представителей континентальной философии (*структуралистов* и «*постструктуралистов*») [Фуко, 1994; Луман, 2004]), сосредоточивших сферу анализа на словах и фразах, что повлекло за собой появление термина «лингвистический поворот». Успешность в понимании связывается у приверженцев данных концепций либо с накоплением новой для воспринимающего субъекта информации (фактологической, практической, содержательной), стимулированием любознательности, либо с появлением новых самостоятельных выводов, умозаключений, предположений, то есть с интерпретированием. Следовательно, если воспользоваться терминологией настоящей статьи, рассматривать целостные произведения/материалы как знаки мета-уровня нецелесообразно, поскольку они состоят из «набора» отдельных, никак не связанных между собой сложных и простых знаков.

Иная позиция представлена в *семиосоциопсихологической концепции социальной коммуникации*, разработанной в рамках российской академической науки [Дридзе, 1984; Дридзе, 2000б]: здесь декларируется константность смысловых доминант в рамках целостных, завершенных коммуникативных актов. Следуя логике обозначенных противоречий, возникает следующая социально значимая дихотомия: диалог с взаимопониманием возможен — никакого взаимопонимания не может быть.

Парадигмальная специфика семиосоциопсихологии. Принципиально важной особенностью этой концепции является *представление о смысле как о иерархически организованной виртуальной структуре* («тексте», по Т.М. Дридзе) *взаимоподчиненных коммуникативно-познавательных программ, ориентированных на интенциональность коммуникатора/автора*. Понятие «интенция» (цель, намерение, стремление), пришедшее из античной философии и средневековой схоластики, а позднее взятое на вооружение экзистенциональной и феноменологической философией, здесь расширено и уточнено: это «*равнодействующая мотивов и целей (точнее — искомого результата) деятельности, общения и взаимодействия людей с окружающим их миром*» [Дридзе, 2000а: 16]. Соответственно, термин «интенциональность» используется для обозначения формулировки «равнодействующей мотивов и целей» конкретного коммуникативного акта.

Еще одно важное положение связано с утверждением тождества между интенциональностью конкретного коммуникативного акта и его смыслом: и то и другое являются *самым главным, что хотел сказать, передать, выразить (или утаить) коммуникатор/автор*, причем и на уровне осознанных целей, и на уровне не всегда осознаваемых мотивов. *Смыслом целостных, завершенных коммуникативных актов, следовательно, является интенциональность коммуникатора/автора, реализуемая на виртуальном плане посредством многоуровневых структур взаимоподчиненных коммуникативно-познавательных программ.*

Предмет понимания здесь конкретен и объективен: понять надо коммуникативную интенцию, которая латентно, а в некоторых случаях и явно наличествует в целостном, завершенном коммуникативном акте.

Внимание к мотивации и целеполаганию автора имеет в истории человечества многовековую традицию, начиная от дошедших до нас древних источников и преданий. Согласно древним мифам, например, главная функция посланника богов Гермеса состояла в сообщении людям воли богов, передаче их указаний и повелений, суть которых, конечно же, следовало донести без искажений, изменений и пресловутой «многозначности» (хотя, как известно из тех же источников, Гермес не всегда был точен). Известны также размышления критиков и аналитиков в сфере художественного творчества о взаимозависимости между биографиями и мировоззрением авторов и латентной мотивацией их произведений.

Как это ни покажется парадоксальным, идея множественности смыслов не отвергается и семиосоциопсихологией, однако множественности смыслов личностных, в рамках индивидуальных «картин мира». С одной стороны, интенциональность автора константна, поскольку в рамках произведения *уже «овеществилась»* посредством слов, фраз, дискурсов, прочих средств выражения; к тому же особенности их взаимодействия между собой жестко детерминированы «работой» на донесение «равнодействующей мотивов и целей» автора. С другой стороны, складывающиеся в результате восприятия этого же произведения нюансы и оттенки личностных «картин мира» индивидуальны, их столько же, сколько и людей. При этом интенциональность автора может стать элементом личностной «картины мира», а может и не стать, в силу разных причин и обстоятельств. Оптимальный вариант предполагает умение сначала адекватно понять интенциональность автора и только затем соглашаться или не соглашаться, «включать» в «картину мира» или проигнорировать.

Вернемся, однако, к ключевым положениям анализируемой нами концепции. «Работающие» на донесение латентных смыслов

многоуровневые структуры, которые всегда наличествуют в целостных, завершенных коммуникативных актах, состоят (могут состоять) из следующих иерархически организованных уровней: 1) интенция – равнодействующая мотивов и целей общения; 2) тезисы–антитезисы; 3) аргументы–контраргументы; 4) иллюстрации; 5) фоны; 6) фоны к фонам².

«Наборы» структурных уровней и особенности их взаимодействия между собой в разных произведениях различаются и зависят от воли и решения коммуникатора/автора. В реальном временном следовании уровни структуры, как правило, располагаются не линейно, а в прихотливом, одним автором определенном порядке: сначала, например, могут идти второстепенные или третьестепенные уровни, «накладываясь» при этом друг на друга, затем — элементы четвертого или пятого уровня, а интенция (смысл) чаще всего «прячется» между слов. Будучи «материализованной» посредством слов, фраз и т.д., виртуальная структура принимает некую неизменяемую, константную форму, что в комплексе, на уровне диалогического единства «форма-содержание», делает произведение индивидуальным, неповторимым. Возникает ассоциация с представлением Аристотеля об энтелехии как «форме, осуществляющейся в материи»; здесь, однако, форма не задается свыше, как следует из философско-теологической концепции мыслителя, а создается непосредственно в процессе творческого поиска коммуникатора, стремящегося реализовать свою интенциональность посредством доступных ему средств и приемов.

Метод мотивационно-целевого анализа, разработанный в рамках анализируемой нами концепции, позволяет «проявить» латентную структуру и сформулировать авторскую интенцию. Процедура состоит в выделении (в рамках анализируемого произведения) коммуникативно-познавательных программ, в соответствии с приведенными выше иерархически организованными уровнями. Стройность и взаимосвязь уровней структуры, невозможность выстроить их иным способом служат доказательством верности искомого смысла и, соответственно, процедуры анализа.

Предложенный подход к поиску латентных смыслов созвучен традициям классической философской мысли. Так, по утверждению древнегреческого философа Платона, постижение сложных явлений требует построения неких условных схем, состоящих из непротиворечивых элементов/рассуждений; при этом искомое

² В разработках поискового плана Т.М. Дридзе выделяла уровни коммуникативно-познавательных программ с гораздо большей степенью подробности: 1-й установочный тезис, 2-й, 3-й и т.д. [Дридзе, 1984: 88–92].

знание дает не сама схема, а возникающее, благодаря умственно-му постижению, новое определение/идея. Напомним также об известной триаде Гегеля «понимание–диалектическое суждение–спекулятивное суждение», а также о более поздней по времени создания триаде К. Маркса «тезис–антитезис–синтез». В нашем же случае мы имеем дело с многоуровневой латентной структурой, где диалектически взаимодействуют, создавая тем самым новые ступени для углубленного понимания, не только тезисы–антитезисы, но и подчиненные/соподчиненные аргументы–контраргументы, иллюстрации–контриллюстрации и т.д., для «овеществления» которых в произведении могут использоваться различные художественно-выразительные средства (в мотивационно-целевой структуре их роль чаще соответствует уровням фонов и фонов к фоном).

Задачу понимания общего замысла произведения декларирует и *объективная герменевтика* [Overmann, 1987]; метод понимания здесь связан с сокращением и отбрасыванием контекстов–ситуаций и, далее, с созданием единой истории с непротиворечивым смыслом. При таком варианте ментального поиска задача выявления интенциональности автора не стоит; к тому же не исключены случаи произвольных толкований или невольных ошибок.

Особенности понимания мета-знаков: эксперименты, наблюдения, гипотезы. Поскольку каждый отдельный коммуникативный акт таит в себе латентный мета-знак, представляющий собой виртуальную структуру, посредством которой автор пытался донести свою интенциональность, для достижения понимания необходимо «добиться» до вершины: здесь кроется латентный смысл. Путь к пониманию многоэтапный: следует включить в анализ значения простых и сложных знаков, а также новые значения и смысловые нюансы, которые возникают в рамках их взаимодействий, ознакомиться с сюжетом и соотнести содержание с уже знакомыми знаниями и сведениями. Однако главным для решения обозначенной задачи оказывается умение выделить и ранжировать на ментальном уровне уровни латентной структуры (главные, второстепенные, третьестепенные и т.д.), в числе которых могут быть как вербальные, так и невербальные образно-эмоциональные элементы, попутно «проигнорировав» нелинейность их фактического следования. Задача, не подвластная искусственному интеллекту, особенно в той ее части, которая связана с включением в анализ образно-эмоциональной сферы. А вот люди — к сожалению, не все — справляются с нею без особых усилий; речь идет не об обязательном согласии с автором, а только об умении *адекватно* (так, как это есть на самом деле) понять его интенциональность.

Т.З. Адамьянц
Понимание
в сфере соци-
альной ком-
муникации как
ментальная
технология

Об особенностях и результативности пути к адекватному пониманию говорят исследовательские данные, прослеживающие траекторию ментальных следов³ при восприятии респондентами предложенных им произведений. Процедура состоит в сопоставлении выявленной посредством *метода мотивационно-целевого анализа* константной структуры изучаемого произведения с особенностями ее отражения в ответах на вопросы анкеты о том, *что автор хотел сказать, передать, выразить*. Результатом оказывается возможность выделения условных групп, различающихся особенностями понимания латентных смыслов: группа адекватного понимания; группа частично адекватного понимания; группа неадекватного понимания.

Умение понять константный смысл на протяжении нескольких десятилетий обнаруживают от 14 до 25–30 % респондентов⁴ (*группа адекватного понимания*); «разброс» в цифрах связан со степенью сложности содержания, жанровыми особенностями, убедительностью автора [Дридзе, 1984; Адамьянц, 2017].

Ментальные технологии значительного количества наших современников (от 30 до 35–40 %) связаны с накоплением и запоминанием содержательной информации. Проекция следов ментальных процессов у таких респондентов (*группа частично адекватного понимания*) ограничена уровнями аргументов или иллюстраций; верхние позиции в мотивационно-целевых структурах воспринятых произведений — те, где «таятся» авторские цели и мотивы, — остаются вне поля их внимания.

Особенности ментальных процессов у представителей еще одной группы (также от 30 до 35–40 %) практически никак не связаны со структурными особенностями воспринятых произведений: ни аргументов, ни тезисов, тем более авторской интенциональности они попросту не замечают (*группа неадекватного понимания*). Такие респонденты, несмотря на договоренность, либо вообще

³ Прослеживание следов ментальных процессов напоминает принцип обнаружения следов невидимых частиц в камере Вильсона, которую используют физики.

⁴ Речь идет о данных проекта «Общественное мнение», реализованного под руководством российского социолога Б.А. Грушина (1969–1974, всего опрошено 300 человек), а также о данных серии проектов РФФИ с использованием аналогичных методов и подходов, реализованных под руководством Т.З. Адамьянц: «Развитие коммуникативных навыков личности в зависимости от степени диалогичности информационной среды» (2008–2010, всего опрошено 257 человек); «Качественные индикаторы процессов самоорганизации и самоопределения в социуме» (2011–2013, всего опрошено 225 человек); «Задачи и методы социоментального развития современной молодежи: теория, исследования, эксперименты» (2015–2017, всего опрошено 213 человек); все исследования позиционируются как качественные.

не дают ответов, либо «выхватывают» из содержательной ткани отдельные факты и вводят их в собственную систему умозаключений, сообщая о своих обидах, мечтах, жизненном опыте, познаниях; иными словами, отвечают на вопросы, которые им не задавали [Адамьянц, 2012].

Распространено мнение, что процесс понимания начинается с внимания к подробностям и нюансам; напомним об известном выражении «Бог кроется в деталях». Однако, как показывают приведенные выше данные, факт запоминания деталей или подробностей не всегда приводит к пониманию: для успешного результата воспринимающая личность должна изначально обладать навыками многоуровневого ментального поиска. При наличии таких навыков начинает действовать механизм *андукции* — восходящей к идеям Аристотеля познавательной процедуры, основанной на ментальных перемещениях «снизу вверх» и попутно на выдвиганиях и опровержениях гипотез [Peirce, 1956].

При наличии необходимых для адекватного понимания навыков сознание успешно справляется с возникающими в процессе восприятия барьерами и преградами. Приведем в этой связи данные уже упоминавшегося проекта «Общественное мнение». Смогли понять смысл сложного газетного текста на экономическую тему 14 % участников эксперимента. Однако 2 % из числа этих же самых респондентов не справились с предложенным им тестом «словарь газеты»; в данном случае факт незнания значений слов и терминов не оказался помехой для адекватного понимания [Дридзе, 1984: 172]. Можно предположить, что возник — воспользуемся лингвистическим термином — *контекст*, но не как результат взаимодействия значений слов или фраз, а как результат взаимодействия уровней латентной структуры, при котором недостающие уровни (или их части) восполняются теми, что сознание уже «освоило». Эффект «контекста уровней» может привести к пониманию латентных смыслов и при других ситуациях, связанных, например, с незнанием каких-то фактов, событий, персоналий.

В поиске аналогий с феноменом различий в технологиях, которые использует сознание в сфере социальной коммуникации, обратимся к разработкам известного философа и психолога К.Г. Юнга об архетипах, которые он определял как «общие символы или априорные структуры, воспринимаемые на инстинктивном уровне». Архетип, по Юнгу, определяется «не содержанием, но формой, да и то весьма условно»; он пуст и чисто формален, это всего лишь некая «неопределенная структура», которая может принимать определенную форму только в проекции, наполняясь содержанием [Юнг, 1998: 27]. Сходств между рассматриваемым

Т.З. Адамьянц
Понимание
в сфере соци-
альной ком-
муникации как
ментальная
технология

нами феноменом понимания в сфере социальной коммуникации и архетипами Юнга немало: в социуме реально «живут» (имеют устойчивость) различные ментальные технологии, которыми, не задумываясь об этом, «пользуются» большие группы людей, что влияет на особенности их *социализации и социальной адаптации* и в целом на тенденции и вектор социально значимых процессов. Прослеживается также взаимосвязь между «набором» функционирующих в социуме ментальных технологий и привычными для представителей разных групп виртуальными формами разной сложности и конфигурации: от простых линейных до объемных многоуровневых. Поскольку путь к пониманию смысла воспринятых произведений связан с «освоенными» сознанием формами, преимущества многоуровневой формы очевидны.

Решение сложных задач через призму сложных форм продуктивно не только в сфере социальной коммуникации, но и в точных науках. Так, известный математик Ж. Адамар утверждал, что вместо слов он «пользуется пятнами неопределенной формы» [Адамар, 1970]. Не менее известный математик Анри Пуанкаре рассказывал о неких неподвижных «атомах», которые после начала умственной работы приходят в движение, пока не обнаружится искомое решение, причем «атомы больше не возвращаются в свое первоначальное состояние» [Пуанкаре, 1909].

В наблюдениях вышеназванных ученых нет информации о том, состоит ли «набор» неподвижных поначалу «атомов» только из фактологических и логически целесообразных значений и смыслов, или включает также и компоненты образно-эмоциональной сферы. Но вот в сфере социальной коммуникации путь к адекватному пониманию предполагает не только необходимые при поиске научных решений вышеназванные компоненты, но заодно и «проявленные» на ментальном уровне компоненты образно-эмоциональной сферы как коммуникатора, так и непосредственно самой воспринимающей личности; в этом нюансе, собственно, и заключается коренное отличие возможностей *человека понимающего* от возможностей современных цифровых устройств.

В любом случае все необходимые для понимания воспринятого произведения компоненты (и логические, и фактологические, и образно-эмоциональные) должны — воспользуемся терминологией А. Пуанкаре — «прийти в движение» и в результате принять многоуровневую ментальную форму, состоящую из взаимозависимых и взаимоподчиненных уровней, причем не в произвольном или в силу каких-то причин приемлемом порядке, а с ориентацией на выявленную в процессе поиска авторскую интенцию.

Вместо заключения. Возможно ли развитие навыков понимания в сфере социальной коммуникации? На такую

возможность автор семиосоциопсихологической концепции указывала еще несколько десятилетий тому назад: «названная характеристика... поддается формированию в процессе обучения» [Дридзе, 1984: 221]. Высказанное Т.М. Дридзе утверждение было апробировано в рамках упоминавшегося нами проекта РФФИ «Задачи и методы социоментального развития современной молодежи: теория, исследования, эксперименты». Результаты проведенного эксперимента показали положительную динамику: число респондентов, сумевших адекватно понять латентные смыслы воспринятых произведений, возросло⁵.

Увеличение в обществе людей, способных к пониманию латентных смыслов в воспринятых произведениях, а, следовательно, и к адекватному ориентированию в социокультурной среде, социально значимо. Ценна такая способность и для каждого отдельного человека. Для дополнительного доказательства этих, в общем-то, бесспорных утверждений дополним наше повествование сообщением о результатах многоуровневого анализа всех вопросов, заданий и тестов, использованных при реализации вышеупомянутого проекта. Сопоставление полученных данных позволило сделать вывод о более высокой степени социализации и социальной адаптации тех респондентов, которые изначально проявили способность к адекватному пониманию. Имеются в виду данные о таких личностных характеристиках, как представления о желательном и нежелательном; знание актуальных проблем современной России; характеристики качеств любимых персонажей; эмоциональное восприятие «мира вокруг»; обращение к СМИ, Интернету, художественной литературе, посещение театра, кино и т.д. [Адамьянц, 2017].

⁵ Эксперимент проходил в студенческих группах в рамках дисциплин по социальной коммуникации. Процедура состояла из двух этапов знакомства с текстами одинаковой степени сложности, которые следовало проинтерпретировать (попытаться сформулировать главное, что хотел сказать автор). Между первым и вторым этапами студенты получили комплекс лекционных и практических сведений об основных принципах метода мотивационно-целевого анализа, владение которым позволяет «видеть» в воспринимаемых произведениях латентные многоуровневые структуры, ориентированные на авторскую интенциональность. Пригодными для анализа оказались анкеты 53 студентов — тех, кто принял участие во всех этапах эксперимента. Результаты показали положительную динамику. Например, при сравнении особенностей понимания латентных смыслов в стихотворении А. Блока (в начале эксперимента) и в стихотворении В. Маяковского (по окончании эксперимента, после специальных занятий) оказалось, что показатели адекватного понимания возросли от 17 до 25 %; показатели частично адекватного понимания возросли от 34 до 43 %; показатели неадекватного понимания уменьшились от 49 до 32 % [Адамьянц, 2017: 75].

Поскольку возможность массового развития навыков понимания в сфере социальной коммуникации оказывается вполне реальной, Россия может и должна стать средоточием понимающих, а значит, мудрых людей.

Understanding in the field of Social Communication as a Mental Technology

Tamara Z. Adamyants

Doctor of Sociology, Professor, Main Researcher.

Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences.

24/35, bld. 5 Krzhizhanovskogo Str., Moscow 117218, Russian Federation.

ORCID: 0000-0002-3911-2769

tamara-adamiants@yandex.ru

Abstract. Mental technologies (techniques, methods, skills) that consciousness (mind) uses for understanding in the field of social communication are the focus of this article. In accordance with the key provisions of the semio-sociopsychology concept, in line with which the article is made, the success of understanding in the field of social communication is associated with such technologies that allow you to “see” in any holistic, complete communicative act latent multi-level structures, the top of which is the author’s intentionality, or constant meaning. A series of studies using the method of motive-targeted analysis allowed to designate the parameters of groups of people who differ in the quality of understanding of constant meanings in the perception of holistic, completed works. A relationship has also been found between the quality of understanding the intentionality of the author and the virtual forms through which consciousness “masters” the perceived work: from widespread linear to rarer multi-level, voluminous. The recorded fact of different quality of understanding in the field of social communication allowed to draw an analogy with the theory of the collective unconscious and the phenomenon of archetypes in the interpretation of C.G. Jung. Various mental technologies, which are used by large groups of people, really “live” in society, which affects the features of their socialization and social adaptation and, in general, the trends and vector of socially significant processes. However, thanks to the developments of Russian academic science, comprehension skills in the field of social communication can be improved; the experiments carried out show a positive trend.

Keywords: understanding; social communication; meaning; semio-sociopsihology; intent; method of motive-target analysis; mental technologies; consciousness; mind; Jung archetypes; social adaptation.

For citation: Adamyants T.Z. Understanding in the field of Social Communication as a Mental Technology // Chelovek. 2023. Vol. 34, N 1. P. 51–67. DOI: 10.31857/S023620070024827-6

Литература/References

Абушенко В.Л. Понимание // Социология. Энциклопедия / сост. А.А. Грицанов, В.Л. Абушенко, Г.М. Евелькин, Г.Н. Соколова, О.В. Терещенко. Мн.: Книжный Дом, 2003.

Abushenko V.L. Ponimanie [Understanding]. *Sotsiologiya. Entsiklopediya* [Sociology. Encyclopedia], compil. by A.A. Gritsanov, V.L. Abushenko, G.M. Evelkin, G.N. Sokolova, O.V. Tereshchenko. Minsk: Knizhnyi Dom Publ., 2003.

Адамар Ж. Исследование психологии процесса изобретения в области математики / пер. с фр. М.А. Шаталова, О.П. Шаталовой. М.: Советское радио, 1970.

Hadamard J. *Issledovanie psihologii processa izobreteniya v oblasti matematiki* [An eassay on the psychology of invention in the mathematical field], transl. from French by M.A. Shatalov, O.P. Shatalova. Moscow: Sovetskoye Radio Publ., 1970.

Адамьянц Т.З. Концепции понимания в коммуникации: в поисках платформы для взаимопонимания // Общественные науки и современность. 2014. № 4. С. 121–131.

Adamyants T.Z. Konceptii ponimaniya v kommunikacii: v poiskah platformy dlja vzaimoponimaniya [Concepts of Understanding in Communication: In Search of a Platform for Mutual Understanding]. *Obschestvennyye nauki i sovremennost'*. 2014. N 4. P. 121–131.

Адамьянц Т.З. Массовое социоментальное развитие: миф или реальная возможность? // Общественные науки и современность. 2012. № 1. С. 27–38.

Adamyants T.Z. Massovoe sociomental'noe razvitie: mif ili real'naja vozmozhnost'? [Mass Sociomental Development: Myth or Real Possibility?]. *Obschestvennyye nauki i sovremennost'*. 2012. N 1. P. 27–38.

Адамьянц Т.З. Задачи и методы социоментального развития современной молодежи // Мир психологии. 2017. №1(89). С. 69–78.

Adamyants T.Z. Zadachi i metodu sociomel'nogo razvitiya sovremennoy molod'odgi [Tasks and methods of sociomental development of modern youth]. *Mir psihologii*. 2017. N 1(89). P. 69–78.

Александр Дж., Смит Ф. Сильная программа в культурсоциологии // Социологическое обозрение. 2010. Т. 9, № 2. С. 11–30.

Alexander J., Smith Ph. Sil'naya programma v kultursociologii [Strong Program in Cultural Sociology]. *Sotsiologicheskoye obozreniye*. 2010. Vol. 9, N 2. P. 11–30.

Вебер М. Основные социологические понятия // Вебер М. Избранные произведения / пер. с нем. М.И. Левиной. М.: Прогресс, 1990. С. 602–643.

Weber M. Osnovnyye sotsiologicheskie ponyatiya [Basic concepts in sociology]. Weber M. *Izbrannyye proizvedeniya* [Selected works], transl. from Germ. by M.I. Levina. Moscow: Progress Publ., 1990. P. 602–643.

Гуссерль Э. Амстердамские доклады II // Логос. 1994. № 5. С. 7–24.

Husserl E. Amsterdamskie doklady II [Amsterdam Reports]. *Logos*. 1994. N 5. P. 7–24.

Дильтей В. Описательная психология / пер. с нем. СПб.: Алетейя, 1996.

Т.З. Адамьянц
Понимание
в сфере соци-
альной ком-
муникации как
ментальная
технология

- W. Dilthey *Opisatel'naya psihologiya* [Descriptive Psychology and Historical Understanding], transl. from Germ. St. Petersburg: Aletheia Publ., 1996.
- Дридзе Т.М.* Две новые парадигмы для социального познания и социальной практики // Социальная коммуникация и социальное управление в экоантропоцентрической и семиосоциопсихологической парадигмах: в 2 кн. Кн. 1. М.: Изд-во Ин-та социологии РАН, 2000. С. 5–42.
- Dridze T.M. Dve novye paradigmy dlja social'nogo poznanija i social'noj praktiki [Two New Paradigms for Social Cognition and Social Practice]. *Social'naja kommunikacija i social'noe upravlenie v jekoantropocentricheskoj i semio-sociopsihologicheskoj paradigmah*: v 2 kn. Кн. 1. [Social communication and social management in ecoanthropocentric and semiosociopsychological paradigms: in 2 books. Book 1]. Moscow: IS RAS Publ., 2000. P. 5–42.
- Дридзе Т.М.* От герменевтики к семиосоциопсихологии: от «творческого» толкования текста к пониманию коммуникативной интенции автора // Социальная коммуникация и социальное управление в экоантропоцентрической и семиосоциопсихологической парадигмах: в 2 кн. Кн. 2. М.: Изд-во Ин-та социологии РАН, 2000. С. 115–137.
- Dridze T.M. Ot germenevtiki k semiosociopsihologii: ot «tvorcheskogo» tolkovanija teksta k ponimaniy kommunikativnoj intencii avtora [From hermeneutics to semio-sociopsychology: from the “creative” interpretation of the text to the understanding of the communicative intention of the author]. *Social'naja kommunikacija i social'noe upravlenie v jekoantropocentricheskoj i semio-sociopsihologicheskoj paradigmah*: v 2 kn. Кн. 2. [Social communication and social management in ecoanthropocentric and semiosociopsychological paradigms: in 2 books. Book 2]. Moscow: IS RAS Publ., 2000. P. 115–137.
- Дридзе Т.М.* Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации. М.: Наука, 1984.
- Dridze T.M. *Tekstovaja dejatel'nost' v structure social'noj kommunikacii* [Text activity in the structure of social communication]. Moscow: Nauka Publ., 1984.
- Знаков В.В.* Понимание в мышлении, общении, человеческом бытии. М.: Институт психологии РАН, 2007.
- Znakov V.V. *Ponimanie v mushlenii, obcthenii, thelovetheskom butii* [Understanding in Thinking, Communication, human being]. Moscow: Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences Publ., 2007.
- Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975.
- Leontiev A.N. *Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost'* [Activities. Consciousness. Personality]. Moscow: Politizdat Publ., 1975.
- Леонтьев Д.А.* Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. М.: Смысл, 2019.
- Leontiev D.A. *Psihologiya smysla: priroda, stroenie I dinamika smyslovoj real'nosti* [Psychology of Meaning: Nature, Structure, and Dynamics of Semantic Reality]. Moscow: Smysl Publ., 2019.
- Луман Н.* Общество как социальная система / пер. с нем. А. Антоновского. М.: Логос, 2004.
- Luhmann N. *Obschestvo kak social'naya sistema* [Society as a Social System], transl. from Germ. by A. Antonovskiy. Moscow: Logos Publ., 2004.

- Пуанкаре А. Математическое творчество // Вестник опытной физики и элементарной математики (В.О.Ф.Э.М.). 1909. Вып. 483. С. 57–63.
- Poincare H. Matematimatitheskoye tvorstvo [Mathematical creativity]. *Vestnik oputnoy fiziki i elementaroy matematiki (V.O.F.A.M.)* [Bulletin of Experimental Physics and Elementary Mathematics]. 1909. Issue 483. P. 57–63.
- Рикер П. Модель текста: осмысленное действие как текст / пер. с англ. А. Борисенковой // Социологическое обозрение. 2008. Т. 7, № 1. С. 25–43.
- Ricoeur P. Model' texta: osmyslennoye dey'stvie kak text [The Model of the Text: Meaningful Action Considered as a Text], transl. from Engl. by A. Borisenkova. *Sotsiologicheskoye obozreniye*. Vol. 7, N 1. P. 25–43.
- Толстой Л.Н. Педагогические статьи 1860–1863 гг. // Полное собрание сочинений. Т. 8. М.: Художественная литература, 1936.
- Tolstoy L.N. Pedagogicheskie stat'i 1860–1863 gg. [Pedagogical articles of 1860–1863]. *Polnoye sobranie sochineniye* [Complete Works]. Vol. 8. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ., 1936.
- Фуко М. Слова и вещи: Археология гуманитарных наук / пер. с фр. В.П. Визгина, Н.С. Автономовой. СПб.: А-сэд, 1994.
- Foucault M. *Slova i vesthi: Archeologiya gumanitarnukh nauk* [The Order of Things: An Archaeology of the Human Sciences], transl. from French by V.P. Vizgin, N.S. Autonomova. St. Petersburg: A-cad Publ., 1994.
- Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом / пер. с нем. и англ. В.Г. Николаева, С.В. Ромашко, Н.М. Смирновой. М.: РОССПЭН, 2004.
- Schütz A. *Izbrannoye: Mir svetyatshiysya smyslom* [Selected works: A World Shining Meaning], transl. from Germ. and Engl. by V.G. Nikolaev, S.V. Romashko, N.M. Smirnova. Moscow: ROSSPEN Publ., 2004.
- Юнг К.Г. Бог и бессознательное / пер. с нем. Т. Ребеко, В. Териной. М.: Олимп, 1998.
- Jung C.G. *Bog i bessoznatel'noe* [God and the Unconscious], transl. from Germ. by T. Rebeke, V. Terina. Moscow: Olimp Publ., 1998.
- Gadamer H.-G. *Philosophical Hermeneutics*, transl. and ed. by D.E. Linge. Berkeley: Univ. of California Press, 1976.
- Oevermann U., Allert T., Konau E., Krambeck J. Structures of Meaning and Objective Hermeneutics. *Modern German Sociology*, ed. by V. Meja, D. Misgeld. New York: Columbia Univ. Press, 1987.
- Peirce Ch. *Collected Papers*. Vol. 6. Cambridge, MA: The Belknap Press of Harvard Univ. Press, 1956.

Т.З. Адамьянц
Понимание
в сфере соци-
альной ком-
муникации как
ментальная
технология

DOI: 10.31857/S023620070024828-7

©2023 О.В. САВВИНА

ТРАНСГЕНДЕРНОСТЬ: БИОЭТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА



Саввина Ольга Владимировна — кандидат философских наук, доцент.
Российский университет дружбы народов.
Российская Федерация, 117198 Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6.
savvinao10@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-6393-7787

Аннотация. В статье рассматриваются биоэтические проблемы, связанные с понятием трансгендерности и ее пониманием в рамках биомедицинского дискурса. Понятие «трансгендерность» неразрывно связано с медициной, и гендерной дисфорией (Международная классификация болезней, 11 версия) в частности. В то же время понятие трансгендерности взаимодействует с социальным контекстом. В статье показывается, что восприятие трансгендерности и трансгендеров обществом имеет влияние как на медицинский дискурс и понятие трансгендерности в его контексте, так и на восприятие «обычных» людей, или цисгендеров, что обусловлено постепенной нормализацией трансгендерности. Таким образом, понятие трансгендерности требует междисциплинарного подхода и этико-философского, биоэтического, рассмотрения. Поскольку анализируемое понятие непосредственно связано с медицинской проблематикой, данное исследование опирается не только на работы по биоэтике, но и на источники в области медицины и смежные с медициной социологические исследования. В статье также анализируется проблема применения биомедицинских принципов Бичампа и Чилдреса «непричинение вреда» (nonmaleficence) и «принципа автономии» пациента, которые приобретают свою специфику, когда применяются

к трансгендерным детям. Это обусловлено связью трансгендерности с другой проблемой, лежащей в междисциплинарной области, — суицидом. В ряде исследований качества жизни трансгендеров и другой медицинской литературе упоминаются суицидальные мысли и попытки суицида трансгендеров. В статье показывается, как переосмысление проблемы трансгендерности, ее нормализация изменяют медицинский дискурс, выводя из него трансгендерность и меняя взгляд на проблему суицида. Автор заключает, что нормализация трансгендерности, изменение ее места в медицинском дискурсе влечет за собой не только изменение самого медицинского дискурса, но и некоторые другие понятия, такие как суицид, изменяет подход к лечению трансгендерных детей, делая терапию таких детей сомнительной с биоэтической точки зрения.

Ключевые слова: биоэтика, трансгендерность, трансгендер, суицид, принцип автономии пациента, медицинская этика.

Ссылка для цитирования: Саввина О.В. Трансгендерность: биоэтическая проблематика // Человек. 2023. Т. 34, № 1. С. 68–81. DOI: 10.31857/S023620070024828-7

О.В. Саввина
Трансгендерность: биоэтическая проблематика

Трансгендерность, ее понимание в медицине, медицинский и социальный статус трансгендеров, а также отношение к трансгендерам и их интеграция в общественную жизнь становятся все более актуальными в западных странах, прежде всего в США.

Понятие трансгендерности в совокупности с лечением трансгендеров (медицинским вариантом решения проблемы трансгендеров) и отношением к ним не просто породило довольно много вопросов в биоэтике, социальных и гуманитарных науках, но и затронуло уже существующие биоэтические понятия, заставив взглянуть на них по-новому. Например, принцип информированного согласия и его применение к несовершеннолетним. Большой общественный диссонанс вызвало решение суда Британской Колумбии (Канада), согласно которому девочке 14 лет разрешили начать гормональную терапию в связи с гендерной дисфорией и поддержали ее желание сменить пол, несмотря на протест отца девочки [Leyland, 2019].

Наибольшее количество вопросов вызывает также лечение трансгендеров. Лечению подлежит гендерная дисфория, расстройство, от которого страдают трансгендеры, ощущая себя не в том теле. Терапия может включать как консультации психолога, так и гормональную и хирургическую терапии. Последние методы лечения гендерной дисфории чреваты бесплодием и серьезными проблемами со здоровьем. Как правило, переход к гормональной

и хирургической терапии занимает много времени. Прежде всего, необходимо исключить наличие других психических заболеваний, имеющих схожие симптомы, таких как шизофрения, обсессивно-компульсивное расстройство, синдром Тернера, синдром Клайнфельтера и другие [Кибрик, Якубов, 2018: 36, 37]. Кроме того, подготовительный этап, когда пациент наблюдается у сексолога и психиатра, должен занимать два и более лет, а пациент должен быть совершеннолетним (достижение 20-летнего возраста) [ibid.: 38, 39].

Целью данной статьи является рассмотрение биоэтических проблем, связанных с понятием трансгендерности, выделение их характерных особенностей. Эти биоэтические проблемы, в свою очередь, зависят от медицинского определения трансгендерности и сопутствующих медицинских терминов, таких как гендерная дисфория, поэтому тоже нуждаются в биоэтическом рассмотрении.

Проблема определения понятий «трансгендер» и «гендерная дисфория»

Согласно пятому изданию Диагностического и статистического руководства по психическим расстройствам США (Diagnostic and Statistical Manual of mental disorders, fifth edition, сокращенно DSM-5), гендерная дисфория — расстройство, связанное с несоответствием переживаемого и выражаемого гендера и распознанного пола или пола при рождении [Diagnostic And Statistical Manual Of Mental Disorders, 2016]. Это определение появляется в 2013 году, в последней, обновленной версии DSM. Ранее это расстройство называлось «gender identity disorder» — расстройство гендерной идентичности. При гендерной дисфории человек также испытывает депрессивные состояния, тревожность, его могут преследовать суицидальные мысли. Такие психические состояния связаны с тем, что человек ощущает себя в теле другого пола.

Понятие гендерной дисфории присутствует в новой, одиннадцатой редакции Международной классификации болезней (МКБ-11), которая вступила в силу 1 января 2022 года [International Classification of Diseases 11 Revision, 2021]. Там это заболевание относится к гендерной несогласованности (gender incongruence), которая, в свою очередь, относится к сексуальным расстройствам (HA6Z), а само понятие гендерной дисфории не определено. Предшественник рассматриваемой болезни — расстройство гендерной идентичности, присутствующее в 10-й редакции, относится к психическим заболеваниям. Из всего вышеописанного видно, что понятие гендерной дисфории новое и мало изученное

с медицинской точки зрения. Важно отметить, что сегодня существуют разногласия в научном сообществе относительно таких понятий, как «трансгендерность», «транссексуализм», «гендерная дисфория», и их медицинского статуса, но поскольку гендерная дисфория входит в список действующей на сегодняшний день МКБ-11, мы будем рассматривать ее как заболевание [Волкова, 2019: 168].

Человек, неважно, мужчина или женщина, с гендерной дисфорией, называется трансгендером [U.S. National library of Medicine, 2021]. Эти люди в большей степени страдают от проблем, связанных с психическим здоровьем, и подвержены суицидальным мыслям [ibid.]. Как показывают некоторые исследования, качество жизни трансгендерных мужчин и женщин действительно хуже, чем среднестатистические показатели, их психическое здоровье тоже слабее [Valashany, Janghorbani, 2018; Davey Bouman, Arcelus, Meyer, 2014; Weinforth, Fakin, Giovanoli, Nuñez, 2019; Newfield, Hart, Dibble, Kohler, 2006]. Справедливости ради следует указать, что есть эмпирические исследования с противоположным результатом, согласно которым качество жизни трансгендеров, в том числе и психологическое, не отличается от основного населения [De Cuypere et al., 2006; Wierckx et al., 2006; Weyers et al., 2009; Castellano et al., 2015].

Как было показано выше, трансгендеры — это люди, которые больны гендерной дисфорией. Несмотря на эмпирические исследования качества жизни и психологического благополучия трансгендеров, гендерная дисфория все-таки находится в списке заболеваний, согласно МКБ-11 и американской DSM-5. В таком случае, в контексте медицинской терминологии, традиционно оперирующей понятиями нормы и патологии, логично было бы заключить, что люди, у которых данного недуга нет, могут называться здоровыми, или же нормальными. Но для таких людей существует иной термин: «цисгендеры» (cisgender). Такая логика построения терминологии может говорить о том, что ее создатели сознательно пытаются избежать контекста медицинского дискурса, оперирующего понятиями нормы и патологии, чтобы не дискриминировать трансгендеров. Однако проблема в том, что, уходя от медицинского дискурса, мы автоматически признаем трансгендерность вариацией нормы, или, как минимум, размываем эти понятия. Принятие трансгендерности нормой может повлечь определенные последствия, в том числе неопределенности с методами лечения и проблеме отказа от лечения.

О.В. Саввина
Трансгендерность: био-этическая проблематика

Проблема применения биоэтических принципов «не навреди!» и «принципа автономии пациента»

Принцип «не навреди!» один из древнейших принципов медицинской этики, которому больше 2000 лет. Гиппократ считал допустимым дезинформацию пациента относительно лечения болезни или диагноза, если это поможет сохранить жизнь или здоровье пациента [Иванюшкин, 2004]. В современной биоэтике наряду с принципом автономии принцип непричинения вреда также является одним из основных. Он был выдвинут Бичампом и Чилдрессом, весьма влиятельными фигурами в американской биоэтике, как один из основных четырех принципов биоэтики: автономия (пациента), непричинение вреда, благодеяние («делай благо») и справедливость [Gracia, 2014].

В работе с совершеннолетними и дееспособными пациентами принцип автономии пациента является приоритетным. Добровольное согласие, предполагающее информирование испытуемого или пациента, было отражено еще в Нюрнбергском кодексе 1947 года, а впоследствии в Хельсинкской декларации 1964 года (последняя редакция 2013 года), международном документе Всемирной медицинской декларации [Declaration of Helsinki, 2013]. В России принцип автономии пациента также реализуется в праве посредством добровольного информированного согласия и закреплен в статье 20 Федерального закона № 323 от 21.11.2011 (ред. от 02.07.2021). Совершеннолетний пациент вправе отказываться от лечения, соглашаться с предлагаемыми методами лечения и несет ответственность за свой выбор.

В случае с несовершеннолетними пациентами дела обстоят несколько иначе. Несовершеннолетние пациенты недееспособны и не обладают правом принимать решения относительно своего здоровья, за исключением некоторых случаев, которые, как правило, оговорены в законодательстве. Вопрос о наступлении дееспособности применительно ко многим медицинским вмешательствам не прояснен. Официально совершеннолетие во многих странах, в том числе и в РФ, наступает с 18 лет, однако подростки могут принимать решения, касающиеся их здоровья, в нашей стране с 15 лет [Иванюшкин, 2001: 175]. В соответствии с российским законодательством «несовершеннолетние в возрасте старше пятнадцати лет или больные наркоманией несовершеннолетние в возрасте старше шестнадцати лет имеют право на информированное добровольное согласие на медицинское вмешательство

или на отказ от него» (Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21.11.2011).

Согласно тому же закону, наше государство охраняет несовершеннолетних от решений опекунов, которые могут быть опасны для их подопечных: «при отказе одного из родителей или иного законного представителя лица, ... от медицинского вмешательства, необходимого для спасения его жизни, медицинская организация имеет право обратиться в суд для защиты интересов такого лица. Законный представитель лица, признанного в установленном законом порядке недееспособным, извещает орган опеки и попечительства по месту жительства подопечного об отказе от медицинского вмешательства, необходимого для спасения жизни подопечного, не позднее дня, следующего за днем этого отказа». Это говорит о том, что в работе с несовершеннолетними основным биоэтическим принципом в современной медицинской практике является принцип «не навреди!», а не принцип автономии пациента. Процедурой, спасающей жизни, может быть переливание крови, или перевод пациента на искусственную вентиляцию легких, а также любая другая процедура, от которой зависит физическое выживание несовершеннолетнего.

Однако решения законного представителя несовершеннолетнего, которые могут быть опасны для его физического выживания, — это не только отказ от жизнеподдерживающей терапии. В ряде исследований указывается, что трансгендеров, в частности трансгендерных детей, могут посещать суицидальные мысли.

Стоит заметить, что суицидальные мысли также могут быть результатом не самой принадлежности к трансгендерам, но и неприятия общества, дискриминации трансгендеров в коллективе [Rabasco, Andover, 2021; Chen et al., 2019; Maksut et al., 2018; Chen et al., 2020]. Стресс и суицидальные мысли трансгендеров могут быть также связаны с физическим и сексуальным насилием (как и у обычных людей), с собственной бисексуальной ориентацией, с непониманием или сомнением в собственной сексуальной ориентации [Maksut et al., 2020]. В Китае суицидальные мысли среди трансгендеров встречаются гораздо чаще, чем среди обычного населения. В исследовании, включавшем 32 китайские провинции и 1309 трансгендерных мужчин и женщин, сообщалось, что 56,4% трансгендеров посещали суицидальные мысли, а 16,1% респондентов даже имели попытки суицида [Chen, 2019]. Не стоит забывать, что в Китае часто превалирует традиционная культура, сильно конфуцианство. Ввиду этих культурных особенностей трансгендерные люди в Китае могут встречаться не только с непониманием со стороны общества, знакомых, родителей и

О.В. Саввина
Трансгендерность: биоэтическая проблематика

родственников, но и неприкрытой агрессией, вербальной, психологической и физической.

Еще в одном исследовании показывается, что молодые люди, идентифицирующие себя как трансгендеры, в большей степени страдают не только суицидальными мыслями, но и депрессией, пищевыми расстройствами по сравнению со своими сверстниками. В том же исследовании говорится, что специальная *медицинская* терапия в детском и подростковом возрасте помогает трансгендерам справиться с психологическими проблемами и улучшить психологическое здоровье [Connolly et al., 2016].

Это заключение о специальной медицинской терапии трансгендерных детей вносит определенную путаницу в применение принципов медицинской этики к таким детям. Как указывалось выше, отказ от жизнеподдерживающей терапии официальным представителем ребенка может повлечь за собой, во-первых, самостоятельные действия со стороны медицинского персонала без рассмотрения точки зрения официального представителя ребенка, обычно родителя, а во-вторых, лишение родительских прав в ряде случаев. Если у несовершеннолетнего возникают суицидальные мысли, то это опасно для его жизни, и если медицинская терапия (гормональная терапия или хирургическая терапия) может повлечь за собой улучшение психологического состояния ребенка, снижение депрессии и попыток суицида, то, получается, медицинский персонал, согласно принципам «не навреди!» и «делай благо», волен проводить терапию без согласия официального представителя ребенка. Конечно, рассмотрение проблемы трансгендерных детей не начинается с «тяжелой артиллерии» — гормональной и хирургической терапии. Обычно этому предшествует психологическое консультирование и другие немедицинские методы. Однако даже при таком условии есть вероятность ошибки, особенно если помнить, что мы имеем дело с несовершеннолетним. Дети могут представлять себе по-другому весь процесс смены пола, могут думать, что при помощи медицинских вмешательств они станут полноценным представителем противоположного пола, как будто они такими родились, они могут не понимать всю тяжесть необходимой в данном случае гормональной терапии, которая растягивается на всю жизнь. Кроме того, на них легче оказать влияние, чем на взрослого человека. В вышеуказанном примере канадской девочки период от обращения ребенка за помощью до решения о гормональной терапии занял менее года. И в данном случае нет уверенности в том, что персонал, работавший с девочкой, действовал а) в интересах ребенка, а не интересах ЛГБТ-сообщества (в чем на суде отец ребенка обвинял персонал школы и врачей [Leyland, 2019]); б) основательно, с соблюдением

всех предосторожностей. Кроме того, практика работы с трансгендерными детьми еще очень новая, не рутинная, как в случае работы с аппендицитом или другими давно известными человечеству заболеваниями, что увеличивает вероятность ошибки.

О.В. Саввина
Трансгендерность: био-этическая проблематика

Границы медицинского дискурса

Как было показано выше, проблема трансгендерности, с одной стороны, постепенно выводится из медицинского дискурса, а с другой — использует медицинские методы лечения, причем такие серьезные, как гормональная терапия и хирургия. Само понятие круга проблем, куда входит гендерная дисфория согласно МКБ-11, называется *Gender incongruence*, что можно перевести как гендерное несоответствие. В данном случае автоматически возникает вопрос: несоответствие чего чему? Несоответствие восприятия своего пола реальности, собственной природе? Тогда нужно «работать с головой», то есть проблема лежит в компетенции психиатров и психотерапевтов. Но, как мы видим, трансгендерность как явление в последние годы выводится из сферы компетентности психиатрии. Гендерная дисфория — не психическое расстройство, а сексуальное. Получается, имеет место несоответствие своей физической оболочки психической конституции? Решение проблемы гендерной дисфории в данном случае упирается в вопрос о том, что с чем приводить в соответствие и что брать за образец, за правильное состояние: психическое восприятие человека или его физические данные, то есть тело человека. На сегодняшний день тенденция такова, что приводить в соответствие, то есть «лечить», предполагается именно тело. Таким образом, выведение проблемы из поля психиатрии, с одной стороны, выводит рассматриваемую проблему из медицинского дискурса, делая человека психически (психиатрически) здоровым. Терминология, обозначающая людей с гендерной дисфорией и без нее, подтверждает это: трансгендеры и цисгендеры, а не пациенты с диагнозом и здоровые люди.

Поскольку у трансгендеров суицидальные мысли и попытки суицида встречаются чаще обычных людей, то этот факт опять вводит трансгендерность в проблемное поле психиатрии. Начиная с XIX века происходит медиализация суицида, и она продолжается на протяжении всего XX столетия [Антипов, 2016]. Суицидальное поведение сегодня является проблемой, рассматриваемой в рамках психиатрии. Конечно, эта проблема часто лежит в междисциплинарном поле и рассматривается в других научных

и гуманитарных областях, таких как социология, криминалистика и философия.

В философии идеи о зависимости души и психики от тела, решения о суициде от телесных состояний высказывались еще на заре естественных наук. Д. Юм считал, что человека формирует индивидуальный опыт, что душа смертна, появляется и погибает вместе с телом [Аванесов, 2019: 261]. Соответственно, душа и ее состояние неразрывно связаны с телом, зависят от него. Юм видел в суициде свободу человека, его право на «вольную смерть», и одновременно с этим суицид в контексте деистической философии Юма является осуществлением судьбы, предначертанной Богом [ibid.: 264, 268]. Таким образом, философ, во-первых, освобождает человека от ответственности перед обществом и самим собой за собственное самоубийство, а во-вторых, предполагает, что плачевное состояние тела или души может быть основанием для суицида. От этого положения до обусловленности суицида физиологическими состояниями, нарушениями в работе тела — один шаг. Как только мы предполагаем, что души и бога нет (а естественно-научное знание не может вводить подобные понятия), есть только мозг, и он — причина наших душевных состояний, как мы приходим к выводу, что причиной суицида является определенное состояние мозга или психики, иными словами — болезнь. Эта болезнь, в свою очередь, может быть обусловлена внутренними причинами — психическими расстройствами, а может быть и внешними обстоятельствами, приведшими человека в такое замешательство, что его психическое здоровье пошатнулось. Такой подход в корне отличается от рассмотрения суицида в рамках христианской этики, утверждающей, что суицид — это грех, и человек несет за него ответственность [Лященко, 2013]. Ввиду этого уже не первый век попытки суицида всегда поднимают вопрос о психическом здоровье индивида.

Причиной суицида могут быть и обстоятельства, приведшие человека в такое психическое состояние, что он решает свести счеты с жизнью. Не зря в криминологии и уголовном праве есть понятие «доведение до самоубийства», причем как по умыслу, так и без умысла [ibid.]. Поиск внешних причин попытки суицида обычно выводит эту попытку из сферы психиатрии или, как минимум, делает проблему междисциплинарной. Если на человека оказывается давление, то причина его психического состояния, обусловившего попытку, лежит не в его патологии, а вовне. Возвращаясь к проблеме трансгендерности, стоит отметить часто упоминающееся негативное отношение членов семьи или общества к выбору трансгендеров, их стилю жизни. Общественное порицание или порицание со стороны близких людей действительно может

оказать негативное влияние на психическое состояние трансгендеров, повлечь за собой суицидальные мысли. В рамках рассматриваемого вопроса о причине суицидальных мыслей трансгендеров мы рискуем возложить вину исключительно на общество и окружение, и в то же время это будет выводом проблемы из проблемного поля психиатрии или как минимум явным смещением проблемы из сферы психиатрии в сферу криминологии и социологии.

Подводя итог, следует сказать, что на сегодня существует довольно явная тенденция выведения проблемы трансгендерности и заболевания, называемого согласно новому МКБ-11 гендерная дисфория, из проблемного поля психиатрии. Это свидетельствует о нормализации трансгендерности и выведении данной проблемы из медицинской проблематики в целом. Причины этих процессов — отдельный вопрос, требующий дополнительного рассмотрения. В рамках данного исследования стоит сказать, что эти тенденции вызывают определенные сомнения в научной обоснованности тенденций нормализации трансгендерности, ее выведении из медицинской проблематики, которая, однако, не может быть полностью проведена. Кроме того, нормализация трансгендерности может повлечь выведение проблемы суицидальных мыслей трансгендеров из проблемного поля психиатрии, то есть из медицинской проблематики, если смотреть шире. Это происходит на фоне медиализации суицида в целом, что говорит о противоречии в рассмотрении проблемы суицида. Несмотря на междисциплинарный характер проблемы суицида, мы не можем полностью игнорировать причины суицидальных мыслей, лежащих в области психиатрии, и искать виновника этих мыслей вовне.

Сомнения вызывает также применение принципов медицинской этики применительно к трансгендерным детям. Начало гормональной и / или хирургической терапии приводит к необратимым последствиям для здоровья детей. Насколько ребенок компетентен принимать такие решения, и является ли начало терапии наименьшим из зол — очень серьезный вопрос. На наш взгляд, подобную терапию не следует допускать в несовершеннолетнем возрасте, поскольку последствия ошибки могут быть катастрофическими для несовершеннолетнего пациента, а оправдания профилактики суицида подобными мерами не вполне обоснованы. В данном случае нельзя рассматривать проблему суицида вне проблемного поля психиатрии и психологии. Результатом противоречивости теории проблемы трансгендерности могут стать серьезные последствия для несовершеннолетних пациентов на практике, которые нельзя допускать.

О.В. Саввина
Трансгендерность: био-этическая проблематика

Transgenderism: Bioethical Issues

Olga V. Savvina

Candidate of Sciences (PhD) in Philosophy, Associate Professor.
RUDN University.

6 Miklukho-Maklaya Str., Moscow 117198, Russian Federation.

savvinao10@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-6393-7787

Abstract: The article analyses bioethical problems related to the concept of transgenderism and its understanding in the framework of biomedical discourse. The concept of “transgenderism” is linked with medicine, and gender dysphoria (International Classification of Diseases, 11th Edition) in particular. At the same time, the concept of transgenderism interacts with the social context. The article shows that the perception of transgenderism and transgenders by society has an impact both on the medical discourse and the notion of transgenderism in its context, and on the perception of “ordinary” people, or cisgender people, which is due to the gradual normalization of transgenderism. Thus, the concept of transgenderism requires an interdisciplinary approach and ethical, philosophical and bioethical consideration. Since the analyzed concept is directly related to medical problems, this study is based not only on bioethical studies, but also on sources in the field of medicine and sociological studies related to medicine. The article also analyzes the problem of applying the biomedical principles “nonmaleficence” and principle of autonomy by Beauchamp and Childress, that have specifics applied to transgender children. This is due to the connection of transgenderism with another problem that lies in the interdisciplinary field — suicide. A number of studies on the quality of life of transgender people, as well as encyclopedic literature, mention suicidal thoughts and suicide attempts of transgenders. The article shows how the reinterpretation of transgenderism and its normalization change the boundaries of medical discourse, deducing transgenderism and suicide from medicine. The author concludes that the normalization of transgenderism and the change of its place in the medical discourse entails not only a transformation of medical discourse, but also affects other concepts like suicide, changes the approach to the treatment of transgender children, making the therapy of such children questionable from bioethical viewpoint.

Keywords: bioethics, transgenderism, transgender, suicide, the principle of autonomy, medical ethics.

For citation: Savvina O.V. Transgenderism: Bioethical Issues // *Chelovek*. Vol. 34, N 1. P. 68–81. DOI: 10.31857/S023620070024828-7

Литература/References

Аванесов С.С. Суицид и радикальное самоопределение субъекта у Дэвида Юма // *Этическая мысль*. 2019. №12. С. 259–273.

Avanesov S.S. *Suitsid i radikal'noe samoopredelenie sub"ekta u Davida Yuma* [Suicide and radical self-determination of the subject in David Hume's philosophy]. *Eticheskaya mysl'*. 2019. N 12. P. 259–273.

Антипов А.В. Позитивное знание о самоубийстве в XIX веке: философский аспект // Суицидология. 2016. № 4(25) [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pozitivnoe-znanie-o-samoubiystve-v-xix-veke-filosofskiy-aspekt> (дата обращения: 26.07.2021).

Antipov A.V. *Pozitivnoe znanie o samoubiystve v XIX veke: filosofskii aspekt* [Positive Knowledge about Suicide in the 19th Century: a Philosophical Aspect]. *Suitsidologiya*. 2016. N 4(25) [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pozitivnoe-znanie-o-samoubiystve-v-xix-veke-filosofskiy-aspekt> (date of access: 26.07.2021).

Волкова Н.И., Давиденко И.Ю., Дегтярева Ю.С. Современные подходы к ведению гендерной дисфории: взгляд эндокринолога // Альманах клинической медицины. 2019. № 47(2). С. 166–174.

Volkova N.I., Davidenko I.Y., Degtyareva Y.S. *Sovremennye podkhody k vedeniyu gendernoi disforii: vzglyad endokrinologa* [Modern Approaches to the Management of Gender Dysphoria: Endocrinologist's View]. *Al'manakh klinicheskoi meditsiny*. 2019. N 47(2). P. 166–174.

Дисфория // Большая медицинская энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: <https://бмэ.орг/index.php/ДИСФОРИЯ> (дата обращения: 29.07.2021).

Dysphoria. *Big Medical Encyclopedia* [Electronic resource]. URL: <https://бмэ.орг/index.php/ДИСФОРИЯ> (date of access: 29.07.2021).

Иванюшкин А.Я. Информированное согласие // Апресян Р.Г., Гусейнов А.А. (ред.) Этика: энциклопедический словарь. М.: Гардарики, 2001. С. 175–176.

Ivanyushkin A.Y. *Informirovannoe soglasie* [Informed consent]. Апресян Р.Г., Гусейнов А.А. (red.) *Etika: entsiklopedicheskii slovar'* [Ethics: encyclopedic dictionary]. Moscow: Gardariki Publ., 2001. P. 175–176.

Иванюшкин А.Я. От этики Гиппократов к биоэтике // Медицинское право и этика. 2004. № 1 [Электронный ресурс]. URL: <https://recipe.ru/nd/medical-activities/statya-ot-etiki-gippokrata-k-bioetike-a-ya-ivanyushkin-meditsinskoe-pravo-i-etika-2004-n-1/> (дата обращения: 29.07.2021).

Ivanyushkin A.Y. *Ot etiki Gippokrata k bioetike* [From Hippocratic ethics to bioethics]. *Meditsinskoe pravo i etika*. 2004. N 1 [Electronic resource]. URL: <https://recipe.ru/nd/medical-activities/statya-ot-etiki-gippokrata-k-bioetike-a-ya-ivanyushkin-meditsinskoe-pravo-i-etika-2004-n-1/> (date of access: 29.07.2021).

Кибрик Н.Д., Якубов М.И. Клинические особенности расстройств половой идентификации и тактика ведения пациентов // Андрология и генитальная хирургия. 2018. № 3. С. 35–41.

Kibrik N.D., Yakubov M.I. *Klinicheskie osobennosti rasstroystv polovoi identifikatsii i taktika vedeniya patsientov* [Clinical Features of Sexual Identification Disorders and Patient Management Tactics]. *Andrologiya i genital'naya khirurgiya*. 2018. N 3. P. 35–41.

Лященко М.Н. Метафизика самоубийства в философии Средневековья и Ренессанса // Вестник ОГУ. 2013. № 7(156) [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metafizika-samoubiystva-v-filosofii-srednevekovya-i-renessansa> (дата обращения: 06.08.2021).

О.В. Саввина
Трансгендерность: био-этическая проблематика

Lyashchenko M.N. *Metafizika samoubiistva v filosofii Srednevekov'ya Renessansa* [Metaphysics of Suicide in Medieval and Renaissance Philosophy]. *Vestnik OGU*. 2013. N 7 (156) [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metafizika-samoubiystva-v-filosofii-srednevekovya-i-rensansana> (date of access: 06.08.2021).

Никонорова Ю.В. Некоторые вопросы квалификации доведения до самоубийства и склонения к совершению самоубийства или содействия совершению самоубийства // Вестник экономической безопасности. 2020. № 3 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-voprosy-kvalifikatsii-dovedeniya-do-samoubiystva-i-skloneniya-k-soversheniyu-samoubiystva-ili-sodeystviya-soversheniyu> (дата обращения: 28.07.2021).

Nikonorova Y.V. *Nekotorye voprosy kvalifikatsii dovedeniya do samoubiistva i skloneniya k soversheniyu samoubiistva ili sodeystviya soversheniyu samoubiistva* [Some Questions of Qualification of Driving to Suicide and Inducing to Commit Suicide or Assisting in Committing Suicide]. *Vestnik ekonomicheskoi bezopasnosti*. 2020. N 3 [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-voprosy-kvalifikatsii-dovedeniya-do-samoubiystva-i-skloneniya-k-soversheniyu-samoubiystva-ili-sodeystviya-soversheniyu> (date of access: 28.07.2021).

Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21.11.2011 № 323-ФЗ (последняя редакция) // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/ (дата обращения: 29.07.2021).

Federal'nyi zakon "Ob osnovakh okhrany zdorov'ya grazhdan v Rossiiskoi Federatsii" ot 21.11.2011 N 323-FZ (poslednyaya redaktsiya) [Federal Law "About the Basics of Public Health Protection in the Russian Federation" from 21.11.2011 N 323-FZ (last edition)]. *Konsul'tantPlyus* [Electronic resource]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/ (date of access: 29.07.2021).

Castellano E., Crespi C., Dell'Aquila C., Rosato R., Catalano C., Mineccia V., et al. Quality of Life and Hormones after Sex Reassignment Surgery. *Journal of endocrinological investigation*. 2015. Vol. 38(12). P. 1373–1381.

Chen R., Zhu X., Wright L., Drescher J., Gao Y., Wu L., Ying X., Qi J., Chen C., Xi Y., Ji L., Zhao H., Ou J., Broome M.R. Suicidal Ideation and Attempted Suicide amongst Chinese Transgender Persons: National Population Study. *Journal of Affective Disorders*. 2019. Vol. 245. P. 1126–1134.

Chen Y., Chen S., Arayasirikul S., Wilson E., McFarland W., Lu J. & Yan H. A Cross-sectional Study of Mental Health, Suicidal Ideation and Suicide Attempt among Transgender Women in Jiangsu Province, China. *Journal of affective disorders*. 2020. Vol. 277. P. 869–874.

Connolly M.D., Zervos M.J., Barone C.J., Johnson C.C., Joseph C.L. The Mental Health of Transgender Youth: Advances in Understanding. *The Journal of adolescent health: official publication of the Society for Adolescent Medicine*. 2016. Vol. 59(5). P. 489–495.

Davey A., Bouman W.P., Arcelus J., Meyer C. Social Support and Psychological Well-being in Gender Dysphoria: a Comparison of Patients with Matched Controls. *The Journal of Sexual Medicine*. 2014. Vol. 11(12). P. 2976–2985.

- De Cuypere G., Elaut E., Heylens G., Van Maele G., Selvaggi G., Tsjoen G., et al. Long-term Follow-up: Psychosocial Outcome of Belgian Transsexuals after Sex Reassignment Surgery. *Sexologies*. 2006. Vol. 15(2). P. 126–133.
- Declaration of Helsinki, 2013. World Medical Association. URL: <https://www.wma.net/policies-post/wma-declaration-of-helsinki-ethical-principles-for-medical-research-involving-human-subjects/> (date of access: 29.07.2021).
- Gender Dysphoria, 2013. Diagnostic And Statistical Manual Of Mental Disorders, Fifth Edition, American Psychiatric Association. URL: <https://dsm.psychiatryonline.org/> (date of access: 29.07.2021).
- Gender dysphoria, 2020. U.S. National library of Medicine. URL: <https://medlineplus.gov/ency/article/001527.htm> (date of access: 29.07.2021).
- Gender Incongruence. International Classification of Diseases 11 Revision, World Health Organization. URL: <https://icd.who.int/browse11/l-m/en#/http%3a%2f%2fid.who.int%2f%2f%2f%2f411470068> (date of access: 29.07.2021).
- Gracia D. Bioethics: Founders. Ed. by ten Have. Encyclopedia of Bioethics. Dordrecht: Springer Science, Business Media, 2014. P. 19–34.
- Leyland C. Court Backs Trans Teen who Feared Being ‘Stranded’ by Father’s Bid to Stop Transition. *The Guardian*. 2019. URL: <https://www.theguardian.com/world/2019/sep/06/trans-teenager-case-canada-father-halts-treatment> (date of access: 29.07.2021).
- Maksut J.L., Sanchez T.H., Wiginton J.M., Scheim A.I., Logie C.H., Zlotorzynska M., Lyons C.E., & Baral S.D. Gender Identity and Sexual Behavior Stigmas, Severe Psychological Distress, and Suicidality in an Online Sample of Transgender Women in the United States. *Annals of epidemiology*. 2020. Vol. 52. P. 15–22.
- Newfield E., Hart S., Dibble S. Kohler L. Female-to-male Transgender Quality of Life. *Quality of Life Research*. 2006. Vol. 15. P. 1447–1457.
- Rabasco A., Andover M. Suicidal Ideation among Transgender and Gender Diverse Adults: A Longitudinal Study of Risk and Protective Factors. *Journal of Affective Disorders*. 2021. Vol. 278. P. 136–143.
- Valashany B.T., Janghorbani M. Quality of Life of Men and Women with Gender Identity Disorder. *Health and Quality of Life Outcomes*. 2018. Vol. 16(1). P. 167.
- Weinforth G., Fakin R., Giovanoli P., & Nuñez D.G. Quality of Life Following Male-To-Female Sex Reassignment Surgery. *Deutsches Arzteblatt international*. 2019. Vol. 116(15). P. 253–260.
- Weyers S., Elaut E., De Sutter P., Gerris J., T’Sjoen G., Heylens G., et al. Longterm Assessment of the Physical, Mental, and Sexual Health among Transsexual Women. *Journal of Sexual Medicine*. 2009. Vol. 6(3). P. 752–760.
- Wierckx K., Van Caenegem E., Elaut E., Dedeker D., Van de Peer F., Toye K., Weyers S., et al. Quality of Life and Sexual Health after Sex Reassignment Surgery in Transsexual Men. *Journal of Sexual Medicine*. 2011. Vol. 8(12). P. 3379–3388.

О.В. Саввина
Трансгендер-
ность: био-
этическая
проблематика

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ

DOI: 10.31857/S023620070024829-8

©2023 А.В. ШИПИЛОВ

ФУРАЖЕРЫ: ЕСТЕСТВЕННЫЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ



Шипилов Андрей Васильевич — доктор культурологии, доцент, профессор кафедры философии, экономики и социально-гуманитарных дисциплин. Воронежский государственный педагогический университет. Российская Федерация, 394043 Воронеж, ул. Ленина, д. 86. andshipilo@yandex.ru ORCID: 0000-0002-8885-2157

Аннотация. Постиндустриальное общество аналогично доиндустриальному в том отношении, что экономика первого базируется на присвоении продукции роботизированного производства, а последнего — на присвоении продуктов, произведенных природой. Подавляющее большинство людей на протяжении почти всей истории человечества жили за счет охоты и собирательства, поэтому присваивающее хозяйство можно считать естественной формой жизнеобеспечения. Охотники и собиратели (фуражеры) с минимальными трудозатратами полностью удовлетворяли свои потребности за счет использования промысловых технологий, которые являлись настолько эффективными, что многие популяции и виды животных были истреблены. По сравнению с земледельцами фуражеры лучше питались и обладали лучшим здоровьем. Переход к производящему хозяйству не был исторически неизбежным. Неолитическая революция на самом деле являлась эволюцией — растянутой, прерывистой и неполной. Сохранившиеся до нашего времени в отдаленных местностях фуражерские группы и этносы отличаются позитивным психологическим самочувствием и считают свой образ жизни нормальным и правильным. С учетом современного тренда к «зеленой

экономике» исторический опыт охотников и собирателей заслуживает изучения и нового осмысления.

Ключевые слова: охотники, собиратели, питание, здоровье, неолитическая революция, присваивающее хозяйство, производящее хозяйство.

Ссылка для цитирования: Шипилов А.В. Фуражеры: естественный образ жизни // Человек. 2023. Т. 34, № 1. С. 82–98. DOI: 10.31857/S023620070024829-8

А.В. Шипилов
Фуражеры:
естественный
образ жизни

Вместо введения

Вектор развития современного общества направлен в сторону цифровизации, роботизации и консьюмеризации, уводя наиболее технологически продвинутые страны и страты от труда и производства и подводя к «цивилизации досуга» и «обществу ренты». Автоматизация и роботизация экономики превращает ее из производящей в присваивающую, хотя присваивается сегодня не то, что произвела природа, а то, что произвели роботы. Хотя это еще не повседневная реальность, а только обозначившаяся тенденция, постиндустриальный человек начинает походить на доиндустриального в том плане, что основным занятием обоих является не трудовая, а социальная деятельность. И, если мы отходим от производства и подходим к присвоению, стоит вспомнить, как жили люди в условиях присваивающего хозяйства. Возможно, кое-что из этого покажется сегодня не только занимательным, но и привлекательным, а главное, приглашающим к размышлению о далеком прошлом и близком будущем.

Общество первоначального изобилия

Доиндустриальный период обычно понимается как аграрный, однако аграрным обществом, не говоря уже об охватывающей последние пять тысяч лет цивилизации, человеческая история далеко не ограничивается. За всю историю человечества на Земле успело появиться на свет около 110 млрд, представителей нашего вида [Кинг, 2018: 406], и с подавляющим большинством из них это случилось до перехода к производящему хозяйству. Человек кормился охотой и собирательством на протяжении почти всей своей видовой истории, и 90% людей, когда-либо живших на Земле, практиковали присвоение; только 6% поддерживали существование с помощью земледелия, и только 4% жили в индустриальном обществе с его уникальной трудовой этикой, которую в силу этого нельзя признать традиционной в сколько-нибудь длительной ретроспективе [Артемова, 2009: 125; Даймонд, 2009: 102]. Что

местные почвы и климат не удовлетворяли потребностям производящего хозяйства. В более ресурсно обеспеченных регионах и тогда, когда конкуренция/давление со стороны земледельцев и скотоводов отсутствовали или были недостаточно сильными, обеспечиваемый присвоением у природы уровень потребления мог быть заметно выше. Собственно, он и так был сравнительно неплохим: как замечает Г. Кларк, «британские батраки лишь к 1863 году достигли медианного уровня потребления первобытных обществ» [Кларк, 2012: 93].

Человек-охотник

Потребление охотников-рыболовов-собирателей обеспечивалось эффективными промысловыми технологиями — настолько эффективными, что с сегодняшней точки зрения их нельзя не признать хищническими. Комментируя книгу «Man the Hunter» (изданные в 1968 году материалы организованного двумя годами ранее Р.Б. Ли и И. ДеВором симпозиума), Й. Радкау пишет: «Если допустить, что история оставляет в человечестве долговременный отпечаток и что богатая яркими эмоциями охота оставляет более яркий след, чем собирательство, то человек (точнее — мужчина) должен по природе своей быть прежде всего охотником», а «охотники по сути своей настроены добывать столько, сколько могут добыть»; «у человека-охотника нет природного инстинкта, который призывал бы его к ограничению использования природных ресурсов» [Радкау, 2014: 75, 77]. Иными словами, частичное или полное истребление популяций, уничтожение видов в результате перепромысла исторически являлось нередким и закономерным результатом деятельности «человека-охотника». Man the Hunter охотится не только в силу необходимости, но и ради удовольствия, он добывает не только (не столько) *для чего-то*, но и *потому что* — потому что может. И если его возможности совпадают с желаниями, флоре и фауне грозят тяжелые потери, — чему, опять-таки, много примеров.

По мнению П.С. Мартина, Дж. Даймонда и ряда других исследователей, позднечетвертичное вымирание мегафауны стало прямым следствием деятельности человека разумного. Если в Африке и Евразии большинству видов удалось дожить до современности, то причиной этого было то, что последние два миллиона лет они эволюционировали в соседстве с родом *Homo*, а последние двести тысяч лет — с видом *Homo Sapiens* и успели выработать страх перед человеком. Австралийские гигантские кенгуру, дипротодоны, сумчатые львы, гениорнисы, мегалании, квинканы, воманби

А.В. Шпилов
Фуражеры:
естественный
образ жизни

последнего дефицит животного белка оказался настолько острым, что и маори, и рапануйцы практиковали каннибализм [Даймонд, 2008: 94–34; Даймонд, 2009: 135; Даймонд, 2013: 410–413].

Питание и здоровье: фуражеры vs земледельцы

Впрочем, такие эксцессы все же не являлись повсеместными и неизбежными и могли случаться по большей части с примитивными земледельцами и высшими (специализированными) охотниками, собирателями и рыболовами. На гораздо более широких территориях в продолжение гораздо большего времени жили группы неспециализированных фуражеров, чьи до-, а с неолита — внеземледельческие коллективы в полном смысле слова представляли собой «общество первоначального изобилия», так как их уровень потребления и состояние здоровья были как минимум не хуже, чем у земледельцев.

В свое время считалось, что первобытные (да и позднейшие) охотники и собиратели постоянно балансировали на грани голода и вымирания, и только переход к производящему хозяйству позволил человеку надежно обеспечить свое выживание и даже приобрести некоторый достаток [История, 1989: 31–32]. Однако наблюдения этнографов и исследования антропологов внесли в эти представления существенные коррективы. Как говорил в одной из своих лекций, прочитанных в 1986 году, К. Леви-Стросс, «сегодня нам известно, что “примитивные” народы, которые не разводят скот и не возделывают землю (последнее — разве что в зачаточной стадии), могут не знать гончарного ремесла и ткачества, живут главным образом охотой, рыболовством и собирательством в дикой природе, — не охвачены страхом голодной смерти и тревогой о том, как выжить во враждебной среде» [Леви-Стросс, 2016: 51]. В случаях климатических катаклизмов типа продолжительных засух фуражеры действительно голодали, но это вовсе не являлось нормой; обычно им вполне хватало пищи и они не страдали от недоедания [Крживицкий, 1925: 26–27].

Но дело даже не в количестве, а в качестве питания: рацион охотников и собирателей чрезвычайно разнообразен и включает в себя, как правило, до сотни и более видов пищи растительного и животного происхождения. (Кстати, шимпанзе — генетически ближайший родственник человека — употребляют в пищу до двухсот видов растений, а также едят термитов, муравьев, мед, птичьи яйца, черепах, птиц и мелких млекопитающих типа галаго, красных колобусов, мартышек и еще несколько видов приматов [Эттенборо, 1984: 158].) Так, в не слишком благоприятных

А.В. Шипилов
Фуражеры:
естественный
образ жизни

условиях джунглей Восточного Эквадора индейцы ваорани использовали в пищу 32 вида млекопитающих из 72, обитающих в регионе, 115 видов птиц из 341 и 9 видов рептилий из 11 [Панов, 2019: 79]. Широта пищевого ассортимента отличала охотников и собирателей с времен палеолита: археологические исследования показывают, что население африканской Великой Рифтовой долины 23 тыс. лет назад потребляло 20 видов крупных и мелких млекопитающих, птиц 16 семейств и 140 видов фруктов, орехов, семян и бобовых [Скотт, 2020: 61]. Рацион фуражера содержит умеренную долю углеводов и жиров, но значительную долю белков, особенно животного происхождения, богат волокнами, минеральными солями и витаминами. Такая «палеолитическая диета» препятствует возникновению заболеваний типа ожирения, диабета, атеросклероза, гипертонии и их последствий вроде ишемии, стенокардии, инфаркта, инсульта. Кроме того, широкий ассортимент источников пищи у фуражеров до известной степени выступает гарантией от голода, переживаемого земледельцами в случае неурожая одной или нескольких из ограниченного количества возделываемых культур [Даймонд, 2013: 176].

Таким образом, представляется, что «примитивные» охотничье-собираческие группы питались и больше, и лучше, чем земледельцы, чей рацион обычно составляют несколько продуктов растениеводства, богатых углеводами, но бедных жирами, белками и минеральными веществами. По современным нормам, оптимальное соотношение белков, жиров и углеводов в сбалансированном рационе составляет 1:1:4, при этом 55% суточного энергопотребления должно приходиться на углеводы, 33% — на жиры, 12% — на белки. Однако русский крестьянин XVIII века только за счет потребления ржаного хлеба покрывал до 75% энергзатрат, а если учесть крупяные каши, толокно, кисель, квас, пиво и прочее, то эту цифру можно увеличить примерно до 85%, и почти все это будут углеводы [Шпилов, 2016: 553]. У других исторически и этнографически изученных земледельцев пища на 80–90%, а иногда почти целиком, состояла из растительных продуктов. В сельских местностях Таиланда 87% калорий давал рис; коренное население Папуа Новой Гвинеи, ведя традиционный образ жизни, обеспечивало 90% калорий рациона за счет батата, таро и ямса; в некоторых районах Китая на долю растительной пищи приходилось более 99% калорий. Соответственно, доля углеводов была намного выше нормы. У индейцев майя она составляла 70%, у земледельцев Зимбабве — свыше 75%, у жителей Заира — 85% и т.д. В то же время доля белков, особенно животных, была гораздо ниже нормы. Если у бушменов потребление последних равнялось 93 г, в том числе 35 г животных, то у австралийских

аборигенов — 190 г, в том числе 176 г животных, а у эскимосов — 200–400 г почти исключительно животных. По сравнению с ними у индейцев бассейна Амазонки количество общих белков в дневном рационе составляло 15 г, у папуасов — 8,5 г, у жителей Явы в районах культивации маниоки — 16 г, в районах культивации риса — 6 г. Животных белков в рационе аборигенов Тайваня — 8 г, у традиционных земледельцев Индии — от 2 до 5 г, у жителей ямсовых областей Нигерии — 2 г. Белковая недостаточность ведет к тяжелой дистрофии («квашиноркор»), которой часто страдают дети традиционных земледельцев, и безбелковым отекам у взрослых, к чему добавляются последствия гиповитаминозов и дефицита микроэлементов [Козинцев, 1980: 25–31].

В целом можно считать установленным, что по мере перехода от охоты и собирательства к земледелию и повышения доли растительной пищи, а в последней — продукции земледелия и особенно сельскохозяйственных монокультур, у соответствующих групп снижается основной обмен, уменьшается содержание холестерина в крови, меняется азотный баланс, учащаются дефекты зрения и слуха, уменьшаются показатели роста тела [Козинцев, 1980: 8, 27, 30]. Следствием перехода к земледелию стала грацилизация населения: если палеолитические охотники и собиратели территорий современных Турции и Греции имели средний рост 175 см мужчины и 165 см женщины, то неолитические/энеолитические земледельцы тех же регионов — 157,5 см мужчины и 152,5 см женщины; как отмечает Дж. Даймонд, «современные греки и турки все еще не достигли роста своих здоровых предков, охотников и собирателей» [Даймонд, 2013: 246]. «Средний рост — показатель качества питания, а также заболеваемости среди детей — в каменном веке был выше, чем в 1800 году», — подтверждает Г. Кларк; так же обстояло дело и в еще более поздние времена [Кларк, 2012: 15, 94]. В Российской империи в начале XX века средний рост новобранцев равнялся 163–165 см. В советской нормативной документации по пошиву одежды, относящейся к середине 1960-х годов, приводились такие цифры: I-й мужской рост — 152 см, II-й — 158 см, III-й — 164 см, IV-й — 170 см, V-й — 176 см; I-й женский рост — 140 см, II-й — 146 см, III-й — 152 см, IV-й — 158 см, V-й — 164 см; средние значения получаются 164 см для мужчин и 152 см для женщин [Шипилов, 2016: 552].

По крайней мере в некоторых отношениях фуражеры действительно выглядят более здоровыми, чем земледельцы, которым свойственны специфически земледельческие болезни — в первую очередь кариес, также цинга, рахит, гиперстоз, гипоплазия зубной эмали, железodefицитная анемия и др. Палеопатологические исследования населения долин рек Иллинойс и Огайо, перешедшего

А.В. Шипилов
Фуражеры:
естественный
образ жизни

к интенсивной культивации кукурузы на рубеже X–XI веков н.э., показали, что после — и вследствие — этого количество случаев кариеса выросло в 7 раз, стали обычными дефекты зубной эмали, абсцессы и отсутствие зубов. В 4 раза более частыми стали случаи анемии; также распространился туберкулез, половина населения страдала от сифилиса, две трети — от остеоартрита; во всех возрастах увеличилась смертность, и лишь 1% населения жил дольше 50 лет, тогда как в «докукурузную» эпоху этот показатель равнялся 5% [Скотт, 2020: 103–106, 130]. Много позже и в гораздо более развитом обществе — в Англии в 1541 году — средняя вероятная продолжительность жизни была меньше 34 лет, к 1696 году она повысилась на полгода и только в 1830-х годах выросла до 43 лет; та же картина наблюдалась во Франции и во всей остальной Европе [Лахман, 2010: 22]. По сравнению с этим, в доземледельческий период средняя продолжительность жизни составляла 30–40 лет, при этом основным фактором, определявшим эти скромные по нынешним меркам цифры, служила высокая детская смертность [Харари, 2016: 65–66].

При переходе к земледелию увеличились оседлость, плотность населения и скученность проживания, в результате чего резко ухудшились санитарные условия. Рядом с постоянными жилищами стали накапливаться отбросы и нечистоты, в самих жилищах поселились грызуны и насекомые, а использование фекалий в качестве удобрения и заливные формы земледелия привели к распространению желудочно-кишечных и паразитарных заболеваний. Но глисты и москиты были только половиной беды; по мере развития сопутствующего земледелию животноводства в крупных постоянных поселениях распространились инфекционные зоонозы (бруцеллез, сальмонеллез, пситтакоз) и зооантропонозы — эпидемические болезни, изначально приобретенные людьми от домашнего скота и в дальнейшем эволюционировавшие, такие как корь (от овец и коз), оспа (от верблюдов), грипп (от водоплавающей птицы), туберкулез, тропическая малярия и др. [Скотт, 2020: 125–126]. Долговременное проживание на одном месте в сравнительно крупных по сравнению с фуражерскими коллективах создало условия для распространения эпидемических инфекций — тифа, чумы, холеры. Жившие небольшими, подвижными и часто сезонно дисперсными коллективами охотники и собиратели этих заболеваний практически не знали, и хотя фуражеры палеолита и последующих эпох тоже страдали от травм, артрозов, спондилезов, гельминтозов, малярии, дизентерии, в целом они отличались лучшим здоровьем по сравнению с сообществами, перешедшими к производящему хозяйству [Бужилова, 2005: 66, 88–100].

Неолитическая эволюция

В свое время Г. Чайлд назвал переход от присваивающего к производящему хозяйству «неолитической революцией» [Чайлд, 2012: 60]. По масштабу произошедших вследствие этого перехода изменений это действительно революция, но вот по их временному темпу, широте распространения и глубине проникновения в географически-демографическом и социально-культурном смысле данный процесс можно было бы обозначить как «неолитическую эволюцию». Становление производящего хозяйства традиционно оценивалось как прогрессивный/позитивный переход от дикости к варварству на пути к цивилизации (или, по Г.Л. Моргану, от низшей к средней ступени варварства, которая началась «в Восточном полушарии с приручения животных, а в Западном — с возделывания растений» [Морган, 1935: 10]), однако в последние десятилетия прогрессивность и позитивность Neolithic Revolution поставлены под вопрос. К. Леви-Стросс признает, что возникновение земледелия было во многих отношениях явлением прогрессивным (увеличение количества пищи на единицу времени и пространства, возрастание численности и плотности населения, расширение сферы обитания), но, с другой стороны, отмечает в нем и черты регресса (обеднение рациона, повышение вероятности голодовок, распространение инфекций и т.д.) [Леви-Стросс, 2016: 83]. Что же касается более отдаленных последствий неолитической революции, то ими стали имущественное и социальное неравенство, господство и эксплуатация, войны за собственность и территорию и многое другое, поэтому Л. Тайгер заявляет, что переход к земледелию и скотоводству явился началом «всемирного грехопадения» и «производства мирового зла» [Артемова, 2009: 484].

Следует признать, что неолитическая революция была явлением достаточно неоднозначным. Но важнее не оценивать ее последствия, а понимать ее причины: ведь переход к производящему хозяйству не был исторически неизбежным, произойдя самостоятельно лишь несколько раз в нескольких регионах Земли под воздействием сложного сочетания экологических и социокультурных факторов [История, 1986: 271]. «Одомашнивание растений и животных вовсе не является исторической неизбежностью, которая по каким-то причинам задержалась в том или ином регионе, — считает Ф. Дескола. — Многие народы мира, как видится, вовсе не испытывали потребности в подобном перевороте» [Дескола, 2012: 73]. Некоторые не испытывают ее и до сих пор, так что, по мнению О.Ю. Артемовой, вместо вопроса о том, почему современные фуражеры не перешли к производящему хозяйству,

А.В. Шипилов
Фуражеры:
естественный
образ жизни

следует задаться вопросом о том, почему к нему все же перешли фуражеры древности? [Артемова, 2009: 487].

Трудно сказать, что именно руководило людьми нагуфийской и других культур, начавших переход к земледелию, однако несомненно, что это был процесс постепенный и долгий — в Передней Азии и Мезоамерике он занял 3–4 тыс. лет, в Европе — 3 тыс. лет; кроме того, он был неполным и обратимым [Кабо, 1980: 80–83]. Что касается этнографически изученных примитивных земледельцев, то они не столько земледельцы, сколько полуоседлые охотники-собиратели (или hunter-horticulturalists — «охотники-садоводы», или shifting cultivators and hunters — «земледельцы и охотники, склонные к перемене мест» [Панов, 2017: 413]), которые в определенный сезон задерживаются на одном месте на несколько месяцев, что дает возможность выращивать картофель, маис или маниоку. Но и у этих полуаграрных групп земледелие является непрестижным и в основном женским делом, тогда как охота практически всегда рассматривается как престижное мужское занятие. Как свидетельствует В. Тэрнер, у ндембу «мужчины очень высоко ценят охоту» [Тэрнер, 1983: 159]. «Охота на крупных наземных млекопитающих остается у мочика престижным занятием, — говорит Ю.Е. Березкин об одной из раннеземледельческих цивилизаций Перу. — Судя по изображениям среднего и финального периодов этой культуры, ею могли заниматься лишь знатные воины. В противоположность тому земледельческие работы сами по себе непрестижны» [Березкин, 1980: 109]. Да и в позднейшие эпохи вплоть до современности охота представляется делом доблестным и почетным, недаром в ней упражнялись и продолжают это делать представители социальной элиты [Веблен, 1984: 87]. Земледелие, напротив, воспринималось как что-то неестественное, подозрительное и предосудительное: например, у тайландских мрабри существовало поверье, что искусственное выращивание растений наказывается духами [Кабо, 1986: 112].

Вместо заключения

Жизнь, которую ведут сохранившиеся до наших дней в отдаленных, климатически и экологически неблагоприятных регионах охотники и собиратели, их вполне устраивает, они ей довольны — и счастливы, считая, что пребывают в достатке и благополучии, ведя единственно возможный и правильный образ жизни [Леви-Стросс, 2016: 92]. Как свидетельствует Д. Эверетт, индейцы пираха постоянно смеются и улыбаются, у них «нет и следа депрессии, хронической усталости, крайней тревожности, приступов паники

и других психических недугов, обычных во многих индустриальных странах» [Эверетт, 2016: 299]. Можно заметить, что по мере того, как индустриальное общество превращается в постиндустриальное, начинает привлекать внимание не просто доиндустриальный, а доаграрный образ жизни. «Одно из главных открытий, сделанных мной за те без малого тридцать лет, что я преподаю домодерную историю, состоит в том, что студенты в большинстве своем с трудом способны понять “Аграрию” и ее ценности и еще менее способны полюбить их, — замечает И. Моррис. — Напротив, собиратели и их ценности нередко кажутся... молодежи весьма привлекательными» [Моррис, 2017: 247]. В последнее время много говорится о «зеленом тренде» к соответствующего цвета экономике, предполагающей снижение роста ВВП или даже отрицательный рост и ограничение потребления; трудно сказать, насколько все это реально и должно, но нельзя исключать, что действительно *future could be greener than we commonly assume* [Schwab, 2020: 47–50, 113]. Разумеется, речь не идет о том, что мы снова вооружимся луками и копьями и начнем жить охотой и собирательством: при уже почти восьмимиллиардном населении Земли и прогрессирующей деградации биоценозов это по понятным причинам невозможно. Речь идет о том, что, возможно, социальный идеал от развития должен будет сдвинуться к равновесию; статика станет нормой вместо динамики, и экспансия сменится гомеостазом. Вполне вероятно, что второе присваивающее хозяйство потребует ментально-аксиологических изменений, приводящих мышление и поведение людей в положение, аналогичное условиям первого, и здесь фуражерский опыт может оказаться востребованным, почему и заслуживает исследовательского внимания.

А.В. Шипилов
Фуражеры:
естественный
образ жизни

Foragers: a Natural Way of Life

Andrey V. Shipilov

Doctor of Cultural Studies, Associate Professor.

Professor, Department of Philosophy, Economics and Social Sciences.

Voronezh State Pedagogical University.

86 Lenin Str., Voronezh 394043, Russian Federation.

andshipilo@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-8885-2157

Abstract: Postindustrial society is similar to preindustrial in the sense that the economy of the former is based on the appropriation of products from robotic production, and the latter is based on the appropriation of products produced by nature. The vast majority of people throughout almost the entire history of mankind lived off hunting and gathering, so the

appropriating economy can be considered a natural form of life support. Hunters and gatherers (foragers) fully met their needs with minimal labor costs through the use of fishing technologies that were so effective that many populations and species of animals were exterminated. Compared to farmers, foragers ate better and were in better health. The transition to a productive economy was not historically inevitable. The Neolithic Revolution was actually evolution – drawn out, intermittent, and incomplete. The foraging groups that have survived to this day in remote areas are characterized by a positive psychological well-being and consider their way of life to be normal and correct. Given the current trend towards a green economy, the historical experience of hunters and gatherers deserves to be studied and rethought.

Key words: hunter, gatherer, food, health, Neolithic revolution, appropriating economy, producing economy.

For citation: Shipilov A.V. Foragers: a natural way of life // Chelovek. 2023. Vol. 34, N 1. P. 82–98. DOI: 10.31857/S023620070024829-8

Литература/References

- Артемова О.Ю. Колено Исава: Охотники, собиратели, рыбаки (опыт изучения альтернативных социальных систем). М.: Смысл, 2009.
- Artemova O.Yu. *Koleno Isava: Ohotniki, sobirатели, rybolovy (opyt izucheniya al'ternativnyh social'nyh sistem)* [The generation of Esau: Hunters, Gatherers, Fishermen (Experience of Studying Alternative Social Systems)]. Moscow: Smysl Publ., 2009.
- Березкин Е.Ю. Ранние земледельцы побережья Перу / Ранние земледельцы. Л., 1980.
- Berezkin E.Yu. *Rannie zemledel'tsy poberezh'ya Peru* [Early Farmers of the Peruvian Coast]. *Rannie zemledel'tsy* [Early farmers]. Leningrad: Nauka Publ., 1980. P. 86–109.
- Бужилова А.П. Homo sapiens: История болезни. М.: Языки славянской культуры, 2005.
- Buzhilova A.P. *Homo sapiens: Istoriya bolezni* [Homo sapiens: A Case History]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2005.
- Веблен Т. Теория праздного класса. М.: Прогресс, 1984.
- Veblen T. *Teoriya prazdnogo klassa* [The Theory of the Leisure Class]. Moscow: Progress Publ., 1984.
- Даймонд Дж. Коллапс. Почему одни общества выживают, а другие умирают. М.: АСТ, 2008.
- Diamond J. *Kollaps. Pochemu odni obshchestva vyzhivayut, a drugie umirayut* [Collapse: How Societies Choose to Fail or Succeed]. Moscow: AST Publ., 2008.
- Даймонд Дж. Мир позавчера. Чему нас могут научить люди, до сих пор живущие в каменном веке. М.: АСТ, 2016.

Diamond J. *Mir pozavchera. Chemu nas mogut nauchit' lyudi, do sikh por zhivushchie v kamennom veke* [The World Until Yesterday: What Can We Learn from Traditional Societies?]. Moscow: AST Publ., 2016.

Даймонд Дж. Ружья, микробы и сталь: История человеческих сообществ. М.: АСТ, 2009.

Diamond J. *Ruzh'ya, mikroby i stal': Istoriya chelovecheskikh soobshchestv* [Guns, Germs, and Steel: The Fates of Human Societies]. Moscow: AST Publ., 2009.

Даймонд Дж. Третий шимпанзе. Эволюция и перспективы человеческого животного. М.: АСТ, 2013.

Diamond J. *Tretiy shimpanze: Evolyutsiya i perspektivy chelovecheskogo zhivotnogo* [The Third Chimpanzee: The Evolution and Future of the Human Animal]. Moscow: AST Publ., 2013.

Дескола Ф. По ту сторону природы и культуры. М.: Новое литературное обозрение, 2012.

Descola Ph. *Po tu storonu prirody i kul'tury* [Beyond Nature and Culture]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2012.

Дробышевский С.В. Достигающее звено. Книга вторая: Люди. М.: АСТ, 2018.

Drobyshevskiy S.V. *Dostayushchee zveno. Kniga vtoraya: Lyudi* [The reaching link. Book Two: People]. Moscow: AST Publ., 2018.

Дробышевский С.В. Достигающее звено. Книга первая: Обезьяны и все-все-все. М.: АСТ, 2017.

Drobyshevskiy S.V. *Dostayushchee zveno. Kniga pervaya: Obez'yany i vse-vse-vse* [The Reaching Link. Book One: Monkeys and Everything, Everything, Everything]. Moscow: AST Publ., 2017.

История древнего мира. Ранняя древность. М.: Наука, 1989.

Istoriya drevnego mira. Rannaya drevnost' [Ancient world history. Early antiquity]. Moscow: Nauka Publ., 1989.

История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины. М.: Наука, 1986.

Istoriya pervobytnogo obshchestva. Epokha pervobytnoy rodovoy obshchiny [The history of primitive society. The era of the primitive tribal community]. Moscow: Nauka Publ., 1986.

Кабо В.Р. Первобытная доземледельческая община. М.: Наука, 1986.

Kabo V.R. *Pervobytnaya dozemel'del'cheskaya obshchina* [Primitive pre-farming community]. Moscow: Nauka Publ., 1986.

Кабо В.Р. У истоков производящей экономики // Ранние земледельцы. Л.: Наука, 1980.

Kabo V.R. *U istokov proizvod'yashchey ekonomiki* [At the origins of the producing economy]. *Rannie zemledel'tsy* [Early farmers]. Leningrad: Nauka Publ., 1980. P. 59–85.

Кабо В.Р. Тасманийцы и тасманийская проблема. М.: Наука, 1975.

Kabo V.R. *Tasmaniysy i tasmaniyskaya problema* [Tasmanians and the Tasmanian problem]. Moscow: Nauka Publ., 1975.

Кинг Б., Лайтман А., Рангасвами Дж.П., Ларк Э. Эпоха дополненной реальности. М.: Олимп-Бизнес, 2018.

А.В. Шипилов
Фуражеры:
естественный
образ жизни

West Rules — For Now. The patterns of history and what they reveal about the future]. Moscow: Kar'era Press Publ., 2016.

Моррис И. Собиратели, земледельцы и ископаемое топливо. Как изменяются человеческие ценности. М.: Издательство Института Гайдара, 2017.

Morris I. *Sobirатели, zemledel'cy i iskopaemoe toplivo. Kak izmenyayutsya chelovecheskie cennosti* [Foragers, Farmers, and Fossil Fuels. How Human Values Evolve]. Moscow: Izdatel'stvo Instituta Gajdara Publ., 2017.

Панов Е.Н. Человек — создатель и разрушитель: Эволюция поведения и социальной организации. М.: Издательский Дом ЯСК, 2017.

Panov E.N. *Chelovek — sozidatel' i razrushitel': Evolyutsiya povedeniya i sotsial'noi organizatsii* [Man – Creator and Destroyer: The Evolution of Behavior and Social Organization]. Moscow: Izdatel'skii Dom YaSK Publ., 2017.

Панов Е.Н. Человек стреляющий. Как мы научились этому. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2019.

Panov E.N. *Chelovek strelyayushchiy. Kak my nauchilis' etomu* [The man is shooting. How we learned this]. Moscow: Tovarishchestvo nauchnykh izdaniy KMK Publ., 2019.

Радкау Й. Природа и власть. Всемирная история окружающей среды. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2014.

Radkau J. *Priroda i vlast'. Vsemirnaya istoriya okruzhayushchey sredy* [Nature and Power: A Global History of the Environment]. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics Publ., 2014.

Салинс М. Экономика каменного века. М.: ОГИ, 1999.

Sahlins M. *Ekonomika kamennogo veka* [Stone Age Economics]. Moscow: OGI Publ., 1999.

Семенов Ю.И. На заре человеческой истории. М.: Мысль, 1989.

Semenov Yu.I. *Na zare chelovecheskoy istorii* [At the dawn of human history]. Moscow: Mysl' Publ., 1989.

Скотт Дж. Против зерна: глубинная история древнейших государств. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2020.

Skott J. *Protiv zerna: glubinnaya istoriya drevneyshikh gosudarstv* [Against the Grain. A Deep History of the Earliest States]. Moscow: Izdatel'skiy dom «Delo» RANKhiGS Publ., 2020.

Тэрнер В. Символ и ритуал. М.: Наука, 1983.

Turner V. *Simvol i ritual* [Symbol and ritual]. Moscow: Nauka Publ., 1983.

Файнберг Л.А. Охотники Американского Севера (индейцы и эскимосы). М.: Наука, 1991.

Faynberg L.A. *Okhotniki Amerikanskogo Severa (indeytsy i eskimosy)* [Hunters of the American North (Indians and Eskimos)]. Moscow: Nauka Publ., 1991.

Харари Ю.Н. Sapiens. Краткая история человечества. М.: Синдбад, 2016.

Harari Y.N. *Sapiens. Kratkaja istorija chelovechestva* [Sapiens: A Brief History of Humankind]. Moscow: Sindbad Publ., 2016.

Чайлд Г. Расцвет и падение древних цивилизаций. М.: ЗАО «Центрполиграф», 2012.

А.В. Шипилов
Фуражеры:
естественный
образ жизни

■■■■■■■■■■■■■■■■■■■■
СОЦИ-
АЛЬНЫЕ
ПРАКТИКИ
 ■■■■■■■■■■■■■■■■■■■■

Childe G. *Rastsvet i padenie drevnikh tsivilizatsiy* [What Happened in History]. Moscow: ZAO «Tsentrpoligraf» Publ., 2012.

Шипилов А.В. Труд и быт российского крестьянства первой половины XVIII века. Воронеж: ВГПУ, 2016.

Shipilov A.V. *Trud i byt rossiyskogo krest'yanstva pervoy poloviny XVIII veka* [Labor and everyday life of the Russian peasantry in the first half of the 18th century]. Voronezh: VGPU Publ., 2016.

Эверетт Д.Л. Не спи — кругом змей! Быт и язык индейцев амазонских джунглей. М.: Издательский Дом ЯСК, 2016.

Everett D.L. *Ne spi — krugom zmei! Byt i yazyk indejcev amazonskih dzhunglej* [Don't Sleep, There Are Snakes. Life and Language in The Amazonian Jungle]. Moscow: Izdatel'skij Dom YaSK Publ., 2016.

Эттенборо Д. Жизнь на Земле. М.: Мир, 1984.

Attenboro D. *Zhizn' na Zemle* [Life on Earth]. Moscow: Mir Publ., 1984.

Schwab K., Malleret T. COVID-19: The Great Reset. ISBN Agentur Schweiz, 2020.

ПРОТЕСТ И МАСС-МЕДИА КАК РАЗНОВИДНОСТИ КОММУНИКАЦИИ: ПРОБЛЕМА СМЫСЛОВОЙ ВЗАИМОСВЯЗИ



Сапан Илья Евгеньевич — аспирант кафедры социальной философии и философии истории философского факультета.
МГУ им. М.В. Ломоносова.
Российская Федерация, 119991 Москва, Ленинские горы, д. 1.
ORCID: 0000-0002-8300-1679
isapan@mail.ru

Аннотация. Статья содержит анализ феномена протеста с опорой на концептуальные особенности системно-коммуникативного подхода. Автор предпринимает попытку при помощи метода социально-философского анализа эксплицировать существенные характеристики протеста как формы социальной коммуникации, представляющей собой мобилизацию «общества против общества». В рамках данного анализа поднимается вопрос о потенциале социальных сетей и интернета в качестве инструмента протестной активности в силу тесной зависимости протеста от масс-медиа как особой функциональной системы. Автор делает вывод, что, несмотря на широкий охват пользователей социальных медиа, данный ресурс представляет собой слабый механизм для протестной самоорганизации.

Ключевые слова: протест, коммуникация, функциональная система, социальное движение, масс-медиа, социальные сети.

Ссылка для цитирования: Сапан И.Е. Протест и масс-медиа как разновидности коммуникации: проблема смысловой взаимосвязи // Человек. 2023. Т. 34, № 1. С. 99–111. DOI: 10.31857/S023620070024831-1

В современном обществе тема протестных и радикальных социальных движений за минувшие годы приобрела особый статус в связи с политическими и экономическими кризисами, которые затронули подавляющее число граждан различных стран. Множественные акции протеста, демонстрации и митинги происходят до сих пор, занимая тем самым свое особое место в актуальной повестке дня. Только за 2020 год прошли колоссальные всплески протестной активности. Для примера перечислим некоторые из них. В США — митинги и погромы под эгидой движения «Black lives matter» за права темнокожих; многочисленные акции протеста в странах Европы в связи с карантинными мерами против пандемии COVID-19; протесты в Республике Беларусь, вызванные несогласием с результатами президентских выборов. Волнения не обошли стороной и Российскую Федерацию: можно вспомнить митинги недовольных итогами народного голосования за поправки в Конституцию РФ, а также протесты в Хабаровском крае по «делу Фургала». И это, подчеркнем, только 2020 год и только заметные, «ощутимые» для внимания стороннего наблюдателя массовые волнения.

В данной статье мы не стремимся давать оценки конкретным актам протестной активности и перечислять все акции недовольства на мировой арене за недавнее время. Наш исследовательский интерес обнаруживает себя в концептуализации протеста как социального феномена под особой теоретической оптикой.

Целью статьи является анализ феномена протеста и его связи с функциональной системой масс-медиа с опорой на системно-коммуникативный подход. Актуализируется вопрос о том, можно ли рассматривать социальные медиа (которые являются важной частью масс-медиа в целом) как мобилизационный инструмент, с помощью которого протестная коммуникация может достигать своих целей.

Отметим, что протест, его генезис и, если угодно, его качественные характеристики входят преимущественно в сферу интересов социальных и философских дисциплин. Известно, что протест является одной из форм выражения социального конфликта. Подобная тема изучалась многими крупными исследователями в области социальной философии. В данной связи мы можем вспомнить имена К. Маркса, Г. Зиммеля, А. Грамши,

Л. Боулдинга, Р. Коллинза, Л. Козера, Р. Дарендорфа, Л. Крисберга. Однако подобный список будет неполон без немецкого социолога и теоретика Н. Лумана, внесшего исключительный вклад в понятие общества как совокупности различных форм коммуникаций. Мы выделили данного автора не случайно. Как верно отметил Н.А. Головин, теория социального конфликта Н. Лумана является «недооцененной», в силу чего исследователи обращаются к ней достаточно редко [Головин, 2021: 6]. В формировании подобной ситуации не последнюю роль сыграли «высокие барьеры восприятия теории» [там же], то есть частые упреки лумановских трудов в их недоступности для понимания, сложной абстракции и нелинейности изложения концептуального каркаса. В силу вышеизложенного, мы предпринимая попытку при помощи социально-философского анализа выявить особые характеристики протестной активности в обществе.

Протест как коммуникация «общества против общества»

Прежде чем проанализировать качественные характеристики протеста как особой формы коммуникации, обозначим ряд предпосылок, которые обнаруживают себя в комплексе системно-коммуникативной теоретизации. Так, например, в своей фундаментальной работе «Общество общества» Н. Луман характеризует протестные движения как мобилизацию «общества против общества» [Луман, 2011: 270]. Он проводит любопытную параллель между протестными движениями в обществе и «грехопадением дьявола». Суть этой аллегории в следующем: протестная коммуникация возникает внутри общества, отгораживаясь от него, выделяет себя или, как подмечает сам Луман, «проявляет себя как ответственность за общество, но *против* него» [Луман, 2011: 274]. Луман пишет: «Попытка провести границу, чтобы с другой ее стороны наблюдать за Богом и его творениями, как считалось в древности, привело к падению ангела Сатаны, <...> но присущая дьяволу техника наблюдения, прочерчивание границы против того единства, копируется» [Луман, 2011: 270]. Подобная иллюстрация нужна Луману, чтобы продемонстрировать в дальнейшем ряд ключевых особенностей протестной коммуникации.

Немецкий социолог исходит из того убеждения, что в обществе присутствуют некие обобщенные ценности, при помощи которых социум «формулирует свое единство». Данные ценности признаются большинством в своей важности и конструктивной потенции. Но, несмотря на это, их реализация может «оставлять желать

И.Е. Сапан
Протест и
масс-медиа
как разновид-
ности ком-
муникации:
проблема
смысловой
взаимосвязи

лучшего». Как итог, возникает парадокс, реакция на который порождает протест. Стоит отметить, что данная мысль не нова. К примеру, А.Ш. Гусейнов заявляет: «Э. Дюркгейм одним из первых обратил внимание на феномен аномии, когда в обществе наблюдается разрушение социальных стандартов, управляющих социальным поведением, вплоть до полного нормативного вакуума. Аномия служит основной причиной роста недовольства, протеста, насилия, включая аутодеструктивное поведение» [Гусейнов, 2012: 86]. В тех или иных формулировках схожие утверждения можно встретить у С.А. Стоуффера, Р.К. Мертона, Т. Гарра [там же], а также и современных исследователей, например К. Фукса [Антоновский, 2018: 28].

Наряду с этим Н. Луман делает акцент на том, что социальные движения во второй половине двадцатого столетия получили новую модель своей протестной тематизации, став более разнообразными и гетерогенными [Луман, 2011: 271]. Один из виднейших отечественных исследователей и переводчик творческого наследия Н. Лумана А.Ю. Антоновский так комментирует данную идею: «Современное [протестное. — *И.С.*] движение существенно отличается от “исторических видов” или прототипов протестной активности. <...> Протесты актуализируются в форме кампаний, провоцируемых некими событиями-триггерами в системной повестке общества: политической, правовой или экономической коммуникации» [Антоновский, 2018: 30]. Подобная вариативность протестных коммуникаций вынуждает Н. Лумана прийти к заключению, что они не могут пониматься ни как системы организации, ни как системы интеракции. Протестные движения говорят только о мотивах, но не предлагают решений, у них нет мотиваций членства, а набор приверженцев к протесту безграничен, они «гетерархичны, полицентричны, сетеобразны и не контролируют процесс собственного изменения» [Луман, 2011: 272]. Примерно схожую мысль о протестных массах мы обнаруживаем у австрийского мыслителя Э. Канетти, который подчеркивает, что «жажда роста — это первое и высшее свойство массы. Она старается втянуть в себя каждого, кто в пределах ее досягаемости, <...> ее росту вообще не положено предела» [Канетти, 2015: 25].

Мы можем согласиться с той мыслью, что протест не носит конструктивного характера, особенно сегодня. Примечателен тот факт, что многие участники протеста нередко бывают «дебютантами» в подобных акциях, при этом едва ли от них можно услышать логически выверенные компромиссы или ожидаемые альтернативы, вследствие которых они оказались причастными к подобной деятельности. В большинстве случаев ответы о личной мотивации и чаяниях в деле протеста замыкаются в идее «за все

хорошее против всего плохого»; выражаются обобщенные идеалы будущего и декларируются фундаментальные ценности, которые «нарушены», «попраны», «дискредитированы» [см.: Васильева, 2022: 32]. Проще говоря, причины, по которым могут вспыхнуть массовые волнения, многообразны и не всегда предсказуемы, при этом среди самих протестующих в большинстве случаев отсутствуют рациональные и поступательные шаги по изменению ситуации, против которой они изначально выступали. Пользуясь инструментарием системно-коммуникативной теории, мы можем описать данный факт (протест) как особую коммуникацию, которая обрывается и не конструирует коммуникативный комплекс для последующего воспроизводства собственных практик.

Немецкий социолог отмечает, что социальные движения посредством коммуникации в форме протеста получают то, что функциональные системы получают благодаря своему коду [Луман, 2011: 275]. На данном моменте мы заострим особое внимание.

Как известно, Н. Луман сформировал особый терминологический аппарат в процессе создания грандиозной социологической теории. Понятия «кода» и «формы» органично вплетены в корпус лумановской концепции, находясь во взаимозависимости от многих других понятий. В частности, от понятий «комплексности» и «функциональных систем». Последние редуцируют комплексность (хаотичность внешнего мира) до адаптированных под конкретные функциональные системы (будь то политика, экономика, религия, наука) смыслы при помощи кода, который всегда бинарен [Borch, 2011: 56]. Проиллюстрируем это следующим образом: к примеру, наука как функциональная система смотрит через двоичный код «истинное — ложное» на хаотичный, контингентный мир. Благодаря такому взгляду наука отделяет себя от внешнего мира (Umwelt) и обеспечивает себе оперативную замкнутость, то есть уникальную самость, позволяющую ей быть *in principio*. У протеста, в свою очередь, кода нет, он не производит анализ внешней действительности, он нестабилен и всегда заведомо в проигрыше. Достигает протест своей «цели» или нет — он при любом раскладе пойдет на спад. Протест обречен при любых обстоятельствах, и именно поэтому он не фундаментален как социальная практика. Однако протестная коммуникация до конца неуничтожима и, по точному выражению А.Ю. Антоновского, «имеет синусоидный характер» [Антоновский, 2018: 30].

Еще раз подчеркнем, протест — просто форма коммуникации. Ему постоянно нужна тема, причина, по которой он возникает [Luhmann, 1994: 54]. В этом его отличие от гранд-систем. Позволим себе аллегорически истолковать дуальность «протест/общество» как «вирус/клетка». Вирус обладает неклеточной организацией

И.Е. Сапан
Протест и
масс-медиа
как разновид-
ности ком-
муникации:
проблема
смысловой
взаимосвязи

(он носит в капсиде только ДНК или РНК, то есть чрезвычайно прост) и является облигатным (строгим) внутриклеточным паразитом, то есть существует только в живой клетке. Так и протест — обладает ключевой темой, упрощенной и схематичной, и реализуется внутри общества против него же, которое, в свою очередь, словно живая клетка, содержит массу подведомственных ей органелл и воспроизводит саму себя. Подобно вирусам, которые могут реплицироваться в присутствии других, с точки зрения Н. Лумана, протестные движения могут искать контакты между собой, могут «симпатизировать друг другу» при минимуме условий «нетождественности с господствующими кругами», образуя тем самым культуру протеста, подхватывающую все новые и новые темы [Луман, 2011: 278].

Самовиктимизация как код протестной коммуникации

Чтобы сделать еще более отчетливым феномен протеста с точки зрения системно-коммуникативного подхода, обратимся к тому, как в данном ключе отличают форму протеста от формы политической оппозиции. Последняя предполагает готовность участия в государственном управлении, то есть когда представители организованной оппозиционной группы обладают «рефлексией второго порядка, рефлексией над рефлексией» [Луман, 2011: 276]. Оппозиционные силы формулируют политические альтернативы, дают характеристику и оценку деятельности правящих лиц, вступают в дискуссии и дебаты, в общем, существует четкая дисциплина среди акторов в архитектуре политической жизни общества. Противоположная ситуация наблюдается в протестных движениях. Они «реактивны», довольствуются «схематизированным изображением проблемы». Н. Луман резюмирует: «От протестных движений нельзя ожидать того, что они будут понимать, отчего вещи таковы, каковы они есть; нельзя ожидать и того, что они смогут уяснить, каковы будут последствия, если общество поддается протесту» [Луман, 2011: 277].

Однако утверждение Н. Лумана об отсутствии кода у протестных движений может быть подвергнуто ревизии. Так, например, А.Ю. Антоновский в одной из своих статей предлагает осмыслить генезис протестной коммуникации с последующим выходом на формирование системно-коммуникативного исследования различных видов протеста [Антоновский, 2018: 27]. Одна из ключевых идей, которую транслирует исследователь, заключается в том, что у протеста наличествует особая наблюдательная

оптика. Ее можно охарактеризовать как «самовиктимизацию» участников протеста. Проще говоря, есть пораженные в правах индивидуумы, а есть те, кто «принимает решения», тем самым нивелируя надежды и возможности различных групп на самореализацию. А.Ю. Антоновский вводит дистинкцию «решение/поражение». В этом смысле, как отмечает ученый, «программа исследования того или иного протеста должна подвергнуть реконструкции реестр “нарушенных прав” в том виде, каким его видит протестующее лицо и коррелятивный этому список актов и прерогатив “другого”, нарушающего эти права» [Антоновский, 2018: 33]. Подобная позиция обнаруживает солидный потенциал позитивного исследования протестных движений под призмой социально-коммуникативной теории и поиска их уникальной коммуникативной системы. К слову, сама эпоха, в которой мы живем, активно педализует социальные образы жертвы как важнейшего маркера общественной и политической жизни. В подтверждение данных слов мы можем сослаться на мнения Д. Леви и Н. Шнайдера, характеризующих современность как «смену мемориальных паттернов» от образа Героя, который у каждого народа свой, до космополитического и вненационального образа Жертвы [Воронин, 2020: 380]. Победителем и доминирующим становится быть постыдно, сила упрекается, на пьедестал почета водружается слабый и поработенный. Похожую мысль мы можем встретить у Э. Содаро, который заявляет, что «коллективная идентичность многих групп основана на их виктимизации в прошлом», делающую таким образом виктимизацию «значимым политическим и социальным инструментом» [Sodaro, 2019: 91]. Триумф одерживает та самая «мораль чандалы», которую так едко высмеял Ф. Ницше еще в XIX веке: «Эта терпимость, *largeur* сердца, которая все “извиняет”, потому что все “понимает”, действует на нас, как сирокко» [Ницше, 1990: 633].

И.Е. Сапан
Протест и
масс-медиа
как разновид-
ности ком-
муникации:
проблема
смысловой
взаимосвязи

Differentia specifica протестной коммуникации в условиях цифровой эпохи

Как мы уже отметили выше, протест в своем качестве обусловлен историческими реалиями. Современное общество уникально в том смысле, что темы, которые способны создать очаги протестных волнений, могут быть различны и неочевидны (например, строительство завода или храма, экологические угрозы и т.д.). Наряду с этим, само время, в котором наше общество существует, многими авторами заслуженно характеризуется как «цифровая эпоха», что также накладывает свой отпечаток на различные социальные

интеракции. Две данные идеи — полиморфизм протестных тем и особенность нынешнего информационного общества — побуждают нас рассмотреть протест в его взаимодействии с масс-медиа как одним из ключевых «игроков» в интернет-пространстве.

Подчеркнем, что немаловажным фактом, который обсуждается в рамках современной протестной активности, стал феномен СМИ. В XXI веке это понятие охватывает не только прессу, радио или телевидение, средства массовой информации получили свое распространение также и в социальных медиа. Тема «протест и интернет» обнаруживает незаурядный интерес к себе со стороны академического и политического сообщества. Так, например, К.К. Мартынов заявляет, что «вопрос о том, как интернет влияет на динамику политических режимов и их смену, окружен целой серией мифов, страхов и надежд, которые в равной степени питают как сторонников использования сети в качестве авангарда революции, так и государственников, увидевших в сети вызов собственной монополии» [Мартынов, 2012: 20]. Исследователь не торопится утверждать, что современные социальные сети могут стать силой, при помощи которой мобилизуется протестный потенциал, способный привести к неким существенным революционным преобразованиям. Впрочем, К.К. Мартынов вместе с тем утверждает, что «рано ставить точку» на мире социальных сетей в этом смысле. Он уверен, что данные интернет-площадки, которые стали обеспечивать «обыденные практики», произвольно формируют некое новое социальное пространство, способное в долгосрочной перспективе принимать участие в политической трансформации общества. Тем не менее мы склоняемся к мнению о слабости социальных сетей как мобилизационном инструменте. Так, например, во время протестных событий в Республике Казахстан 5 января 2022 года был отключен интернет по всей стране. Это спровоцировало большее присутствие масс на улице, люди стали выстраиваться в очереди в банкоматы, а самые ожесточенные бои в республике выпали именно на момент «тотального офлайн». При этом, по мнению некоторых журналистов, отключение интернета и оторванность населения от доступа к сети не способствовали снижению массовой напряженности, а как раз наоборот, взвинтили и эскалировали ее. Впрочем, сам К.К. Мартынов, комментируя случай так называемой арабской весны, сам признает недостаточность мобилизационного потенциала социальных сетей: «Реальной причиной свержения Мубарака стали не социальные сети, о которых писали журналисты, но наличие в стране оппозиционных кланов, враждебных режиму, и специфики демографической ситуации» [Мартынов, 2012: 24].

Нередко можно обнаружить тот факт, что интернет-площадки в виде социальных медиа, которые предпринимают попытку аккумулировать протестные умонастроения и трансформировать их в нечто «существенное», например в митинг, добиваются порой обратных результатов. Мы усматриваем здесь как минимум три причины, благодаря которым подобная ситуация имеет место быть.

Первая причина заключается в том, что интернет предоставляет пользователю массу инструментов «быть незамеченным», анонимным (или, по крайней мере, казаться таким самому себе), чтобы безбоязненно выразить свое недовольство. В большинстве случаев заметки гневного содержания или «лайка» под протестной публикацией вполне достаточно, чтобы «отвести душу» или «выпустить пар», избегая при этом риска столкнуться с возможными санкциями со стороны правоохранительных органов за участие в реальной протестной акции. В этом смысле социальные медиа являются блоком для существенных протестных решений (ведь достаточно выразить недовольство виртуально), в то же время актуализируя естественное стремление человека сохранить себя в безопасности (действуя анонимно). Подобное явление в социальных сетях известно как «слактивизм» («диванный активизм», «диванная аналитика» и т.п.). Как отмечает К.К. Мартынов, «слактивизм просто имитирует участие [в протесте. — И.С.] и приносит моральное удовлетворение» [Мартынов, 2012: 24].

Вторая причина, благодаря которой мы видим в социальных сетях недостаточный потенциал формирования протеста, кроется в том, что ни масс-медиа, ни сам протест не берут на себя ответственность за решение проблем, которые они ставят на повестку дня [Blühdorn, 2007: 7]. Вместе с тем следует обратить внимание на тот факт, что сам Н. Луман не отказывает масс-медиа в важной роли в деле протеста. Социолог утверждает, что, во-первых, масс-медиа могут обеспечить телегеничность протеста, в котором он так нуждается, а во-вторых, помогают реализовать требуемые социальным движением темы и сценарии в общественном мнении [Луман, 2011: 280–282]. Невозможно протестовать против сложности, считает Н. Луман. Сложность ситуации, ее многофакторность и комплексность требуют анализа, что утомительно для большинства людей, и уж тем более нереально требовать рефлексии, когда люди сбиваются в толпы. Куда проще воспринимаются прямые, четкие и доступные темы, лозунги и имена виновных лиц. Кроме того, в большинстве случаев потенциальным членам протеста нужно внушить, что у них, например, невыносимые условия жизни, они угнетены, их права попораны и т.д. Данные социопсихологические установки должны быть выделены и

И.Е. Сапан
Протест и
масс-медиа
как разновид-
ности ком-
муникации:
проблема
смысловой
взаимосвязи

проинтерпретированы из хаотичного комплекса реальных фактов, затем они должны широко транслироваться и только потом усваиваться, принося требуемый протестной активности результат. Без масс-медиа обнаружить и внушить эти темы вряд ли представляется возможным. Однако трансляция протестных тематик не равняется факту их реального воплощения.

Мы наблюдаем также и третью причину в слабости социальных медиа в качестве серьезного механизма организации протеста. Отметим, что если две предыдущие носили сугубо внутренний, имплицитный характер, то данная причина характеризуется преимущественно ситуацией извне. Она обусловлена деятельностью правоохранительных органов, которые осуществляют разведку по открытым источникам (более известную как OSINT — open source intelligence). В силу этого социальные сети, да и масс-медиа в целом, представляются нам сомнительными инструментами для возбуждения протестных умонастроений. Мы настроены скептически рассматривать ту точку зрения, согласно которой различные виды протеста способны в силу своего тематического многообразия «мимикрировать» под другие формы гражданской активности, тем самым усыпляя «бдительность наблюдательных инстанций grand-систем» с перспективой «заместить “архаические” ценности их альтернативами» [Антоновский, 2018: 30]. Наблюдательные инстанции никогда не спят. Для этой «бессонницы» задействованы солидные объемы финансовых и аналитических мощностей государственного аппарата. Существуют специализированные инструменты, которые позволяют в круглосуточном режиме анализировать по релевантным запросам (в том числе и по темам протестной активности) огромное количество публикаций, ссылок, аудио- и видеоматериалов, осуществлять фильтрацию данных для общего пользования и даже делать прогнозы о вероятных акциях протеста, описывать «географию протестного климата». В этом смысле социальные медиа являются не столько виртуальной площадкой для организации протеста, сколько вещественным ресурсом для его упреждения и профилактики.

Помимо всего вышесказанного о протестной коммуникации, важно добавить еще одну важную мысль. Протест может быть представлен не только как «вирус», как мы позволили себе описать выше; в некоей диалектической иронии мы можем усмотреть в нем также признаки иммунной системы. Ведь дело все в том, что данный феномен, как выражается сам Н. Луман, представляет форму аутопойезиса (самовоспроизводства) современного общества, при помощи которого оно наблюдает за собой [Луман, 2011: 284]. Социум получает посредством подобного самонаблюдения особые достижения и продукты, смыслы и значения и, таким

образом, создает новую реальность, ведь, по мнению немецкого теоретика, сопротивление чему-то — это присущий современному обществу способ ее конструировать.

* * *

На основании всего вышеизложенного мы можем сделать вывод, что протест представляет собой уникальное явление в обществе — самовоспроизводящуюся систему с точки зрения системно-коммуникативной теории. Его уникальность кроется в том, что, во-первых, протест выделяется из большинства обыденных практик и социальных интеракций, представляя собой парадокс (общество против общества). Во-вторых, несмотря на свою противоречивость, неконструктивность и полиморфизм, он все же остается способом аутопоэзиса социума, обеспечивая тем самым его самореферентность и самовоспроизводство. В-третьих, будучи зависимым от функциональной системы масс-медиа в плане трансляции собственной тематизации и телегеничности, протест при этом не может опираться на масс-медиа (в частности, социальные медиа) как на могущественного союзника в деле мобилизации и радикализации масс.

Социально-коммуникативная теория по праву входит в список самых выдающихся учений в области социально-философской мысли. Данная концепция показывает нам оригинальные способы интерпретации множества различных явлений, будь то власть, религия, наука или даже любовь. Один из таких примеров — протест как форма социальной коммуникации, которому мы и посвятили данную статью. Мы можем с уверенностью заявить, что теория общества как совокупности коммуникативных систем поныне представляет собой неисчерпаемый кладезь смыслов, способный поставлять конструктивные и оригинальные точки зрения на самые разнообразные общественные процессы.

Protest and Mass Media as varieties of communication: the problem of semantic interconnection

Ilya E. Sapan

Postgraduate student at the Department of Social Philosophy and Philosophy of History, Faculty of Philosophy.

Lomonosov Moscow State University.

1 Leninskie Gory, Moscow 119991, Russian Federation.

ORCID: 0000-0002-8300-1679

isapan@mail.ru

И.Е. Сапан
Протест и
масс-медиа
как разновидности
коммуникации:
проблема
смысловой
взаимосвязи

- Golovin N.A. Ponyatie sotsial'nogo konflikta N. Lumana: k rasshireniyu issledovaniy kommunikativnogo polya [Luhmann's Notion of Social Conflict: Toward an Extension of Research on the Communicative Field]. *Kommunikatsii. Media. Dizayn* [Communications. Media. Design]. 2021. Vol. 6, N 1. P. 3–21.
- Гусейнов А.Ш. Феномен протестного поведения // Человек. Сообщество. Управление. 2012. № 2. С. 82–96.
- Guseynov A.Sh. Fenomen protestnogo povedeniya [The Phenomenon of Protest Behavior]. *Chelovek. Soobshchesvo. Upravlenie* [Human. Community. Management]. 2012. N 3. P. 82–96.
- Канетти Э. Масса и власть / пер. с нем. Л.Г. Ионина. М.: АСТ, 2015.
- Canetti E. *Massa i vlast'* [Crowds and Power], transl. by Germ. by L.G. Ionin. Moscow: AST Publ., 2015.
- Луман Н. Общество общества. Кн. 4: Дифференциация / пер. с нем. Б. Скуратов; Кн. 5: Самоописания / пер. с нем. А. Антоновский, Б. Скуратов, К. Тимофеева. М.: Логос, 2011.
- Luhmann N. *Obschestvo obschestva* [The Society of Society]. Кн. 4: Differentiation [Book 4: Differentiation], transl. from Germ. by B. Skuratov; Кн. 5: Samoopisaniya [Book 5: Self-Description]. transl. from Germ. by A. Antonovsky, B. Skuratov, K. Timofeeva. Moscow: Logos Publ., 2011.
- Мартынов К. К. От слактивизма к республике: почему интернет-революции становятся реальностью // Логос. 2012. № 2. С. 19–27.
- Martynov K.K. Ot slaktivizma k respublikе: pochemu internet-revol'yutsii stanovatsya real'nost'uy [From Slacktivism to the Republic: Why Internet Revolutions Become a Reality?]. *Logos*. 2012. N 2. P. 19–27.
- Ницше Ф. Сочинения в 2 т. / пер. с нем.; сост., ред. К.А. Свасьян. Т. 2. М.: Мысль, 1990.
- Nietzsche F. *Sochineniya v 2 t.* [Works in 2 vol.], transl. from Germ., compil., ed. by K.A. Svasyan. Vol. 2. Moscow: Mysl' Publ., 1990.
- Полякова В. Во всем Казахстане отключили интернет // РБК. 05.01.2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/politics/05/01/2022/61d588339a79473328027ff5> (дата обращения: 29.03.2022).
- Polyakova V. Vo vsyom Kasakhstane otklyuchili internet [All over Kazakhstan, the Internet has been shut down]. *RBK*. 05.01.2022 [Electronic resource]. URL: <https://www.rbc.ru/politics/05/01/2022/61d588339a79473328027ff5> (date of access: 29.03.2022).
- Blühdorn I. Self-description, Self-deception, Simulation: A Systems-theoretical Perspective on Contemporary Discourses of Radical Change. *Social Movement Studies*. 2007. Vol. 6, N 1. P. 1–20.
- Borch C. *Niklas Luhmann: In Defence of Modernity*. L., N.Y.: Routledge, 2011.
- Luhmann N. Systemtheorie und Protestbewegungen. Ein Interview. *Forschungsjournal Neue Soziale Bewegungen*. 1994. N 2. P. 53–69.
- Sodaro A. *Exhibiting Atrocity. Memorial Museums and the Politics of Past Violence*. NJ.: Rutgers University Press, 2018.

И.Е. Сапан
Протест и
масс-медиа
как разновид-
ности ком-
муникации:
проблема
смысловой
взаимосвязи

DOI: 10.31857/S023620070024833-3

©2023 В.А. ПРОХОДА

ОБРАЗОВАНИЕ КАК ФАКТОР ЖИЗНЕННОГО УСПЕХА В ПРЕДСТАВЛЕНИИ РОССИЯН



Прохода Владимир Анатольевич — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник кафедры философии образования философского факультета.

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова.

Российская Федерация, 119234 Москва, Ломоносовский просп., д. 27, корп. 4.

Доцент департамента социологии. Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации.

Российская Федерация, 125167 Москва, Ленинградский просп., д. 49/2.

ORCID: 0000-0001-7508-960X

prohoda@bk.ru

Аннотация. В статье, базирующейся на материалах опросов, проведенных в рамках «Международной программы социальных исследований», предпринята попытка выявить место образования в иерархии факторов жизненного успеха в оценках россиян. Автор констатирует, что в общественном сознании получение хорошего образования выступает одним из основных способов преуспеть в жизни, лишь немногим уступающим по важности упорному труду. При этом отмечается стереотипное восприятие образования как фактора успешности особенно его высоких уровней. Проведенный сравнительный анализ показал, что представления россиян о роли образования существенно не выделяются на общем фоне. Рассмотренная структура часто упоминаемых факторов характерна для большинства других государств. На основе многомерного анализа выявлены три модели (обобщенные группы) факторов жизненного

успеха. Детально рассмотрена модель «образование — труд», базирующаяся на собственных усилиях (получение хорошего образования, упорный труд) и образовании родителей. Отмечается, что в России сравнительно сильно выражена модель «связи — взятки», включающая способы достижения жизненного успеха, основанные на неформальных практиках взаимодействия. Показано, что оценка важности образования как условия достижения успеха в России, в отличие от других стран-участниц программы, не связана ни с субъективным статусом и самооценкой принадлежности к социальному слою, ни с такими составляющими интегративного социального статуса, как уровень образования и уровень доходов респондентов. Автором делается вывод о том, что образование в России не дает преференций в той степени, в которой они обеспечиваются в ряде других стран-участниц программы.

Ключевые слова: образование, высшее образование, жизненный успех, жизненные шансы, социальный капитал, экономический капитал, труд, статусная позиция.

Ссылка для цитирования: Прохода В.А. Образование как фактор жизненного успеха в представлении россиян // Человек. 2023. Т. 34, № 1. С. 112–129. DOI: 10.31857/S023620070024833-3

В.А. Прохода
Образование
как фактор
жизненного
успеха в пред-
ставлении
россиян

Жизненный успех — сложное многоаспектное явление, что предопределяет существование многочисленных подходов (философского, социологического, психологического и др.) к его рассмотрению. Общепризнано, что жизненный успех множественно детерминирован как социальной средой, так и способностями, задатками индивида [Келасьев, Первова, 2018], имеет субъективную и объективную составляющие [Галюк, 2014]. Успех возникает в контексте социального взаимодействия, его достижение невозможно без включения в социальную структуру и социального признания. Часто жизненный успех рассматривается через реализацию субъектом жизненных шансов, понимаемых как комплекс возможностей (экономических, культурных, социальных и т.д.), а также индивидуальных задатков личности [Дейнеко, 2012: 107].

В ряду факторов жизненного успеха особое внимание уделяется рассмотрению образования [Рожкова и др., 2021]. Постулируется, что оно способствует приращению интеллекта в качестве основания конструирования жизненного успеха [Дейнеко, 2012: 110]. Отмечается тесная связь между уровнем образования и успехом на рынке труда [Смелзер, 1994: 458]. Широко обсуждается вопрос о влиянии качества образования на шансы достижения жизненного успеха [Coleman et al., 1966; Jencks et al., 1979]. Тенденция повышения доступности образования, в том числе высокого уровня,

по мнению ряда исследователей, приводит к трансформации его роли, утрате им функции распределения социальных шансов [Бек, 2000].

Применительно к постсоветскому пространству констатируется, что образование в полной мере не приобрело должной статусораспределительной функции и обществу требуется пройти длинный путь к «полноценному признанию образования и квалификации как наиболее важных социально-статусных характеристик индивида и согласованию их с другими измерениями, прежде всего доходом и престижем» [Оксамитная, Бродская, 2004: 31].

Особый интерес вызывает выявление субъективных оценок роли образования. Материалы национальных опросов показывают, что в представлении россиян образование находится в числе далеко не самых важных атрибутов жизненного успеха, а на первый план выходят семья, дети [Успешные..., 2019]. Попутно отметим, что к числу сложностей эмпирического изучения жизненного успеха относится замещение его объективных критериев субъективной оценкой достижимости (счастье и др.), напрямую не связанной с проблемой реализации жизненных шансов. Признание семейного благополучия как основного критерия успеха может декорировать другие жизненные цели, связанные, например, с достатком или карьерой [Реутов, Реутова, Шавырина, 2020].

В настоящей публикации влияние образования на степень успешности будет рассматриваться сквозь призму специфики занимаемой индивидом статусной позиции в стратификационной иерархии общества применительно к субъективным оценкам и реально достигнутому образовательному уровню. Такие атрибутивные характеристики успеха, как наличие семьи, детей, надежных друзей, получение ярких жизненных впечатлений и др., находятся вне фокуса нашего рассмотрения, а их детальный анализ требует проведения дополнительных исследований.

Обратимся к материалам авторитетного проекта, позволяющего проводить анализ, в том числе динамический, как на национальном, так и на межстрановом уровне.

Материалы и методы. Статья базируется на вторичном анализе результатов опросов, проведенных в рамках «Международной программы социальных исследований» (International Social Survey Programme, ISSP) в 2019–2021 годах, а также предшествующих волн проекта¹.

¹ ISSP — международная программа сотрудничества, в рамках которой с 1984 года по единой методологии проводятся ежегодные социологические опросы. Тематические модули относятся к общественным наукам и повторяются

Для выявления представлений респондентов о факторах жизненного успеха опрошенным задавалась серия вопросов (см. таблицу) с возможностью выбора ответа по шкале: 1 — «совершенно не важно»; 2 — «не очень важно»; 3 — «довольно важно»; 4 — «очень важно»; 5 — «чрезвычайно важно»².

Таблица. Вопросы анкеты и результаты факторного анализа³

	Как вы считаете, насколько важно для того, чтобы преуспеть в жизни, ... (Вопрос Q1)	Факторные нагрузки
Фактор № 1 «Социально-демографические факторы»	<i>Национальность человека (Q 1H).</i>	0,82
	<i>Вероисповедание человека (Q 1I).</i>	0,85
	<i>Быть мужчиной или женщиной (Q 1J).</i>	0,83
Фактор № 2 «Знакомства — взятки»	<i>Происходить из богатой семьи (Q 1A).</i>	0,61
	<i>Иметь нужные знакомства (Q 1E).</i>	0,74
	<i>Иметь политические связи (Q 1F).</i>	0,81
	<i>Давать взятки (Q 1G).</i>	0,69
Фактор № 3 «Образование — труд»	<i>Иметь образованных родителей (Q 1B).</i>	0,62
	<i>Получить хорошее образование (Q 1C).</i>	0,82
	<i>Упорно трудиться (Q 1D).</i>	0,70

В процессе работы использованы: частотный анализ, ранговая корреляция Спирмена, t-критерий, однофакторный дисперсионный

примерно раз в 8–10 лет. Членами ISSP являются 43 страны. Тема исследования в 2019 году — «Социальное неравенство». В России опрос проведен АНО Левада-Центр (Аналитический центр Юрия Левады (внесен Минюстом в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента)). Метод сбора первичной социологической информации — личное интервью (face-to-face) по месту жительства респондентов в возрасте 18 лет и старше. Размер выборки составил 1597 респондентов. В каждой стране респонденты опрашивались по национальной репрезентативной случайной выборке. Подробнее с методологией и технической документацией исследования можно ознакомиться на сайте <https://issp.org/>. Анализируются данные по двадцати двум странам. Версия набора данных (13.12.2021): ZA7600 (v2.0.0). Для обеспечения сопоставимости результатов в разных странах использованы весовые коэффициенты.

² Для удобства восприятия шкала повернута.

³ Анализ методом главных компонент; извлечено три компоненты (фактора); метод вращения — Варимакс; мера выборочной адекватности Кайзера–Мейера–Олкина = 0,81; объясняемая дисперсия — 64,1 % (фактор № 1 — 37,5 %, фактор № 2 — 14,7 %; фактор № 3 — 11,9 %). Структура факторного решения идентична для национальных выборок.

В.А. Прохода
Образование
как фактор
жизненного
успеха в пред-
ставлении
россиян

СОЦИ- АЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ

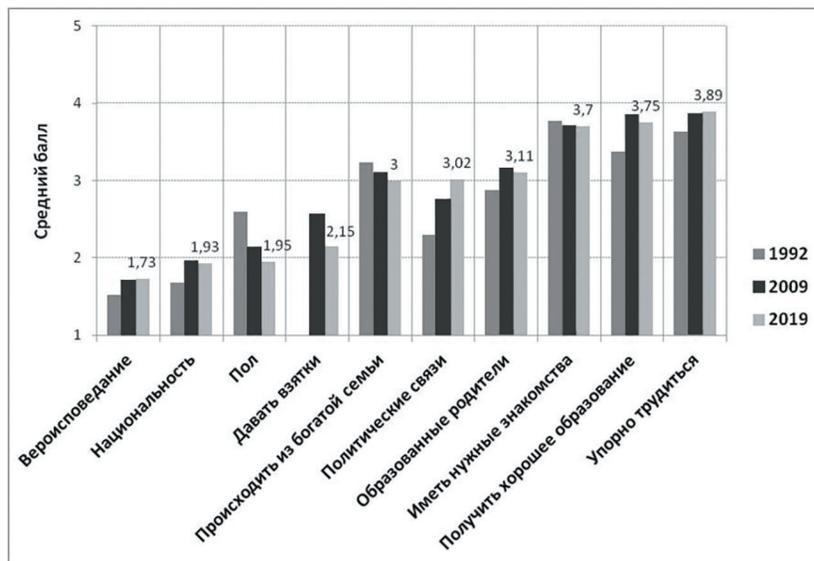


Рис. 1. Факторы жизненного успеха, средний балл (ранжирование в порядке возрастания в 2019 году)

анализ. Для выявления обобщенных групп (моделей) факторов жизненного успеха применялся факторный анализ.

Результаты и обсуждение. В сознании россиян получение хорошего образования выступает одним из главных способов преуспеть в жизни, занимая в импровизированном рейтинге важности второе место (средний балл — 3,75), и лишь немногим уступает упорному труду (рис. 1). В процентном исчислении две трети россиян (66,7 % = 24,5 % — чрезвычайно важно + 42,2 % — очень важно) твердо уверены в необходимости образования для успеха в жизни. Лишь немногим более пятой части респондентов (21,2 %) отмечает, что его наличие довольно важно. В то же время только 12,1 % (8,3 % — не очень важно + 3,8 % — совершенно не важно) опрошенных заявляют о несущественной роли образования для достижения жизненного успеха.

Получение образования по степени важности для россиян значимо не отличается от наличия нужных знакомств (средний балл — 3,7). В общественном сознании ключевая роль образования связана не только с усилиями самого респондента, но и с образованием родителей. По мнению опрошенных, для успеха важен как культурный, так и экономический капитал семьи. Существенно реже в числе важных факторов россияне упоминают противоправные практики и влияние социально-демографических характеристик.

Материалы ISSP позволяют получить не только единовременный срез общественного мнения, но и рассмотреть динамику рассматриваемых показателей. Получение хорошего образования регулярно входит в число трех наиболее важных факторов преуспевания в жизни. В целом можно констатировать некоторую устойчивость рассматриваемых результатов.

Минимальное значение важности образования фиксируется в 1992 году (средний балл – 3,37), когда в структуре факторов успеха оно уступало не только труду (3,63), но и наличию нужных знакомств (3,77), значимо не различаясь по важности с происхождением из богатой семьи (3,23). Такая динамика связана, прежде всего, с кардинальными социально-экономическими трансформациями российского общества в 90-х годах, обострением ранее существовавших проблем, что сопровождалось увеличением статусной неконсистентности, в том числе применительно к образовательному статусу и связанным с этим ограничением возможностям образования как канала социальной мобильности.

Максимум показателя достигает в 2009 году (средний балл — 3,85), значимо не отличаясь от упорного труда (3,86). Спустя десятилетие важность образования несколько снижается, при этом одновременно увеличивается важность политических связей. Обратим внимание на тенденцию постоянного увеличения последнего показателя с 2,3 балла в 1992 году до 3,02 балла в 2019 году. Очевидно, что доступ к политической власти и ее акторам все чаще рассматривается респондентами как эффективный канал достижения успеха в жизни.

Сравнение России с другими государствами (рис. 2) позволяет констатировать, что представления россиян существенно не выделяются на общем фоне как применительно к важности получения хорошего образования респондентом (ранг 10; ранжирование по возрастанию показателя), так и к уровню образования родителей (ранг 13), соседствуя в импровизированном рейтинге с Израилем и Литвой. Максимальных значений важность получения образования достигает на Филиппинах (ранг 22) и в Германии (ранг 21), а минимальных в Чехии (ранг 1), что отчасти позволяет судить о роли образования в этих странах.

Особый интерес представляет рассмотрение не только абсолютных значений показателей и их соотношения, но и структуры факторов жизненного успеха. Во всех странах, кроме Филиппин, Японии и Таиланда, в числе самых важных условий достижения успеха оказались упорный труд, получение образования и нужные

В.А. Прохода
Образование
как фактор
жизненного
успеха в пред-
ставлении
россиян

СОЦИ- АЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ

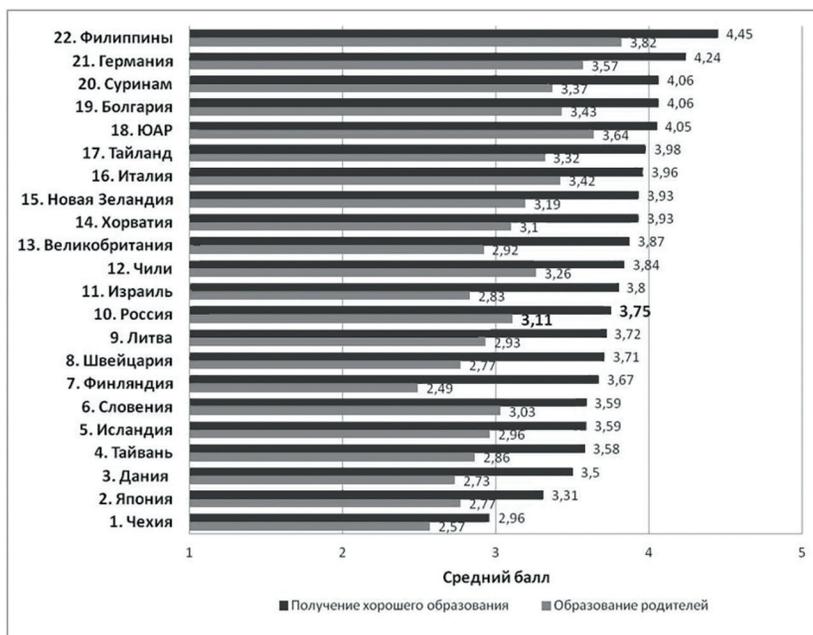


Рис. 2. Образование как фактор жизненного успеха в странах-участницах проекта ISSP, средний балл (ранжирование в порядке возрастания показателя «получение хорошего образования»)

знакомства⁴. При этом на национальном уровне встречаются разные комбинации в приоритете факторов. Например, в Германии получение образования (4,24) является главным условием достижения успеха, существенно опережая другие факторы, в том числе упорный труд (3,63) и нужные знакомства (3,68). В Словении наиболее важная роль отводится знакомствам (3,83) и только затем получению образования (3,59) и труду (3,58), а в Чехии достижение успеха респонденты связывают с упорным трудом (3,94), знакомствами (3,47) и, с существенным отрывом, с получением образования (2,96). Структура наиболее важных факторов, выявленная в России, характерна для большинства стран-участниц проекта (12 из 22 стран).

Проведенный факторный анализ позволил выявить три модели (укрупненные группы) факторов жизненного успеха (см. таблицу). Структура факторного решения воспроизводится на национальных выборках, что позволило объединить в анализе данные национальных опросов и обеспечило возможность межстранового

⁴ В трех упомянутых странах Азии вместо нужных знакомств в импровизированном рейтинге фигурирует образование родителей.

сравнения. Первая модель с условным названием «социально-демографические факторы» объединяет прирожденный статус (пол, национальность) и вероисповедание. В России по сравнению с другими участниками ISSP модель выражена сравнительно слабо. Иными словами, «социально-демографические факторы», по мнению россиян, не оказывают существенного влияния на достижение успеха в жизни. Последнее дает основания характеризовать ситуацию с дискриминацией по перечисленным характеристикам в нашей стране в целом как относительно благополучную. В ближайшем окружении России по рассматриваемому показателю оказались Финляндия, Дания, Тайвань, Новая Зеландия, Великобритания. Максимально же выражена первая модель у жителей Филиппин и Южно-Африканской Республики.

Вторая модель, именуемая «связи — взятки», включает в себя социальный и экономический капитал, а также социально неприемлемые противоправные практики, придающие ей негативную смысловую нагрузку. Результаты других исследований показывают, что связи в представлении большинства россиян «играют главную роль в подъеме по социальной лестнице», при этом отмечается, что значение социального капитала в России приобретает отрицательную коннотацию, когда наработанные социальные связи замещают или компенсируют образование и опыт [Россияне не верят..., 2014]. В научной литературе отмечается, что роль поддержки извне возрастает в условиях макроэкономической нестабильности, системного кризиса [Дейнеко, 2012: 108]. Это в целом подтверждается динамикой результатов исследования, представленных на рисунке 1. Так, в 1992 году наличие нужных знакомств отмечалось россиянами как самое важное условие успешности.

Наконец, последняя модель достижения успеха, названная «образование — труд», базируется на собственных усилиях (получение хорошего образования, упорный труд) и образовании родителей. Успех в таком случае зависит от трудолюбия, наличия высокой квалификации и культурного капитала семьи. Модель в наибольшей степени соответствует социально одобряемой формуле успеха. Выявленная факторная структура отчасти воспроизводится в более ранних исследованиях [Бедность, 2014: 137], что свидетельствует об ее устойчивости.

В контексте уточнения меритократических характеристик российского общества особый интерес представляет рассмотрение последних двух моделей. Позиционирование России и других стран-участниц проекта в зависимости от выраженности факторов «образование — труд» и «связи — взятки» представлено на рисунке 3. Можно констатировать, что при не выделяющемся на общем фоне среднем значении фактора «образование — труд»

В.А. Прохода
Образование
как фактор
жизненного
успеха в пред-
ставлении
россиян

ему видится роль образования. Полученные результаты воспроизводятся и применительно к общему количеству лет, затраченных респондентом на обучение в образовательных организациях, что повышает их надежность.

Интересно, что в России выявленная зависимость отсутствует. Похожая ситуация наблюдается только в Болгарии, Израиле и Хорватии. Проиллюстрируем в процентном выражении. Принципиально важным условием успеха образование считают 65,7 % россиян (23,8 % — чрезвычайно важно + 41,9 % — очень важно) без высшего образования и 69,4 % респондентов с высшим образованием (соответственно — 26,6 % + 42,8 %). Можно констатировать, что высокообразованные россияне оценивают роль образования так же, как и соотечественники с низким уровнем образования.

Успешность может пониматься респондентами по-разному, а критерии жизненного успеха могут быть весьма многочисленны [Темницкий, 2019]. При этом исследователи отмечают, что степень успешности людей выступает одним из индикаторов места человека в стратификационной иерархии, а представления о факторах жизненного успеха можно рассматривать как отражение объективных факторов стратификации в сознании населения [Тихонова, 2018: 13]. Зачастую успех отождествляется с социальным статусом [Галюк, 2014: 107; Седова, 2019: 512].

В таком контексте особый интерес представляет рассмотрение зависимости между самооценкой респондентами своего общественного положения и представлением о важности образования как факторе достижения жизненного успеха⁵. Отметим, что результаты других исследований свидетельствуют о тесной связи субъективного статуса с реальным местом человека в стратификационной иерархии [Тихонова, 2007; Тихонова, 2018]. В России, в отличие от ряда других стран (Великобритания, Германия, Финляндия, Япония и т.д.), статистически значимая корреляционная связь между рассматриваемыми показателями отсутствует. Иными словами, респонденты, констатирующие занятие высокого социального положения, оценивают роль образования так же, как и опрошенные, оценивающие свое положение как низкое.

Похожая ситуация складывается при выявлении роли образования в зависимости от субъективной оценки принадлежности к тому или иному социальному слою. Россияне, идентифицирующие себя

В.А. Прохода
Образование
как фактор
жизненного
успеха в пред-
ставлении
россиян

⁵ Самооценка общественного положения осуществлялась по шкале из десяти баллов — от 1 «низкое общественное положение» до 10 «высокое общественное положение».

СОЦИ- АЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ

с высшим слоем, оценивают роль образования (средний балл — 3,75) сопоставимо с респондентами, относящими себя к самому низшему слою (3,78). Одинаково оценивают важность образования рабочие (3,69) и представители верхней части среднего слоя (3,69). Это существенно отличается от результатов в ряде других стран-участниц проекта. Например, в Германии минимальный показатель (средний балл — 3,91) фиксируется у представителей самого низшего слоя, а максимальный (5) — у относящих себя к высшему слою.

В общественном сознании социальный статус во многом характеризуется материальным положением индивида. Социологические опросы показывают, что, характеризуя успешного человека, россияне чаще всего упоминают материальное благополучие и достаток [Успешные..., 2019]. Материалы исследования позволяют констатировать, что в России отсутствует статистически значимая корреляционная зависимость между самооценкой суммарного личного дохода из всех источников и оценкой важности получения образования для успеха в жизни. При этом в ряде других стран (Чехия, Швейцария, Великобритания, Германия и т.д.) фиксируется прямая корреляционная связь.

Можно констатировать, что оценка важности образования как условия достижения успеха в России, в отличие от других стран-участниц ISSP, не связана ни с субъективным статусом и самооценкой принадлежности к социальному слою, ни с такими составляющими интегративного социального статуса, как уровень образования и уровень доходов респондентов. Иными словами, респонденты, достигшие успеха как минимум в фокусе рассмотренных атрибутов, оценивают роль образования так же, как и «неуспешные». Возможны различные объяснения сложившейся ситуации. С одной стороны, образование в России может не давать предпочтений в той степени, в которой они обеспечиваются в ряде других государств.

Обратимся к анализу объективно существующих связей. Самооценка социального положения почти повсеместно связана с достигнутым уровнем образования. Высокообразованные респонденты чаще отмечают высокое общественное положение, и наоборот. Однако сила выявленной связи существенно варьируется. В России выявлена *самая слабая* ($r_s=0,11^{**}$) по сравнению с другими странами-участницами проекта зависимость⁶. Если сравнить, то в Финляндии аналогичный показатель составил $r_s=0,39^{**}$, в Швейцарии — $r_s=0,38^{**}$, в Словении — $r_s=0,38^{**}$,

⁶ Здесь и далее корреляция значима на уровне $p \leq 0,01$, что отмечено — **.

в Италии — $r_s=0,37^{**}$, в Болгарии — $r_s=0,35^{**}$. Сквозь призму самооценок становится очевидным, что образование в современной России в меньшей степени, чем в большинстве стран-участниц ISSP, способствует повышению социального статуса индивида. Все это может отражаться в установках части населения относительно важности образования для достижения успеха в жизни.

Сделанный вывод подтверждается и при рассмотрении зависимости между уровнем образования и самооценкой принадлежности к социальному слою. В России фиксируется корреляция между рассматриваемыми показателями ($r_s=0,24^{**}$), характеризуемая как слабая по сравнению с другими странами (Чехия — $r_s=0,56^{**}$; Италия — $r_s=0,46^{**}$; Болгария — $r_s=0,45^{**}$; Финляндия — $r_s=0,42^{**}$ и др.). Это как минимум свидетельствует об ограниченных возможностях образования как канала социальной мобильности в российском обществе.

В целом ситуация повторяется применительно к самооценке уровня дохода — повсеместно, чем образованнее респондент, тем больше его доход. Россия не является исключением, однако в нашей стране выявленную связь можно характеризовать как одну из самых слабых ($r_s=0,26^{**}$). Для сравнения: в Финляндии — $r_s=0,51^{**}$, в Словении — $r_s=0,48^{**}$, в Таиланде — $r_s=0,48^{**}$, в Германии — $r_s=0,43^{**}$, в Великобритании — $r_s=0,4^{**}$ и т.д. Очевидно, что в России уровень образования играет менее важную роль в социальной дифференциации общества по материальному признаку.

С другой стороны, имеет место стереотипное восприятие образования как фактора успешности, особенно его высоких уровней. От образования, прежде всего высокого уровня, россияне ожидают гарантии успешной карьеры, материального благополучия, трудоустройства на престижную работу. Однако, как свидетельствуют представленные материалы исследования, повседневность часто не соответствует таким ожиданиям.

Прослеживается значимая зависимость оценок важности получения образования с возрастом опрошенных. Для молодежи получение хорошего образования является менее важным фактором жизненного успеха (средний балл — 3,64), чем для представителей старших возрастов (3,81)⁷. Отметим, что в 2009 году статистически значимые различия в оценке роли образования отсутствовали. Наиболее пессимистичные оценки характерны для возрастной группы от 25 до 35 лет (средний балл — 3,59). Именно эта категория включает в себя респондентов, недавно завершивших

В.А. Прохода
Образование
как фактор
жизненного
успеха в пред-
ставлении
россиян

⁷ Под молодежью понимаются респонденты в возрасте от 18 до 35 лет.

получение формального образования высокого уровня, непосредственно столкнувшихся с реалиями современного рынка труда, в частности с проблемой трудоустройства по освоенной специальности.

Такие результаты отчасти согласуются с материалами других исследований [Реутов, Реутова, Шавырина, 2020: 66]. По данным многолетних наблюдений ВЦИОМ в возрастной группе от 25 до 34 лет фиксируется самый низкий процент согласных с тем, что высшее образование обеспечивает человеку успешную карьеру и облегчает достижение жизненных целей. При этом показатель, оставаясь сравнительно высоким, среди представителей старших возрастов существенно снизился в период с 2008 по 2018 год как в группе респондентов от 25 до 34 лет — с 74 до 50 %, так и среди россиян в возрасте от 18 до 24 лет — с 79 до 52 % [Высшее..., 2018].

Различия в результатах отчасти объясняются особенностями формулировки вопросов. В формулировке ISSP акцентируется внимание на получении именно *хорошего* образования без упоминания его отдельных уровней. Россияне четко осознают, что далеко не всякое образование даже высокого уровня является хорошим [О качестве..., 2020; Образование..., 2021], соответственно образование без упоминания о высоком качестве обесценивается в глазах россиян.

Молодежь наиболее болезненно ощущает связанную с образованием статусную неконсистентность. По данным опроса ФОМ, проведенного в 2020 году, среди россиян в возрасте от 18 до 30 лет 43 % согласны с тем, что высшее образование люди получают по инерции, потому что так принято [О качестве..., 2020]. Отчасти таким ответом респонденты констатируют отсутствие предпочтений, обеспечиваемых высоким уровнем образования. Все это свидетельствует о существенных трансформациях отношения молодежи к высшему образованию.

Результаты исследования позволяют сформулировать следующие выводы.

Получение хорошего образования осознается россиянами как один из основных способов достижения успеха в жизни. В иерархии важности факторов жизненного успеха образование лишь немногим уступает упорному труду и значимо не отличается от наличия нужных связей. В общественном сознании важная роль образования связана не только с усилиями самого респондента, но и с культурным капиталом семьи.

Получение хорошего образования регулярно входит в число трех наиболее важных для россиян факторов преуспевания в жизни. С 1992 года фиксируется некоторое увеличение важности

образования как фактора успеха применительно к получению образования респондентом и влиянию образования родителей. В целом можно констатировать определенную устойчивость полученных результатов.

Представления россиян существенно не выделяются на общем фоне как применительно к важности получения хорошего образования респондентом, так и к важности уровня образования родителей. Структура наиболее важных факторов, выявленная в России, характерна для большинства стран-участниц проекта.

В общественном сознании представлены следующие обобщенные группы факторов жизненного успеха: «социально-демографические факторы» — объединяет прирожденный статус (пол, национальность) и вероисповедание; «связи — взятки» — включает в себя социальный и экономический капитал, а также социально неприемлемые противоправные практики; «образование — труд» — базируется на собственных усилиях (получение хорошего образования, упорный труд) и образовании родителей. По сравнению с большинством стран-участниц ISSP в России повышена значимость способов достижения жизненного успеха, основанных на неформальных практиках взаимодействия (модель «связи — взятки»), что может быть связано с условиями, когда образование и труд не обеспечивают существенных преференций.

Оценка важности образования как условия достижения успеха в России, в отличие от других стран-участниц ISSP, не связана ни с субъективным статусом и самооценкой принадлежности к социальному слою, ни с такими составляющими интегративного социального статуса, как уровень образования и уровень доходов респондентов. Имеет место стереотипное восприятие образования как фактора успешности.

Образование в современной России не дает преференций в той степени, в которой они обеспечиваются в ряде других государств. Среди россиян фиксируется слабая связь между достигнутым уровнем образования и самооценкой принадлежности к социальному слою. Уровень образования играет существенно менее важную роль в дифференциации общества по материальному признаку. Выявлена самая слабая корреляция образования с самооценкой социального положения.

Прослеживается значимая зависимость оценок важности получения образования с возрастом опрошенных. Для молодежи получение хорошего образования менее важно для достижения успеха в жизни, чем для представителей старших возрастов.

В.А. Прохода
Образование
как фактор
жизненного
успеха в пред-
ставлении
россиян

Education as a factor of life success in the representation of Russians

Vladimir A. Prokhoda

PhD in Sociological Sciences, Senior Research Fellow of the Department of Philosophy of Education, Faculty of Philosophy.

Lomonosov Moscow State University.

27, build. 4, Lomonosovsky Ave., Moscow 119234, Russian Federation.

Assistant Professor of Department of Sociology.

Financial University under the Government of the Russian Federation.

49/2 Leningradsky Prospekt, Moscow 125167, Russian Federation.

ORCID: 0000-0001-7508-960X

prohoda@bk.ru

Abstract. In the article, based on the materials of surveys conducted within the framework of the International Program for Social Research, an attempt was made to identify the place of education in the hierarchy of life success factors in the assessments of Russians. The author states that in the public mind, getting a good education is one of the main ways to succeed in life, only slightly inferior in importance to hard work. At the same time, there is a stereotypical perception of education as a success factor, especially its high levels. The conducted comparative analysis showed that Russians' ideas about the role of education do not significantly stand out against the general background. The considered structure of frequently mentioned factors is typical for most other states. Three models (generalized groups) based on multivariate analysis of life success factors were identified. The model "education-work", based on one's own efforts (getting a good education, hard work) and the education of parents, is considered in detail. It is noted that in Russia the model of "connection-bribes" is relatively strongly expressed, including ways to achieve success in life, based on informal practices of interaction. It is shown that the assessment of the importance of education as a condition for achieving success in Russia, unlike other countries participating in the program, is not associated either with the subjective status and self-assessment of belonging to a social stratum, or with such components of an integrative social status as the level of education and income level of the respondents. The author concludes that education in Russia does not provide preferences to the extent that they are provided in a number of other countries participating in the program.

Keywords: education, higher education, life success, life chances, social capital, economic capital, labor, status position.

For citation: Prokhoda V.A. Education as a factor of life success in the representation of Russians // *Chelovek*. 2023. Vol. 34, N 1. P. 112-129. DOI: 10.31857/S023620070024833-3

Литература/References

Бедность и бедные в современной России / под ред. Горшкова М.К., Тихоновой Н.Е. М.: Весь Мир, 2014.

Bednost' i bednye v sovremennoj Rossii [Poverty and the poor in modern Russia], ed. by M.K. Gorshkov, N.E. Tikhonova. Moscow: Ves' mir Publ., 2014.

Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / пер. с нем. В. Седелника, Н. Федоровой. М.: Прогресс-Традиция, 2000.

Bek U. *Obshchestvo riska. Na puti k drugomu modern* [Risk society: Towards a New Modernity], transl. from Germ. by V. Sedelnik, N. Fedorova. Moscow: Progress-Tradicija Publ., 2000.

Высшее образование: путь к успеху или лишняя трата времени и денег? // Аналитический обзор ВЦИОМ. 01.08. 2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vysshee-obrazovanie-put-k-uspekhu-ili-lishnyaya-trata-vremeni-i-deneg> (дата обращения: 18.05.2022).

Vysshee obrazovanie: put' k uspekhu ili lishnyaya trata vremeni i deneg: Analiticheskij obzor [Higher education: a path to success or a waste of time and money: Analytical Review]. *VCIOM*. 01.08.2018 [Electronic resource]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vysshee-obrazovanie-put-k-uspekhu-ili-lishnyaya-trata-vremeni-i-deneg> (date of access: 18.05.2022).

Галюк А.Д. Культурная обусловленность стремления человека к жизненному успеху // Дискуссия. 2014. № 8. С. 104–108.

Galyuk A.D. Kul'turnaya obuslovlennost' stremleniya cheloveka k zhiznennomu uspekhu [Cultural conditionality of human's desire for life success]. *Diskussiya*. 2014. N 8. P. 104–108.

Дейнеко А.А. Факторы жизненного успеха и жизненные шансы в оценках студенчества // Студенчество начала XXI века: ценностные ориентации и повседневные практики. Екатеринбург: УрФУ, 2012. С. 106–112.

Deineko A.A. Faktory zhiznennogo uspekha i zhiznennyye shansy v ocnakah studenchestva [Factors of success in life and life chances in student assessments]. *Studenchestvo nachala XXI veka: cennostnye orientacii i povsednevnye praktiki* [Students of the beginning of the XXI century: value orientations and everyday practices]. Ekaterinburg: UrFU Publ., 2012. P. 106–112.

Келасьев В.Н., Первова И.Л. Успех в жизни: личное и общественное // Ученые записки Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы. 2018. № 1. С. 137–142.

Kelas'ev V.N., Pervova I.L. Uspek v zhizni: lichnoe i obshchestvennoe [Success in life: personal and public]. *Uchyonye zapiski Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta psihologii i social'noj raboty* [Scientific notes of the St. Petersburg State Institute of Psychology and Social Work]. 2018. N 1. P. 137–142.

Образование в России: востребованность, доступность, качество // Аналитический обзор ВЦИОМ. 28.01.2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/obrazovanie-v-rossii-vostrebovannost-dostupnost-kachestvo> (дата обращения: 22.06.2022).

Obrazovanie v Rossii: vostrebovannost', dostupnost', kachestvo Analiticheskij obzor [Education in Russia: demand, accessibility, quality Analytical Review]. *VCIOM*. 28.01.2021 [Electronic resource]. URL: <https://wciom.ru/>

В.А. Прохода
Образование
как фактор
жизненного
успеха в пред-
ставлении
россиян

- analytical-reviews/analiticheskii-obzor/obrazovanie-v-rossii-vostrebovannost-dostupnost-kachestvo (date of access: 22.06.2022).
- О качестве российского высшего образования // Фонд Общественное Мнение. 13.08.2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://fom.ru/Nauka-i-obrazovanie/14436> (дата обращения: 17.06.2022).
- O kachestve rossijskogo vysshogo obrazovaniya [On the quality of Russian higher education]. *Fond Obshchestvennoe Mnenie*. 13.08.2020 [Electronic resource]. URL: <https://fom.ru/Nauka-i-obrazovanie/14436> (date of access: 17.06.2022).
- Оксамитная С.Н., Бродская С. Социальный класс как фактор дифференциации жизненных шансов // Социология: теория, методы, маркетинг. 2004. № 4. С. 24–42.
- Oksamitnaya S.N., Brodskaya S. Social'nyj klass kak faktor differenciacii zhiznennyh shansov [Social class as a factor in differentiating life chances]. *Sociologiya: teoriya, metody, marketing* [Sociology: theory, methods, marketing]. 2004. N 4. P. 24–42.
- Реутов Е.В., Реутова М.Н., Шавырина И.В. Жизненный успех и шансы на его достижение в представлениях жителей российской провинции // Социологические исследования. 2020. № 6. С. 61–71.
- Reutov E.V., Reutova M.N., Shavyrina I.V. Zhiznennyj uspekhn i shansy na ego dostizhenie v predstavleniyah zhitelej rossijskoj provincii [Life success and chances for its achievement in the representations of the russian province inhabitants]. *Sociologicheskie issledovaniya*. 2020. N 6. P. 61–71.
- Рожкова Л.В., Тугускина Г.Н., Супиков В.Н., Сеидов Ш.Г. Образование как фактор жизненного и профессионального успеха россиян // Социодинамика. 2021. № 10. С. 9–26.
- Rozhkova L.V., Tuguskina G.N., Supikov V.N., Seidov Sh.G. Obrazovanie kak faktor zhiznennogo i professional'nogo uspekha rossiyan [Education as a factor in the life and professional success of Russians]. *Sociodinamika*. 2021. № 10. С. 9–26.
- Россияне не верят в успех без связей // Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Научно-образовательный портал IQ. 30.05.2014 [Электронный ресурс]. URL: <https://iq.hse.ru/news/177667406.html> (дата обращения: 07.06.2022).
- Rossiyane ne veryat v uspekhn bez svyazej [Russians do not believe in success without connections]. *Nacional'nyj issledovatel'skij universitet «Vysshaya shkola ekonomiki»*. *Nauchno-obrazovatel'nyj portal IQ* [National Research University “Higher School of Economics”. Scientific and educational portal IQ]. 30.05.2014 [Electronic resource]. URL: <https://iq.hse.ru/news/177667406.html> (date of access: 07.06.2022).
- Седова Н.Н. Жизненный успех молодежи — от Москвы до самых до окраин // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 6. С. 505–529.
- Sedova N.N. Zhiznennyj uspekhn molodezhi — ot Moskvy do samykh do okrain [Youth's life success: from Moscow to the outskirts]. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes* [Public opinion monitoring: Economic and social changes]. 2019. N 6. P. 505–529.
- Смелзер Н. Социология / пер. с англ. М.: Феникс, 1994.

Smelzer N. *Sociologiya* [Sociology], transl. from Engl. Moscow: Feniks Publ., 1994.

Темницкий А.Л. Роль сбалансированности работы и семьи в достижении жизненного успеха у наемных работников России // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 3. С. 306–323.

Temnitsky A.L. Rol' sbalansirovannosti raboty i sem'i v dostizhenii zhiznennogo uspekha u naemnyh rabotnikov Rossii [Role of work-life balance in achieving life success for the hired workers in Russia]. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes* [Public opinion monitoring: Economic and social changes]. 2019. N 3. P. 306–323.

Тихонова Н.Е. Социальная стратификация в современной России: опыт эмпирического анализа. М.: Институт социологии РАН, 2007.

Tihonova N.E. *Social'naya stratifikaciya v sovremennoj Rossii: opyt empiricheskogo analiza* [Social stratification in modern Russia: the experience of empirical analysis]. Moscow: IS RAS Publ., 2007.

Тихонова Н.Е. Факторы жизненного успеха и социального статуса в сознании россиян // Вестник института социологии. 2018. № 4. С. 11–43.

Tihonova N.E. Faktory zhiznennogo uspekha i social'nogo statusa v soznanii rossiyan [Life Success and Social Status Factors in the Minds of Russian]. *Bulletin of the Institute of Sociology*. 2018. N 4. P. 11–43.

Успешные люди // Фонд Общественное Мнение. 22.01.2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://fom.ru/TSennosti/14160> (дата обращения: 18.05.2022).

Uspeshnye lyudi [Successful people]. *Fond Obshchestvennoe Mnenie*. 22.01.2019 [Electronic resource]. URL: <https://fom.ru/TSennosti/14160> (date of access: 18.05.2022).

Coleman J.S. et al. *Equality of Educational Opportunity*. Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office, 1966.

Corruption perceptions index 2019. *Transparency International* [Electronic resource]. URL: <https://www.transparency.org/cpi/2019> (date of access: 27.06.2022).

Jencks C. et al. *Who gets ahead? The Determinants of Economic Success in America*. New York: Basic Books, 1979.

В.А. Прохода
Образование
как фактор
жизненного
успеха в пред-
ставлении
россиян

СИМВОЛЫ. ЦЕННОСТИ. ИДЕАЛЫ

DOI: 10.31857/S023620070024834-4

©2023 А.В. МАЛИНОВ

В.И. ЛАМАНСКИЙ: ЦИВИЛИЗАЦИИ И ВОЙНА ЯЗЫКОВ



Малинов Алексей Валерьевич — доктор философских наук, профессор. Санкт-Петербургский государственный университет. Российская Федерация, 199034 Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7/9. a.v.malinov@gmail.com ORCID 0000-0002-1252-9193

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы языка и войны в цивилизационной концепции слависта академика В.И. Ламанского (1833–1914). На основе архивных документов прослеживается отношение Ламанского к Крымской войне и Русско-турецкой войне 1877–1879 годов. Приводятся его оценки военно-политических событий. Отмечается, что политико-географическое учение Ламанского, сформулированное в трактате «Три мира Азийско-Европейского материка» (1892) и в более ранних работах, было развитием славянофильских идей и включало положения, впоследствии развитые евразийцами. Указывается, что он давал не только географическое, но и лингвистическое определение цивилизациям, в частности, полагал, что цивилизационные миры скрепляются общим языком (всемирно-историческим языком). Согласно концепции Ламанского, сформулировавшего учение о языковой гегемонии, на смену противостоянию, в том числе военному, народов и государств приходит конкуренция всемирно-исторических языков. В Европе,

полагал он, между собой ведут борьбу три романских (французский, итальянский и испанский) и два германских (английский и немецкий) языка. Из них только испанский и английский языки благодаря обширным колониям Великобритании и бывшим колониям Испании смогут сохранить всемирно-историческое значение. Со временем, предполагал он, даже бывшие колонии Испании в Южной Америке могут перейти под власть англосаксов, а центр западного мира сместится в Новый Свет. В среднем мире, или греко-славянском мире, у русского языка нет конкурентов, поэтому он должен стать общим литературным, научным и дипломатическим языком, объединяющим народы Среднего мира в цивилизационное единство. Язык выступает главной геополитической силой, посредством которой сначала формируется культурное, а в перспективе и политическое единство. Исходя из философско-исторического анализа противоречий между романо-германским и греко-славянскими мирами, Ламанский приходил к выводу о неизбежности грядущей мировой войны.

Ключевые слова: цивилизация, политическая география, язык, Ламанский, греко-славянский мир, Европа, война.

Ссылка для цитирования: Малинов А.В. В.И. Ламанский: цивилизации и война языков // Человек. 2023. Т. 34, № 1. С. 130–148. DOI: 10.31857/S023620070024834-4

А.В. Малинов
В.И. Ламанский: цивилизации и война языков

Крупнейший отечественный славист Владимир Иванович Ламанский (1833–1914) вошел в историю науки как создатель «исторической школы» [Лаптева, 2005: 378–431; Лаптева, 2014]. Действительно, благодаря его многолетнему преподаванию в Санкт-Петербургском университете (1865–1899) и деятельности учеников, занимавших большинство славяноведческих кафедр в российских университетах, история славянских народов отделилась от славянской филологии и стала восприниматься в качестве самостоятельной научной дисциплины. По инициативе Ламанского в 1902 году в Санкт-Петербургском университете для преподавания истории славян была открыта ставка приват-доцента, которую занял один из его учеников Н.В. Ястребов. Однако в последнее время внимание исследователей все больше привлекает геополитическое учение Ламанского, в котором справедливо видят одного из предшественников евразийства. Сам ученый считал себя в большей степени историком и политическим мыслителем, чем филологом. Полнее всего его политико-географическое учение было выражено в позднем трактате «Три мира Азийско-Европейского материка» (1892), который В.П. Семенов-Тянь-Шанский охарактеризовал как «высший антропо-географический и политико-географический синтез» [Семенов-Тянь-Шанский,

■■■■■■■■■■
 СИМВОЛЫ.
 ЦЕННОСТИ.
 ИДЕАЛЫ
 ■■■■■■■■■■



В.И. Ламанский

1915: 12]. Он следующим образом резюмировал итог этой книги: «Известное строение континента и условия морских берегов и климата производят соответствующие первоначальные группировки на нем человечества; эти группировки развивают оригинальные цивилизации; цивилизации, наслаиваясь на известных территориях, создают три крупных типа — мира; миры, географически смежные друг с другом, входят во взаимные столкновения; происходит борьба, результатом которой являются новые политические территориальные группировки, новые соотношения» [Семенов-Тянь-Шанский, 1915: 14]. В этом же произведении Ламанский предсказывал ход будущей мировой войны. По словам В.П. Семенова-Тянь-Шанского, это было «верное, глубокое пророчество на полвека вперед, сделанное на основании широких

антропо-географических обобщений и сопоставлений» [Семенов-Тянь-Шанский, 1915: 14]. При жизни книга Ламанского прошла почти незамеченной. Говорить о ее влиянии на современников не приходится, тем более сложно заподозрить воздействие идей Ламанского на европейскую науку и философию, хотя бы в том варианте, который допускают для концепций близких Ламанскому Н.Я. Данилевского и К.Н. Леонтьева [Тяпин, 2019]. О ней вспомнили в Первую мировую войну (Ламанский, умерший в ноябре 1914 года, застал ее начало). В 1916 году один из учеников Ламанского Г.М. Князев инициировал ее переиздание, в предисловии к которому отмечал, что лекции Ламанского 1876–1877 годов о восточном вопросе были «почти дословно сходны» с текстом «Трех миров Азийско-Европейского материка» [Князев, 1916: XIV].

Предсказание Ламанским мировой войны не было пророчеством в прямом смысле слова, напротив, оно вытекало из того цивилизационного учения, которое он разрабатывал на протяжении практически всей своей жизни. Многие положения, вошедшие в книгу Ламанского, были сформулированы еще 1860-е годы. Более того, в своем учении он опирался не только на анализ политико-географических особенностей цивилизационных миров, но и на их языковые предпочтения. Можно сказать, что языковые основания цивилизаций были для Ламанского возможно даже более существенны, чем географические условия, в которых формировались культуры. Это обстоятельство, как правило, упускают те, кто пишет о геополитических взглядах Ламанского. Между тем главное в концепции русского мыслителя — это учение о языке как геополитической силе, а не только географическое определение цивилизационных миров.

Долгий жизненный путь дал возможность Ламанскому стать свидетелем нескольких крупных военных конфликтов: Крымская война, Русско-турецкая война 1877–1879 годов, Русско-японская война, Первая мировая война. Впрочем, старческие недуги уже не позволили ему оценить масштаб и значение начинающейся мировой войны. В течение десяти лет, с 1890 по 1900 год, он преподавал в Николаевской академии генерального штаба. При этом Ламанский оставался гражданским человеком. Основным местом службы для него был университет, а с 1900 года — Академия наук. В предисловии к переизданию «Трех миров Азийско-Европейского материка» Г.М. Князев писал, что Ламанский был «чужд всякой племенной или национальной исключительности, надменности или ненависти и злобы, тем более каких-либо воинственных видов и замыслов» [Князев, 1916: X]. Однако не все современники были согласны с такой характеристикой. Приведу еще одно

А.В. Малинов
В.И. Ламанский: цивилизация и война
языков

■■■■■■■■■■■■■■■■■■
**СИМВОЛЫ.
 ЦЕННОСТИ.
 ИДЕАЛЫ**
 ■■■■■■■■■■■■■■■■■■

мнение: «*Ламанский* — политикан, немного бисмаркист. <...> Сам он не любит Славян. Все это ужасная сволочь, дурачье — вот его подлинные слова. Как можно работать на славянскую идею, если иметь такое мнение о ее представителях. Он очень любит рассказывать на ухо тому другому, что говорил сегодня Игнатъев, как думают в таких-то и таких-то сферах. Науке своей он предан. Не верит в конституцию. Держится строго тайного догмата: “самодержавие, православие, народность”. Но к народности у него нет никаких слащавых симпатий. Он любит русский народ скорее головою, чем сердцем. Удивляется его политическому смыслу, его молодечеству. <...> Сентиментализма, мистицизма нет и следа. Скорее — ехидство, насмешка и спокойный трезвый взгляд. <...> Он все-таки страдает по России. Теперь он предлагает войну с Германией, чтобы отвлечь Россию от социализма. Средство, действительно, героическое, но и опасное» [де Волан, 1914: 153]. Конечно, памфлету Г. де Волана нельзя полностью доверять, но он отмечает ряд реалистических черт в мировоззрении Ламанского, которые не позволяют однозначно отнести его к последователям политического панславизма. Критическое отношение Ламанского к славянам было следствием близкого знакомства со славянской интеллигенцией и реальной ситуацией в землях южных и западных славян. Отсюда жесткие выпады Ламанского против панславизма, приведшие в конце 1880-х годов к конфликту с большинством членов Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества [Медоваров, Снежницкая, 2019] (Ламанский стоял у истоков этого общества и одно время был его председателем). Надо заметить, что Первая мировая война также подтвердила верность оценок ученого, окончательно похоронив панславистские иллюзии. Современные исследователи подтверждают эти наблюдения. Так, по мнению М.А. Робинсона, Ламанский «придерживался в целом консервативных воззрений, но при этом позволял себе довольно резкую критику как внешней политики России, так и, в особенности, ее внутренних порядков и никогда не страдал политическим панславизмом и тем более панрусизмом» [Робинсон, 2004: 303]. О.В. Саприкина полагает, что взгляды Ламанского не имеют ничего общего с имперским панславизмом. Напротив, русский историк был сторонником идеи «постепенного распространения “нравственного” влияния России» [Саприкина, 2004: 21].

Рассматривая вопрос об отношении Ламанского к войне, надо различать, с одной стороны, его личное восприятие и оценку конкретных военно-политических событий и, с другой стороны, значение войны в его цивилизационном учении. В первом случае, действительно, можно встретить воинственные заявления ученого, в то время как в своем учении он выступал явным сторонником

мирного разрешения конфликтов. Первые оценки Ламанским военных действий относятся к периоду Крымской войны, то есть фактически совпадают с годами формирования его мировоззрения. Дневники двадцатилетнего студента отчасти приоткрывают его взгляды той поры.

В них он не дает описаний самих событий, а только формулирует свое восприятие их и оценку. При этом надо помнить, что Ламанский считал себя последователем славянофилов, а формирование его взглядов как раз пришлось на студенческую пору, поэтому в дневниковых записях хорошо просматривается эта славянофильская аксиоматика. Славянофильский тезис о безгосударственности русского народа означал приоритет истории народа и его культуры над историей государства, внутреннего развития над изменениями внешних форм жизни, духовных преобразований над политическими. 29 июня 1853 года Ламанский рассуждал в дневнике о необходимости сторониться внешних конфликтов и заботиться о внутреннем развитии народа: его образовании, торговле, местной администрации. Для этого требуется как освободить крестьян от крепостного рабства, так и предоставить народу полную свободу слова. От начавшейся войны он ожидал в первую очередь пробуждения русского общества и разрешения славянского вопроса в Европе. Он еще был полон надежд на успешный для России ход военных действий: «...мы не можем оставить их в Черном море, дозволить им бесчинствовать в Балтийском море, русские должны побывать в Темзе и отплатить англичанам все их мерзости и нанести им тяжкий удар в Индии» [СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 3. Ед. хр. 2: 4 об.]. Для этого, замечает молодой человек, нужен генерал, подобный А.В. Суворову. Однако военные неудачи вскоре не оставили от оптимизма и следа. Уже 11 сентября 1853 года он записал в дневнике: «Неужели уж все мы славяне такое племя негодное для политического могущества? Неужели кара Божья постигнет нас за гордость Николая, за все его ошибки и черные дела? <...> Запад должен был пасть, а не мы. Не то еще бывало с Русью, а выходила же каждый раз с новыми силами. Николай опомнится, возьмется за ум (хоть и сильно поздно) и пойдет наперекор многим своим мечтам. Еще не умрет он, а убедится, что неограниченное правление — нелепость, противная разуму, нашей вере, нашей истории, что она может совершенно погубить Россию; он поймет, что дружба с Австриею, истекающая из того же начала, нам пагубна. Ему ясно представится, что торжество нашего дела принадлежит народному духу, народным силам, а не той пакостной форме, которая Европе кажется главным нашим отличием, которая, продлившись еще дольше, многое могла бы если не истребить, то развить» [СПбФ АРАН. Ф. 35.

А.В. Малинов
В.И. Ламанский: цивилизация и война
языков

■■■■■■■■■■■■■■■
**СИМВОЛЫ.
 ЦЕННОСТИ.
 ИДЕАЛЫ**
 ■■■■■■■■■■■■■■■

Оп. 3. Ед. хр. 2: 22 об.]. Из цитаты видно, что Ламанский готов считать военные поражения следствием не столько ошибок правительства и военного руководства, сколько качеств личности (гордыней) правителя и отказом от народных начал в жизни, в том числе политической. Самодержавие, отстранившееся от народа и замкнувшееся в историческом самодовольстве и казенно-бюрократическом самолюбовании, оказывается неспособным опереться на народные силы, а без народа и само становится бессильным в противостоянии внешним врагам. Возможность победы он по-прежнему видит во внутреннем преодолении тех грехов, которыми поражена политическая система империи; он понимает, что при нынешнем положении дел Россия не заслуживает победы, как и ее правители. «Но во всяком случае, — замечает Ламанский, — дерзко и бессмысленно желать нам огромного успеха и победы теперь, т.е. победы решительной. Надо купить ее долгими страданиями, поражениями и спокойствием духа, полного упования и надежды на конечное торжество нашего дела. Запад еще слишком силен, чувствует слишком хорошо, что эта борьба на жизнь или смерть. Тяжелыми опытами, трудами вековыми приобрел он то, что теперь имеет. Он не легко свое отдаст. С другой стороны, и цель наша слишком далека, и последствия победы слишком громадны, слишком велики для России, чтобы она могла достичь ее, эту цель, в несколько месяцев. Надо, чтобы славяне соединились все вместе, стали бы за одного человека» [СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 3. Ед. хр. 2: 22 об.]. Только преодоление внутренних неправд, возвращение к народным основам жизни и решение славянского вопроса приведет к тому, что Россия «займет место Запада», а славяне станут «вождями человечества».

В записях Ламанского звучат характерные в том числе для славянофилов провиденциальные мотивы. В военных неудачах он готов видеть проявление промысла Божия и наказание за грехи страны и народа. Он не воспроизводит непосредственно средневековое учение о казнях Божиих, а лишь полагает, что высшая цель Крымской войны — вызвать покаяние русского общества в совершенных мерзостях, раскаяться в грехах крепостного права и национального превосходства и тем самым пробудить русский народ к новому служению, дать ему новые силы. 28 сентября 1853 года он пишет в своем дневнике: «Будет, что будет... Вот торжественная минута для России! Понимает ли она ее! Не слишком ли мы окунулись в грязь рабства? Достойны ли мы победы, но, с другой стороны, заслужил ли ее и Запад и неужели Николаевский кулак мог так унижить, так уронить нашу матушку Россию? Неужели победа русских над Западом не может совпасть с падением деспотизма и всех зол?» [СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 3.

Ед. хр. 2: 24]. Рассуждения Ламанского близки мотивам известного стихотворения А.С. Хомякова — «России» (1839).

В пору патриотического подъема борьбы за освобождение Балкан Ламанский ощутил потребность большей практической деятельности. В Санкт-Петербургском славянском благотворительном обществе он занялся сбором средств для помощи восставшей Герцеговине, поддержки добровольческого движения и т.п. Тогда же он выполнял некоторые тайные поручения гр. Н.П. Игнатьева, явно не связанные с научными командировками. Один из учеников Ламанского И.И. Соколов (брат известного слависта М.И. Соколова, тоже ученика Ламанского), живший в семье Н.П. Игнатьева в качестве домашнего учителя его детей в имении Круподерницы Киевской губернии, писал своему учителю 19 июня 1878 года: «Интересуюсь очень подробностями Вашей миссии в Вену и Прагу, о которой сообщил мне Н.П., сказав только, что она б[ыла] вполне удачна — Вы сделали все, что нужно. Жаль только, что все это теперь — ни к чему, по крайней мере до поры до времени. Н[иколай] Павлович справедливо видит в Вас вожака панславистов — в лучшем смысле слова — среди ученых славян. При теперешнем М[инистерст]ве ничего нельзя поделать и воспользоваться добрыми услугами знатоков славянства. М[инистерст]во радо было бы, чтобы все эти славяне куда-нибудь провалились...» [СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 1309: 27 об.]. Подозрения австрийского правительства к Ламанскому и его ученикам, вероятно, не были совсем уж беспочвенными. Приветствуя начало войны за освобождение Болгарии в одном из выступлений в Санкт-Петербургском славянском благотворительном обществе, Ламанский отмечал, что наступает новый исторический период — славянский, признаком которого является «народное и общественное движение в пользу славян» [Первые 15 лет..., 1883: 457]. Более того, это движение приобрело государственное значение, следствием чего и стало объявление войны.

Недовольство итогами Русско-турецкой войны, нерешенность славянского и восточного вопроса, вызвало у Ламанского ощущение неизбежности нового конфликта. В письмах И.С. Аксакову он не скрывал своего разочарования и прямо указывал на приготовления к новой войне. Так, он писал 30 июня 1878 года своему адресату: «Вы вероятно знаете, что мы готовимся к войне с Австриею. Правительство, по крайности Военное Ведомство просило моего содействия, как одного из ревнителей слав<янского> дела в России. Меня недавно в Штабе просили о доставлении разных сведений. Между прочим спрашивают, в какой степени можно рассчитывать на содействие и помощь буковинских раскольников. Я отвечал, что я тут ничего не знаю и всего лучше мог бы

А.В. Малинов
В.И. Ламанский: цивилизация и война языков

это разъяснить Аксаков. Лицо, с которым просил меня иметь дело генерал Обручев, полковник Беневский, просил меня самого написать Вам и просить Ваших сведений и указаний. Из Буковины нужны верные и постоянные сведения о движениях войск и об укреплениях горных переходов.

Узнайте-ка, Иван Сергеевич, по секретнее, через Ваших моск<овских> староверов, в какой степени можно на буковинских рассчитывать, отпишите и научите, что делать. <...>

Страшно тяжелые времена переживаем теперь. Как слышу из одного источника (не Игнатъев), то во всем виноват в <еликий> кн. Никол<ай> Ник<олаевич>, который по переходе через Балк<аны> спешил только в Петерб<ург>, портил все дело Игнатъеву; его вина, что мы не заняли Конс<тантино>поля, ни при нем, ни после, когда приехал Тотлебен, который нашел армию деморализованную: так Ник<олай Николаевич> внушил ей, что война кончена и все будто распущены.

Конгресс был уже необходим для проволоочки и для военных и морских приготовлений. Я полагаю сам от себя, что раз решились отступить, то чем больше уступок, тем лучше, потому что все равно война неизбежна. Разумеется, унижительно и гадко даже на словах уступать горную Болгарию, Балканы. Но что делать, если не можем по ничтожности начать войну сейчас.

Мне кажется, что война неизбежна осенью или зимою. И к войне с Австриею мы готовимся. Относительно же Англии чуть ли не ограничимся демонстрациями. Так по крайней мере мне говорили военные люди. Но мне что-то не верится. Но что против Австрии принимаем разные меры, того не скрывали от меня» [РО ИРЛИ РАН. Ф. 3. Оп. 4. Ед. хр. 323: 1–2]. В этом же письме Ламанский просил И.С. Аксакова сообщить номер «Московских ведомостей», в которых была опубликована его речь 22 июня 1878 года, осуждающая результаты Берлинского конгресса. Для московского славянофильства эта речь имела печальные последствия: Московский славянский комитет был закрыт, а И.С. Аксаков выслан из Москвы во Владимирскую губернию.

Ламанский был убежден, что невозможность в полной мере воспользоваться итогами русско-турецкой войны объясняется слабостью русской администрации, ее ненародным, бюрократическим характером и отстранением от принятия решений патриотически настроенных деятелей. В очередном письме И.С. Аксакову 8 июля 1878 года он сетовал: «Вчера в вагоне жел<езной> дороги во всеуслышание два соседа друг другу совершенно незнакомые ругали Берл<инский> мир и посла-жандарма. Говорят, что Шув<алов> решительно не хочет ехать <...> в Лондон, метя в Министры, но им-де очень недовольны и посылают назад

в Лондон или оставляют в Госуд<арственному> Совете. Грейс будто бы принял портфель М<инист>ра Финанс<ов> со слезами на глазах, умоленный и упрощенный: и как пажу не поправить наших Финансов! Его же товарищ, паж и жандарм, хочет и может быть М<инист>ром Иностр<анных> Дел. Да, нашим поколениям не видать красных дней. В войне, в одной войне я вижу спасение для России. Иначе все так называемое внутреннее развитие теперь рекомендуемое будет заключаться в разных полицейских мерах» [РО ИРЛИ РАН. Ф. 3. Оп. 4. Ед. хр. 323: 4 об.]. Войну, как видно из цитаты, Ламанский рассматривал не как средство территориальных приобретений, а в качестве способа обновления России, устранения от власти бездарных руководителей. Главная цель войны — изменение самой страны, а не решение внешнеполитических задач. Ламанский искренне надеялся, что тот патриотический подъем, которым было охвачено русское общество в пору войны на Балканах, послужит изменению и внутренней политики государства, обратит власть к нуждам и интересам русского народа, а через них и к решению славянского вопроса.

Внимательно следя за изменяющейся политической обстановкой, Ламанский периодически в письмах вновь возвращался к мыслям о неизбежности войны и необходимости ее предотвращения. Так, в послании А.Н. Веселовскому 3 декабря 1886 года он замечал: «Как ни желаешь для России союза с Францией, но не веришь в него. На кого в самом деле нам положиться? Не может быть никакой уверенности <...> Войне с Германиею я не верю. Она сама не может этого желать, а мы и подавно. Но с Австриею можно ожидать еще нынешней весной» [РО ИРЛИ РАН. Ф. 45. Оп. 3. Ед. хр. 467: 7]. 31 марта 1888 г. он уже писал И.П. Минаеву: «Как будто и взаправду никто войны не желает, а все страшно готовятся и до нельзя разоряются на всякого рода вооружения. Помоему, если война неизбежна уже, то окончательный успех вероятнее за тем, кто позже всех ступит. Удастся ли нам выждать» [РО ИРЛИ РАН. Ф. 340. Оп. 2. № 33: 37]. 22 июня 1890 г. из Боровичей Ламанский сообщал Л.Н. Майкову: «Германия просто торопится к войне. В этом, конечно, ее интерес, как наш в том, чтоб ее оттянуть хоть лет на десять. Но кому удастся?» [РО ИРЛИ РАН. Ф. 166. Оп. 3. № 615: 46 об.] Видно, что мысли о грядущей войне не оставляли ученого. В эти же годы окончательно вызревала его концепция «трех миров».

В книге «Три мира Азийско-Европейского материка» Ламанский указывал на существование трех цивилизационных центров, существование которых во многом было определено их географическими различиями: Европы, Азии и Среднего, или греко-славянского, мира. Цивилизационные противоречия и нерешенность

А.В. Малинов
В.И. Ламанский:
цивилизации и война
языков

■■■■■■■■■■
СИМВОЛЫ.
ЦЕННОСТИ.
ИДЕАЛЫ
■■■■■■■■■■

восточного вопроса, под которым Ламанский понимал установление внятной границы между романо-германской Европой и Средним миром (то есть для греко-славянского мира это был «западный вопрос»), влекли неизбежность военного столкновения. В своих многочисленных трудах, прежде всего в докторской диссертации «Об изучении греко-славянского мира в Европе» (1871), он указывал на давний, многовековой конфликт славянства и германства, приводил многочисленные его подтверждающие примеры и мнения европейских, главным образом немецких, ученых и публицистов, выражающих негативную оценку славянства. Убеждение Ламанского в неизбежности войны было не пророчеством, а результатом анализа как политической ситуации, так и широкого историософского взгляда на взаимные отношения романо-германцев и славян. Желая избежать войны, Ламанский предлагал заключать союзы с различными частями Европы, ведь европейский мир не является однородным, он состоит из шести примерно равных и в известной степени конкурирующих между собой частей. Однако, признавал он, в случае усиления России европейцы объединяются и забывают взаимные претензии и обиды, поэтому любые союзы не надежны и носят временный характер, они могут лишь отложить военный конфликт. Европа не заинтересована в консолидации вокруг России славянских народов, в которых видит, говоря словами Н.Я. Данилевского, «этнографический материал». В этой ситуации развитие России может быть осложнено внешним нападением, войной. «Нет никакого сомнения, — признавал Ламанский, — сама Россия этого внешнего бедствия, войны с ее ужасами никогда не вызовет <...> но отрицать всякую возможность такой войны нет основания, хотя она и в высшей степени нежелательна» [Ламанский, 1892: 128]. Более того, «если же она когда-нибудь да будет, то без сомнения своими размерами и бедствиями она превзойдет войны 1812 и 1813 гг.» [Ламанский, 1892: 128]. Война может начаться, полагал Ламанский, с нападения Пруссии и Австрии. «Главный расчет германских военных стратегов в будущей предполагаемой войне с Россией основан именно на неряшливости и неисправности как железнодорожных, так и прочих наших органов управления», — уточнял он [Ламанский, 1892: 101]. Однако если союзы и соглашения способны лишь временно оттянуть начало войны, то есть не являются надежным механизмом ее предотвращения, то нужно другое средство, посредством которого Россия могла бы привлечь к себе более надежных союзников и отстаивать свои политические и культурные интересы. Таким средством в учении Ламанского выступает язык. 22 мая 1889 года он записал в дневнике: «У сильного всегда будут друзья, настолько верные и искренние, поскольку и покое он силен

и силу свою понимает. Россия должна не плакаться и не думать, что у нее нет друзей, а, напротив того, ежечасно заявлять, что у нее друзей и союзников много, только свистнуть, что каждый де за честь почтет стать ее другом» [СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 3. Ед. хр. 3: 12]. Политическая изоляция, отсутствие надежных союзников делает Россию уязвимой и подталкивает ее противников к нападению. Поэтому так важно привлечь на свою сторону народы не только единоверные, но и единокровные. Основным объединяющим началом такого союза должна выступать культура и ее главный проводник — развитый литературный язык, признаком которого является в первую очередь богатая словесность, имеющая мировое значение. Еще так называемые ранние славянофилы «в своих лингвофилософских работах обосновали положение о тождестве языка и самосознания народа <...> Язык не нечто отвлеченное, а живое, неразрывно связанное с духом и мыслью народа, поэтому история языка воспринималась ими как история народа» [Безлепкин, 2020: 143].

С первых своих работ Ламанский последовательно выступал за признание славянами русского языка в качестве общего литературного, научного и дипломатического языка. Залог успеха этого дела он видел в том, что еще на заре славянской истории славянские народы имели общий письменный и богослужебный язык, созданный свв. Кириллом и Мефодием. Утрата этого общего языка, который удержался только у православных славян в качестве богослужебного, была величайшей потерей в славянской истории. «Без общих начал и идей, без грамоты и письменности, — утверждал Ламанский в одном из выступлений в Санкт-Петербургском славянском благотворительном обществе, — племена самые близкие по происхождению с течением времени дробятся и раскалываются, расходятся врозь, подпадают чужой враждебной власти и чужим влияниям, лишаются своей целостности, теряют даже память об общем своем происхождении и первоначальном единстве, наречия их до того расходятся, что они перестают понимать друг друга. Когда соплеменные народности при взаимных сношениях начинают уже прибегать к чужому, иноплеменному языку, то они тем самым показывают свое взаимное отчуждение и большую свою близость к иноплеменникам, чем сородичам» [Ламанский, 1885: 210–211]. Отсутствие общего языка и, как следствие, общего образования и культуры препятствует объединению славян. «Но славянство, — продолжал он, — нуждается в живом общем языке, для взаимного понимания и общения, для рассеяния многочисленных недоразумений, накопившихся в течение долговечной разлуки между различными народностями» [Ламанский, 1885: 212]. Языковое сближение должно стать первым шагом и

А.В. Малинов
В.И. Ламанский: цивилизации и война языков

■■■■■■■■■■■■■■■
**СИМВОЛЫ.
 ЦЕННОСТИ.
 ИДЕАЛЫ**
 ■■■■■■■■■■■■■■■

к политическому объединению славян, которое Ламанский относил к отдаленной исторической перспективе. Его личный опыт и свидетельства учеников, посещавших славянские земли, внушали оптимизм. Например, во время своей первой заграничной командировки Ламанский писал И.С. Аксакову 2/14 июля 1862 года из Вены: «С Дрездена я не перестаю говорить по-русски. Это только, по-моему, слабый намёк на то, чем будет русский язык через какие-нибудь 50 лет, когда уже теперь при нашей цензуре, при жалкой книжной торговле, при отсутствии в землях славянских кафедр русского языка, русской литературы и истории он мог так распространиться» [СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 1: 2 об.]. А 7/19 авг. 1862 года он писал уже из Будина родителям: «Здесь в Венгрии, кстати сказать, нет ни одного мало-мальски образованного славянина, который бы не был убеждён в том, что русский язык должен быть общим, письменным языком для всех народов Славянских» [СПбФА РАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 44: 35 об.–35]. Многочисленные аналогичные примеры и рассуждения содержатся в письмах и статьях как самого Ламанского, так и в корреспонденции его учеников.

Цивилизационные миры, таким образом, определяются не только географическими границами, но и пределами распространения языка, который объединяет народы, служит средством коммуникации, является языком письменности и высшей образованности. «Ламанский, — пишет В.А. Куприянов, — исходил из понимания фундаментальности факторов языка, психологии народов и из идеи исторической детерминированности отношений между народами» [Куприянов, 2018: 31]. Для греко-славянского мира таким языком может быть только русский язык, который выступает наследником общеславянского письменного языка свв. Кирилла и Мефодия и греческого языка, связывающего Средний мир с наследием Античности. В Европе же конкурируют между собой французский, испанский, итальянский, немецкий и английский языки. Однако Ламанский убежден, что в ближайшем будущем немецкий, итальянский и французский языки сохранят свое значение лишь в Европе, в то время как испанский и английский языки благодаря широкому распространению получают всемирно-историческое значение. В будущем, предполагал Ламанский, возможно, и южно-американские колонии испанцев перейдут под власть англосаксов [Ламанский, 1892: 34]. Господство английского языка в Северной Америке приведет к тому, что центр западного мира переместится в Новый Свет. Европа постепенно уступит культурное первенство Америке. Английский язык станет в полной мере всемирно-историческим языком. «Между тем англо-саксонская речь и национальность, — уточнял Ламанский, — располагая громадным

пространством пустопорожних земель, может и будет неудержимо распространяться и множиться до размеров едва ныне предвидимых, постоянно обновляясь и освежаясь до бесконечного почти разнообразия самыми разноплеменными и разнокультурными элементами. Естественно поэтому предполагать, что в будущем английская литература и образованность <...> будет отличаться наибольшим разнообразием, свежестью и сочностью содержания, широтою и самобытностью воззрений, большею чуткостью к потребностям человечества, большею универсальностью идей и стремлений. Таким образом есть полная вероятность заключать, что Европа не может навеки, говоря относительно даже едва ли надолго, сохранить свое первостепенное значение в мировой политике и образованности. Вследствие неудержимого размножения англо-саксов в Новом Свете, от естественного прироста и от переселений из Европы, все прочие романские и германские национальности и языки Старого Света принуждены будут ранее или позже снизойти до речи второстепенных деятелей в мире романско-германском» [Ламанский, 1892: 37–38].

Надо понимать, что преобладание английского языка не вытекает из качества и разнообразия англоязычной литературы. Романоязычная литература с ней успешно конкурирует. Господство английского языка обеспечивает колониальная система, мощь самой Британской империи. «Таким образом, — заключал Ламанский, — английский язык распространен на всем земном шаре, и можно сказать, что рано или поздно английский язык приобретет всемирное значение, и значение всех других языков в сравнении с ним станет ничтожным» [Ламанский, б. г.: 25]. Однако в среднем мире всемирно-историческая роль принадлежит русскому языку, который должен стать общим литературным, научным и дипломатическим языком для всех этнических стихий греко-славянского мира.

Ламанский приходил к выводу, что тенденция цивилизационного развития состоит в постепенном отходе от соперничества государств и народов, которое приводило к многочисленным войнам. На смену им приходит конкуренция всемирно-исторических языков, которые объединяют регионы и населяющие их народы в единые цивилизационные миры. Господствующее положение занимает та цивилизация, которая посредством языкового, а значит, и культурного доминирования контролирует большие географические пространства и народы. На место вооруженных противостояний приходят войны языков. Посредством языкового влияния привносятся ценности другой культуры, устанавливается иерархическое отношение господства и подчинения [Шиповалова, 2019: 57]. Наиболее болезненный удар, который можно нанести

А.В. Малинов
В.И. Ламанский: цивилизация и война языков

по цивилизации — это ограничить использование ее языка, как в быту, так и в науке, вытеснить на периферию ее литературу, отказывая ей во всемирно-историческом значении. Еще в 1860-е годы Ламанский сформулировал учение о «языковой игемонии», согласно которому языковое доминирование идет рука об руку с государственным могуществом. Он видел в этом проявление своеобразного исторического закона, в силу которого одно из наречий приобретает господствующее положение, позволяющее объединить разрозненные народы, то есть выступает, по его выражению, «силой центростремительной». Распространение влияния цивилизации также осуществляется посредством языка, то есть экспансии на другие народы ее литературных, научных и т.п. достижений. В заключение приведу слова одного из учеников Ламанского К.Я. Грота, сказанные после смерти учителя: «Он, несомненно, принадлежал к тем избранным, редким людям, чья жизнь и деятельность представляют и знаменуют целую эпоху, которые, прокладывая своими трудами и умственным творчеством глубокие борозды на ниве культурного развития своего народа и обильно засевая эту ниву, не успевают, однако, пожать плоды своих усилий, — которые обыкновенно остаются не оцененными и не признанными в настоящем, но сознательно готовят почву и работают для будущей своей родины... Современники редко умеют их понять: в широких кругах общества они слышат часто чуть ли не отсталыми, благодаря хотя бы своему особому интересу к национальной старине, фантастами, неисправимыми идеалистами-мечтателями, людьми не от мира сего (как это было и с московскими славянофилами, к которым идейно примыкал Владимир Иванович), но в действительности они оказываются наиболее передовыми, дальновидными и яркими провозвестниками грядущего развития и судеб своего народа» [Грот, 1915: 4].

V.I. Lamansky: Civilizations and the War of Languages

Alexey V. Malinov

Doctor of Philosophy, Professor.

St. Petersburg State University.

7/9 Universitetskaya Emb., 199034 Saint Petersburg, Russian Federation.

Institute of Human Philosophy, Herzen State Pedagogical University of Russia.

48 Moyka Emb., 191186 Saint Petersburg, Russian Federation.

a.v.malinov@gmail.com

ORCID 0000-0002-1252-9193

Abstract. The article deals with the problems of language and war in the civilizational concept of the Slavist Academician V.I. Lamansky. Lamansky's attitude to the Crimean War and Russian-Turkish War of 1877–1879 is traced on the basis of archival documents. His assessments of military and political events are given. It is pointed out that Lamansky's political-geographical doctrine formulated in his treatise "The Three Worlds of the Asian-European Continent" (1892) and in his earlier works, was a development of the Slavophile ideas and included the provisions later developed by Eurasianists. It is pointed out that he gave not only a geographical but also a linguistic definition of civilizations, in particular, he believed that civilizational worlds are held together by a common language (world-historical language). According to Lamansky, who formulated the doctrine of linguistic hegemony, the competition between peoples and states, including military, is replaced by the competition of world-historical languages. In Europe, he believed, three Romance languages (French, Italian and Spanish) and two Germanic languages (English and German) are struggling with each other. Of these, only Spanish and English, thanks to the vast colonies of Great Britain and the former colonies of Spain, could retain their world-historical significance. In time, he suggested, even Spain's former colonies in South America might come under Anglo-Saxon rule, and the center of the Western world would shift to the New World. In the Middle World or the Greco-Slavic world, Russian has no competitors, so it should be a common literary, scientific and diplomatic language, uniting the peoples of the Middle World in a civilizational unity. Language is the main geopolitical force through which cultural and, in the long term, political unity is first formed. Based on the philosophical and historical analysis of the contradictions between the Romano-Germanic and the Greek-Slavic worlds, Lamansky concluded that the coming world war was inevitable.

Keywords: civilization, political geography, language, Lamansky, Greco-Slavic world, Europe, war.

For citation: Malinov A.V. V.I. Lamansky: Civilizations and the War of Languages // *Chelovek*. Vol. 34, N 1. P. 130–148. DOI: 10.31857/S023620070024834-4

Литература/References

Безлепкин Н. От словологии к философии языка: эволюция лингвофилософских учений в России // *Философский полилог: журнал Международного центра изучения русской философии*. 2020. № 1. С. 139–156.

Bezlepkin N. Ot slovologii k filosofii yazyka: evoluciya lingvofilosofskix uchenij v Rossii [From Wordology to Philosophy of Language: Evolution of Linguophilosophical Doctrines in Russia]. *Filosofskij polilog: zhurnal Mezhdunarodnogo centra izucheniya russkoj filosofii*. 2020. N 1. P. 139–156.

Волан Г. де. Очерки прошлого // *Голос минувшего*. 1914. № 4. С. 122–153.

Volan G. de. Ocherki proshlogo [Essays on the Past]. *Golos minuvshego*. 1914. N 4. P. 122–153.

А.В. Малинов
В.И. Ламанский: цивилизации и война языков

- Грот К.Я.* Владимир Иванович Ламанский. Пг.: Тип. Т-ва А.С. Суворина, 1915.
 Grot K.Ya. *Vladimir Ivanovich Lamanskij* [Vladimir Ivanovich Lamansky]. Petrograd: Tip. T-va A.S. Suvorina, 1915.
- Ламанский В.И.* Кирилло-Методиевская идея // Известия С.-Петербургского славянского благотворительного общества. 1885. № 4. С. 208–212.
 Lamanskij V.I. Kirillo-Mefodievskaia ideya [The Cyril and Methodius Idea]. *Izvestiya S.-Peterburgskogo slavyanskogo blagotvoritel'nogo obshhestva*. 1885. N 4. P. 208–212.
- Ламанский В.И.* Лекции по славянским наречиям, читанные профессором С.-Петербургского университета В.И. Ламанским за 1880–1881 акад. год. [СПб.:]. Литография Гробовой. Б. г.
 Lamanskij V.I. *Lekcii po slavyanskim narechiyam, chitannye professorom S.-Peterburgskogo universiteta V.I. Lamanskim za 1880–1881 akad. god* [Lectures on Slavic dialects, read by the professor of S.-Petersburg University V.I. Lamansky for 1880–1881 acad. year] [St. Petersburg:]. Litografiya Grobovoj. B. g.
- Ламанский В.И.* Три мира Азийско-Европейского материка. СПб.: Типо-хромолитография А. Траншеля, 1892.
 Lamanskij V.I. *Tri mira Azijsko-Evropskogo materika* [Three worlds of the Asian-European continent]. St. Petersburg: Tipo-xromolitografiya A. Transhelya, 1892.
- Лаптева Л.П.* История славяноведения в России в XIX в. М.: Индрик, 2005.
 Lapteva L.P. *Istoriya slavyanovedeniya v Rossii v XIX v.* [History of Slavic Studies in Russia in the XIX century]. Moscow: Indrik Publ., 2005.
- Лаптева Л.П.* Владимир Иванович Ламанский (1833–1914) и его ученики // Славяноведение. 2014. № 6. С. 82–96.
 Lapteva L.P. Vladimir Ivanovich Lamanskij (1833–1914) i ego ucheniki [Vladimir Ivanovich Lamansky (1833–1914) and his pupils]. *Slavyanovedenie*. 2014. N 6. P. 82–96.
- Князев Г.* Предисловие // Ламанский В.И. Три мира Азийско-Европейского материка. Пг.: Тип. А.С. Суворина — «Новое время», 1916. С. III–XX.
 Knyazev G. Predislovie [Preface] in Lamanskij V.I. *Tri mira Azijsko-Evropskogo materika* [Three worlds of the Asian-European continent]. Petrograd: Tip. A.S. Suvorina — «Novoe vremya», 1916. P. III–XX.
- Куприянов В.А.* Россия и Европа в раннем и позднем славянофильстве (А.С. Хомяков и В.И. Ламанский) // Соловьевские исследования. 2018. № 2(58). С. 21–33.
 Kupriyanov V.A. Rossiya i Evropa v rannem i pozdnem slavyanofilstve (A.S. Khomyakov i V.I. Lamanskij) [Russia and Europe in Early and Late Slavophilism (A.S. Khomyakov and V.I. Lamansky)]. *Solovevskie issledovaniya*. 2018. N 2(58). P. 21–33.
- Медоваров М.В., Снежницкая С.И.* Раскол среди поздних славянофилов и роль В.И. Ламанского в нем (1887–1897 гг.) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2019. № 5. С. 38–47.
 Medovarov M.V., Snezhniczkaya S.I. Raskol sredi pozdnix slavyanofilov i rol V.I. Lamanskogo v nem (1887–1897 gg.) [A Schism among the late Slavophiles

and the role of V.I. Lamanskyi in it (1887–1897)]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*. 2019. N 5. P. 38–47.

Первые 15 лет существования С.-Петербургского славянского благотворительно-го общества (бывший Петербургский отдел славянского благотворительного комитета в Москве) по протоколам общих собраний его членов, состоявшихся в 1868–1883 гг. СПб.: типография А.М. Котомина и К°, 1883.

Pervye 15 let sushhestvovaniya S.-Peterburgskogo slavyanskogo blagotvoritel'nogo obshchestva (byvsij Peterburgskij otdel slavyanskogo blagotvoritel'nogo komiteta v Moskve) po protokolam obshhix sobranij ego chlenov, sostoyavshimsya v 1868–1883 gg. [The first 15 years of existence of St.-Petersburg Slavic Benevolent Society (the former St.-Petersburg branch of Slavic Benevolent Committee in Moscow) according to minutes of general meetings of its members, held in 1868–1883]. St. Petersburg: tipografiya A.M. Kotomina i Ko, 1883.

Робинсон М.А. Судьбы академической элиты: отечественное славяноведение (1917 – начало 1930-х годов). М.: Индрик, 2004.

Robinson M.A. *Sudby akademicheskoy elity: otechestvennoe slavyanovedenie (1917 – nachalo 1930-x godov)* [The Fates of the Academic Elite: National Slavic Studies (1917 – early 1930s)]. Moscow: Indrik Publ., 2004.

Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (РО ИРЛИ РАН). Ф. 3. Оп. 4. Ед. хр. 323.

Rukopisny otdel Instituta russkoj literatury (Pushkinskij Dom) RAN [Manuscript Department of the Institute of Russian Literature (Pushkin House) of RAS] (RO IRLI RAN). F. 3. Op. 4. Ed. xr. 323.

РО ИРЛИ РАН. Ф. 45. Оп. 3. Ед. хр. 467.

RO IRLI RAN. F. 45. Op. 3. Ed. xr. 467.

РО ИРЛИ РАН. Ф. 166. Оп. 3. № 615.

RO IRLI RAN. F. 166. Op. 3. № 615.

РО ИРЛИ РАН. Ф. 340. Оп. 2. № 33.

RO IRLI RAN. F. 340. Op. 2. № 33.

Санкт-Петербургский филиал архива РАН (СПбФ АРАН). Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 1.

Sankt-Peterburgskij filial arxiva RAN [St. Petersburg Branch of Archive of Russian Academy of Sciences] (SPbF ARAN). F. 35. Op. 1. Ed. xr. 1.

СПбФА РАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 44.

SPbFA RAN. F. 35. Op. 1. Ed. xr. 44.

СПбФА РАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 1309.

SPbFA RAN. F. 35. Op. 1. Ed. xr. 1309.

СПбФА РАН. Ф. 35. Оп. 3. Ед. хр. 2.

SPbFA RAN. F. 35. Op. 3. Ed. xr. 2.

СПбФА РАН. Ф. 35. Оп. 3. Ед. хр. 3.

SPbFA RAN. F. 35. Op. 3. Ed. xr. 3.

Саприкина О.В. Академик В.И. Ламанский (1833–1914): научное наследие и общественная деятельность. Автореф. дис. ... к. ист. н. М., 2004.

Saprikina O.V. *Akademik V.I. Lamanskij (1833–1914): nauchnoe nasledie i obshhestvennaya deyatelnost. Avtoref. dis. ... k. ist. n.* [Academician V.I. Lamansky

А.В. Малинов

В.И. Ламанский: цивилизации и война языков

©2023 А.Ю. ВЯЗИНКИН

«СУВЕРЕННАЯ ЛИЧНОСТЬ»: ОПЫТ АКТУАЛИЗАЦИИ И КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ПОНЯТИЯ



Вязинкин Алексей Юрьевич — кандидат философских наук, доцент кафедры «История и философия». Тамбовский государственный технический университет. Российская Федерация, 392000 Тамбов, ул. Советская, д. 106.
vyazinkin@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-3821-6168

Аннотация. В статье представлен теоретический опыт решения социально-философской и философско-антропологической проблемы актуализации и концептуализации понятия «суверенная личность». Автор обращается к работам теоретиков автономии личности, занимавшихся проблемой философии свободы, начиная с эпохи Просвещения и заканчивая концом XX столетия. В этих трудах обнаруживается два различных подхода к осмыслению суверенитета личности: эгалитарный, сочетающий социальные идеи свободы и равенства, и элитарный, представляющий собой вариант теории эксклюзивной суверенности. В статье обосновывается и презентуется социально-философская формула суверенитета, базирующаяся на трехсоставной композиции свобод личности и обогащенная теорией самоопределения человека в качестве исключительного субъекта решения. Автор усматривает существенные для этой формулы различия в понятиях «суверенная личность» и «автономная личность». На примере дискурса о личной автономии и историко-философского решения проблемы определения понятия «свобода» выявляются принципиально субординативные отношения между суверенностью и автономией личности. В качестве теоретико-методологического

отсутствие тайны личности, манифестация ее бессодержательности и, следовательно, беззащитности, доступности на грани проституирования, и она же симптом омертвления цивилизации. Русский философ П.А. Флоренский, захваченный проблемой сокровенности индивидуальной жизни, однажды заметил, что «чем уединеннее, таинственнее и тайнее будет идти жизнь каждого в отдельности, тем более живых соков будет в целом» [Розанов, 2010: 31]. К сожалению, реальность в немислимом темпе стремится к прямо противоположной цели.

Решая задачу актуализации и концептуализации социально-философского понятия «суверенная личность», мы неизбежно столкнемся с проблемой, которую не преодолеть одними лишь академическими упражнениями. Проблема суверенитета личности в наше время небывало остра, что в прогностическом смысле весьма предвосхитительно, а в практическом едва ли не запоздало. Современность и ближайшая будущность открыто угрожают человечеству своим нигилистическим содержанием, явленным нам в экспансивных образах трансгуманизма и беспредельной технократии, не только блокирующих любое реальное стремление личности к автономии, но и в целом обнуляющих антропологическое измерение мира. Дискурс и праксис ожидают момента, когда на них прольется, наконец, умный свет сознания, а не мертвых экранов с энной плотностью пикселей.

Необходимо признать, что ни в академической науке, ни в трудах философов проблема концептуализации понятия «суверенная личность» не разрешена. Преодоление этого обстоятельства требует приложения значительных теоретических и методологических исследовательских усилий [Viazinkin, 2020; Вязинкин, 2021].

Любопытную точку зрения на проблему суверенитета личности в контексте историко-философской, социально-философской и философско-антропологической проблематики высказал В.В. Панкратьев в своей монографии, обобщающей выводы, изложенные в его кандидатской диссертации. По существу, его позиция сводится к суммированию идей М. Штирнера и Ф. Ницше. Исследователь исходит из вполне очевидного тезиса о противоположном позиционировании интересов свободной личности и общества. Он утверждает необходимость создания такой философской конструкции, «в которую логически вписаны практически все возможные тематические нюансы существования общества и человека» [Панкратьев, 2006: 4]. Интересно, что В.В. Панкратьев использует понятия суверенности и автономии как идентичные. Для его методологии характерен своеобразный эклектизм феноменологии, психоанализа и экзистенциализма, хотя последний наиболее отчетливо проявляется в риторике концептуализации.

А.Ю. Вязинкин
«Суверенная личность»: опыт актуализации и концептуализации понятия

открытости миру, позволяющей не только свободно коммуницировать с «Другими», но и хранить свою самостийность. Несмотря на свою нетривиальность и ряд общетеоретических достоинств, концепция суверенной личности Д.Ю. Дорофеева выглядит несколько неопределенной, не доведенной до своего логического завершения, остающейся в тени историко-философских изысканий автора, где львиная доля внимания уделяется анализу теоретических положений философии М. Шелера. Решая весьма абстрактные проблемы на уровне экзистенциальном, Дорофеев в известной степени пренебрегает проблемами соотношения суверенитета личности и общественного интереса, растворения первой в «кислотах» *volonte generale*, то есть тем, что происходит в сферах более «приземленных» — социально-экономической и политической.

В этом смысле особый интерес вызывает работа современного македонского исследователя Н. Илиевски, в которой была предпринята попытка «манифестации» признаков суверенитета личности. В предложенной автором статье формуле суверенитета личности, определяемой в некотором соотношении с государственным суверенитетом, значительное внимание отводится так называемому «спонтанному порядку», как результату свободной деятельности личности [Ilievski, 2015: 34–36], в чем очевидно проявляется существенное, если не определяющее, влияние либертарианской философии. В целом антиэтатистский пафос формулы суверенитета личности, которую предлагает Н. Илиевски, отсылает к базовым положениям минархизма — направления в либертарианстве, утверждающего необходимость сокращения полномочий государства до минимума. Таким образом, компетенции государства ограничиваются защитой свободы и собственности каждого гражданина.

На наш взгляд, одна из наиболее интересных и конструктивных попыток изложить основы понимания суверенитета личности содержится в творчестве американского мыслителя XIX столетия Дж. Уоррена. Согласно его убеждениям, все, что не имеет отношения к воле человека, следует считать естественным. Из этого мыслитель сделал вывод о том, что частью естественного порядка вещей является право личности на неограниченный суверенитет, то есть на невмешательство в его жизнь со стороны других индивидов, общественных организаций, государства и т.п. Это вовсе не означает, что личность живет в полном отрыве от общества, но подразумевает, что коммуникация между конкретным человеком и другими устанавливается исключительно в добровольном порядке. Эта мысль Уоррена была в известной степени продолжением магистральных идей Американской революции, только право на самоуправление для колониальных территорий было доведено

А.Ю. Вязинкин
«Суверенная личность»: опыт актуализации и концептуализации понятия

до своего логического конца и распространилось им на личность [Белькович, 2020: 157].

Уоррен считал, что источником права является сама личность. Она добровольно создает, вступает или выходит из союзов, не подчиняется законам, созданным без ее прямого участия. «Моя конституция, — писал мыслитель, — внутри меня. Право на самостоятельность в каждом индивидууме — моя конституция» [The Practical Anarchist, 2012: 160].

Для Уоррена, крупнейшего американского теоретика анархо-индивидуализма, крайне важной была проблема реализации идеи суверенитета личности в определенном общественном порядке самоуправляемой общины, где был бы воплощен также и принцип социально-экономической справедливости. Для этого он предпринимал практические шаги — жил в общине «Новая Гармония» в Индиане, основал свободные коммуну «Лавка времени» в Цинциннати и «Деревня справедливости» в Огайо. Идеальный социальный порядок установится тогда, считал Уоррен, когда каждый человек научится самостоятельно регулировать свою жизнь, без каких-либо прескрипций или рецептов в вопросах общественных правил, политики, этики, религии и т.д. [Butler, 1980: 447].

Формула суверенитета личности

Проблема концептуализации понятия «суверенная личность», несмотря на свою актуальность, крайне редко становится предметом внимания исследователей и даже философов, политических теоретиков, социальных мыслителей. Вместе с тем мы исходим из тезиса о том, что прежде всего следует говорить об определенной структуре суверенности субъекта.

Например, если мы признаем, что заглавное в эгалитарной теории освобождения личности, обстоятельно обоснованной в философии Просвещения, то есть нравственная свобода человека от авторитетов, является вовсе не поощрением вольнодумства, полнейшим раскрепощением мысли или даже духовным совершенствованием как таковым, а приобретает для интеллектуальной подготовки личности к самостоятельности, то, по сути, укажем на один из принципов суверенитета личности. Подготовленность к свободе — это и есть фундаментальное основание независимости, реализующейся в проекте жизни человека, в котором суверенность есть наивысшая добродетель.

Очевидно, одной нравственной и интеллектуальной свободы не будет достаточно для суверенитета. Суверенитет личности мы

предлагаем представить как системное единство свобод личности во всех сферах общественной жизни:

1. Социально-экономическая автономия;
2. Право добровольного участия в управлении сообществом;
3. Интеллектуальная и нравственная готовность к свободе.

В некотором смысле подобная структура суверенности идейно восходит к античному идеалу совершенной автаркии, о котором русский мыслитель и теоретик либерализма П.И. Новгородцев, указывавший на противоречия между социальной гармонией (солидарностью) и личной свободой, справедливо отмечал, что он — идеал автаркии — не разрешал политической проблемы в общем виде [Новгородцев, 2021: 30–31]. В данном случае подобие обнаруживается, если критерии автаркии мы применяем не к гражданской общине полиса, а к личности.

Здесь мы обратимся к содержанию понятий «социально-экономическая автономия», «нравственная свобода» и «политическая свобода». Кратко, но в достаточно емкой форме представим теоретическое обоснование каждого из заданных структурных элементов суверенитета личности.

Социально-экономическая автономия. Мы рассматриваем экономическую независимость человека как базовое и обязательное условие его суверенности. Именно экономические обстоятельства и возможности самообеспечения гарантируют человеку сугубо добровольное участие в общественных отношениях. Независимый фермер, самостоятельно производящий минимально необходимую продукцию для обеспечения собственных потребностей, может игнорировать навязываемые обществом социальные связи и сонм паразитических посредников, которыми наше общество располагает в изобилии, тогда как для других (не обладающих автономией) они необходимы.

На примере французской деревни XVIII столетия историк Ф. Бродель определил объективные факторы ее стремления к автономии. И хотя в этом вопросе очевидно влияние культурной самобытности и довольно тривиального чувства исключительности, весьма свойственного духу «малой культуры», историк, тем не менее, в первую очередь выделяет именно материально-экономическую базу деревни: «деревня часто владеет общинным имуществом, пастбищами и лесами; обычно у нее есть своя мельница, своя хлебная печь (как правило, выкупленная крестьянами у помещика)» [Бродель, 1994: 124]. Сельские территории вообще всегда склонны к автономии. Прежде всего потому, что могут сами себя обеспечить минимальным количеством продукции. Деревня может выжить без города, но не наоборот.

А.Ю. Вязинкин
«Суверенная личность»: опыт актуализации и концептуализации понятия

от опекуна, гарантирующего комфорт и стабильность, неизбежно приведет к тому, что люди «будут весело жертвовать всеми другими своими перспективами в этом мире» [Cogitations, 1985: 62–63].

Нравственная свобода личности. Если социально-экономическая автономия личности в большей степени обязана социальным возможностям человека, чем его способностям, то с нравственной свободой дело обстоит несколько иначе. Независимость взглядов и суждений, интеллектуальная и моральная свобода от авторитетов, — в эпоху Просвещения было актуальным освобождение от авторитета церкви, государства, обычая и т.п., и едва ли можно говорить об утрате этой актуальности, — труднодостижима. Она зависит, прежде всего, от волевых качеств человека, от его интеллектуальных и психических способностей.

Полная свобода человека от авторитета традиции, а значит и от предзаданных моральных установок, ориентация на самостоятельность мышления — вот основа эгалитарной теории освобождения личности в ее нравственно-интеллектуальном аспекте. Это этико-философское настроение стало логическим продолжением секуляризации мысли, ее поворота к сухому рационализму, закономерным следствием зачарованности идеями антропологического оптимизма, общественного и научного прогресса.

Квинтэссенцией этики свободы в философии Просвещения были идеи И. Канта. Философ отстаивал необходимость самостоятельного мышления как первого шага на пути нравственного прогресса не только индивидуальной личности, но и всего человечества. «Просвещение, — писал Кант, — это выход человека из состояния своего несовершеннолетия, в котором он находится по собственной вине. Несовершеннолетие есть неспособность пользоваться своим рассудком без руководства со стороны кого-то другого» [Кант, 1966: 27]. Причем Кант хорошо понимал, что причина этого «несовершеннолетия» состоит не столько в слабости рассудка, сколько в отсутствии у человека решимости и мужества быть морально и интеллектуально свободным. Немецкий философ приветствовал отмену государственного и церковного патернализма, как минимальное необходимое условие для развития у людей способностей самостоятельного мышления.

Если кантовская философия свободы призывала к пробуждению дремлющих интеллектуальных сил индивидуума, то новый взрыв нравственного освобождения личности следовало ожидать из принципиально иной философской парадигмы. Исторически ею оказалась своеобразная «этика» перспективизма. Основа этого направления мысли заключается в следующем: познание, необходимо обусловленное личной позицией познающего, напрасно ищет непреложности, в том числе в области морального. Поэтому

А.Ю. Вязинкин
«Суверенная личность»: опыт актуализации и концептуализации понятия

выражение политической свободы личности. Во-первых, согласно демократической формуле, в политической жизни получают возможность участвовать все граждане. Во-вторых, демократическая формула политического отбора предполагает возможность выбора лучшего из вариантов. Однако оба обстоятельства далеки от того, чтобы быть реализованными фактически. Политическое участие сводится к банальному праву бросить белый или черный шар, что ведет либо к опосредованной власти некомпетентного большинства, либо к непосредственной власти меньшинства, чьи интересы вовсе не соответствуют классическим представлениям о народном представительстве, реальном личном доверии и т.д. Да и сама формула отбора наиболее способных и достойных хотя и выглядит привлекательной, однако на поверку историей оказывается нерабочей, фиктивной.

Конечно, значительная часть известных филиппик против демократии ошибочна или неточна. Инсинуации либо ангажированы внешнеполитическими обстоятельствами и принадлежат людям с крайне ограниченными познаниями в политической философии, либо направлены против духа времени с его нелепыми технологиями, биополитикой, неврозами капитализма и прочими фатальными причудами человеческого общежития, а не против политической формы как таковой. Однако все это до сих пор остается непонятым. Тем не менее демократия, даже и в пиковом своем варианте (Афины времен Солона), со всеми своими политическими институтами не обеспечивает вполне политической свободы личности.

Укажем на отсутствие в современных демократических системах прав личности:

- право гражданского неповиновения (протест против несправедливой деятельности представителей);
- право вето (реализуемо при соблюдении в государстве принципа субсидиарности: решение проблем на локальном уровне);
- право игнорирования принятого сообществом решения по схеме: «кто за что голосовал» (например, в ночном гражданском дозоре участвуют только те жители улицы, которые проголосовали за его необходимость).

Отметим также, что в современных национальных государствах обнаруживается катастрофически низкий уровень децентрализации. Это обстоятельство и не позволяет гарантировать даже минимальный набор политических свобод личности, которые зачастую подменены тривиальным правом голоса, в действительности, сводящим к нулю влияние каждой отдельно взятой личности на политическую жизнь сообщества.

А.Ю. Вязинкин
«Суверенная личность»: опыт актуализации и концептуализации понятия

Позитивная свобода, по И. Берлину, это не свобода от других, а свобода для себя: «“Позитивный” смысл слова “свобода” проистекает из желания быть хозяином самому себе. Я хочу, чтобы моя жизнь и мои решения зависели от меня» [там же: 136]. Таким образом, позитивная свобода — это право и способность вмешательства в текущие события, определяющие жизнь личности и сообщества. Претендующая на суверенитет личность неизбежно сталкивается с проблемой утверждения в мире своей независимости, она, как ни странно, должна проявить социальную активность и вынуждена вовлекаться в широкие общественные связи ради своей свободы: «Если я хочу сохранить свою свободу, недостаточно сказать, что ее нельзя нарушить, <...> Я должен учредить общество, где границы свободы не дозволено пересечь никому» [там же: 176].

Критики позитивного определения свободы видели в подобном понимании борьбу с принципом автономии личности. Позитивная свобода якобы означает подчинение личности коллективным целям посредством вовлечения индивида в многочисленные сферы социальной жизни, где господствуют туманные общие интересы. Канадский философ Ч. Тэйлор выступил с защитой позитивного определения свободы: «Доктрины позитивной свободы интересуются таким взглядом на свободу, который предусматривает осуществление контроля над своей жизнью. С этой точки зрения человек свободен лишь до той степени, до какой эффективно самоопределяется и строит свою жизнь. Понятие свободы здесь — это понятие осуществления (exercise)» [Тэйлор, 2013: 189].

Негативное определение свободы отсылает нас к понятию «автономия личности». Широкое теоретическое обоснование концепция автономии личности получила в политической философии либертарианства.

Как справедливо отметил Д. Боуз, либертарианцы признают, что отношения между людьми должны быть добровольными, а «единственные действия, которые должны быть запрещены законом, это все то, что подразумевает применение силы против тех, кто сам не применял силу» [Боуз, 2004: 2]. Либертарианская политическая философия, таким образом, сопрягает идею личной свободы с принципом неагрессии.

Еще одним важным термином, который представляет собой своего рода эквивалент понятия «автономия личности», является «самопринадлежность». В либертарианской философии, принципиально сосредоточенной на праве собственности (оно рассматривается как логическое следствие факта владения личностью собой), автономия личности устанавливается только при условии соблюдения права человека на личную собственность. Человек —

А.Ю. Вязинкин
«Суверенная личность»: опыт актуализации и концептуализации понятия

по М. Ротбарду, путь тупиковый, антилибертарианский. Человек не может быть «немного несвободным» или «не полностью свободным». Вместо политической программы М. Ротбард предложил стратегию достижения свободы, которая имела рациональное обоснование и включала следующие незыблемые принципы:

1. Высшая политическая цель — полная свобода;
2. Стремление к справедливости служит моральным обоснованием стратегии освобождения личности;
3. Цель должна быть достигнута максимально эффективными средствами, однако не противоречащими заявленной цели (без полумер и агрессии) [ibid.: 264].

Следует отметить гуманистический пафос мыслителя. Радиализм ротбардианского либертарианства заключается не в экстремальных формах обретения свободы, а в непреклонной настойчивости в достижении поставленной цели, в принципиальном неприятии паллиативов. Так, Ротбард критиковал классических либералов за их политику соглашательства и сговор с государством: «Они сочли, что достаточно защищать уже завоеванное, и в результате из радикалов превратились в консерваторов — в том смысле, что стали заботиться лишь о сохранении статус-кво» [Rothbard, 2009: 18].

Суверенитет личности без автономии невозможен. Это термин, содержательно представляющий собой более емкую обойму способностей, возможностей и прав. Суверенность есть возможность независимой жизни в совокупности со способностью и внутренним сознанием права действовать в направлении творческого преобразования действительности. Иначе говоря, суверенный тип личности выступает в качестве Суверена по аналогии со средневековыми королями-суверенами, обладавшими непреложными правами принятия решения. Сам термин «суверен» происходит от французского «*souverain*», что означает «высший, верховный». Немецкий писатель и мыслитель-эссеист Э. Юнгер писал, что суверенный тип «присваивает авторитет», «он чувствует себя равноправным и среди королей» [Юнгер, 2013: 333, 425]. Таким образом, суверенная личность не только автономна и независима от чужого произвола, но и утверждает себя вне существующего правопорядка и господствует над собой, то есть определяет себя в качестве исключительного субъекта решения.

Автономия же — только часть суверенности, как умение игнорировать чужое мнение — только частный аспект самообладания. Проявлением суверенности будет также и принятие человеком решения о сокращении либо утрате личной независимости. Другое дело, что это решение, по существу, самоубийственное: после приведения решения в исполнение Суверена больше не существует.

А.Ю. Вязинкин
«Суверенная личность»: опыт актуализации и концептуализации понятия

Представление о Суверене как о субъекте решения разработано в политической теории немецкого философа, социолога и юриста К. Шмитта. Согласно его концепции, подлинным Сувереном является тот, кто вводит чрезвычайное положение. В исторический момент, когда нарушается установленный порядок, только Суверен обладает единоличным правом принятия решения. Этот тезис лежит в основе децизионизма — политико-правового учения, утверждающего, что моральные или правовые предписания являются результатом решений, принимаемых политическими акторами. Иначе говоря, право создается Сувереном в чрезвычайных обстоятельствах. В таких ситуациях децизионизм выгодно отличается, например, от парламентарного принципа принятия решений, по мнению его критиков, более медлительного и менее эффективного. К. Шмитт провозгласил приоритет решения над правом: «Каждый порядок покоится на некотором решении <...> и правопорядок, подобно любому порядку, покоится на решении, а не на норме» [Шмитт, 2000: 21]. Если элиминировать этатистские, авторитарные, феодальные акцентуации децизионизма, то мы получим политико-правовую теорию суверенной личности. Суверенная личность не разделяет ни с кем — ни с другими субъектами, ни с политическими институтами — компетенций в отношении своей собственной жизни и ни при каких обстоятельствах не делегирует кому бы то ни было своего права на принятие решений.

Таким образом, к триаде свобод личности, о которых говорилось выше, необходимо добавить понимание личности, обладающей суверенитетом, как субъекта решения.

Суверен как антропологический тип

Фигура суверенной личности может и должна быть предложена как некий антропологический тип, в котором сосредоточены и усилены все необходимые качества свободы воли и духа, сознание своей внутренней независимости и права на внешнюю автономию. Мы используем понятие «антропологический тип» в качестве теоретико-методологического инструмента. Этот термин рассматривается нами не в контексте физической антропологии, а как исторически выкристаллизованный тип, сохраняющий свою духовную идентичность в любой исторической ситуации, в любой социокультурной среде. Иначе говоря, это тип личности, сознающий и действующий в соответствии с тем, что существуют ценности, которые несравненно выше требований времени. В нашем случае уместно обратиться к трактовке близкого понятия,

предпринятой немецким философом Г. фон Кайзерлингом. По его мнению, кристаллизация антропологического типа — важнейший процесс в истории, поскольку именно сильные личности (с незыблемой и неповрежденной идентичностью) способны изменять будущее и совершенствовать себя и общество.

Антропологический тип независимой личности не связан частными предрассудками, но он «может предоставить большую свободу маневра своим индивидуальным задаткам» [Кайзерлинг, 2010: 593]. При этом Г. фон Кайзерлинг различает «эмансипированную посредственность» и личность, «созревшую для свободы». Именно тип личности, созревшей для свободы, выступает у немецкого мыслителя в качестве некоего антропологического идеала. Эта «зрелость», согласно Кайзерлингу, определяется способностью личности к самосовершенствованию вне связей с обществом [там же: 594]. То есть мы наблюдаем у мыслителя не эгалитарное, как у либертарианцев, а элитарное понимание суверенитета личности.

Антропологический тип, по Кайзерлингу, не соотносится (или необязательно соотносится) с сословием или социальным классом. Этот тип личности эксцентричен в том смысле, что не укладывается в прокрустово ложе какой бы то ни было социологической классификации. Его ускользание от статистики — свидетельство колоссального потенциала самоосвобождения, основанием которого является нерасторжимое единство воли и духа, мысли и действия.

Логическим продолжением идей Г. фон Кайзерлинга стала разработка Э. Юнгером проблемы антропологического типа суверенной личности.

Антропологическая катастрофа Второй мировой войны создала предпосылки для новой мировоззренческой оптики. Опыт «внутренней эмиграции» и нарастание технологий контроля, управления и власти национальных государств стали главными отправными точками поиска теории и практики личного суверенитета. В эссе «Уход в Лес» (1951) Э. Юнгер писал о типе одиночки как потенциально наиболее сильной в духовном плане личности. Специфика суверенности в новых исторических реалиях заключается в особом стиле свободы: «Свобода ограничена необходимостью, но все же именно необходимость придает свободе ее стиль» [Юнгер, 2020: 23–24]. Под «необходимостью» здесь понимается ситуация исключительной напряженности во взаимоотношениях человека и общества, человека и государства. Юнгер утверждал, что борьба свободной мысли чаще всего ведется за справедливость, но победа нигилизма нередко приводит к господству

А.Ю. Вязинкин
«Суверенная личность»: опыт актуализации и концептуализации понятия

готовность к сосредоточенности, собиранию себя, готовность принятия решения, и только затем — предмет аналитического рассмотрения. Тем не менее история философской мысли, социальная и политическая философия в исторических условиях, когда многочисленные и многообразные симптомы кризиса создают предпосылки для возникновения нового рабства, должны мобилизовать и спаять свои интеллектуальные и методологические ресурсы с целью разработки и концептуализации понятия «суверенная личность».

* * *

Суверенитет личности в оптике социальной философии, по нашему мнению, представляет собой четырехсоставную амальгаму, объединяющую (добытые личностью) политико-правовые обстоятельства (в том числе, гарантию от произвольного вмешательства и право непосредственного влияния на политическую жизнь общества), нравственную и интеллектуальную самоорганизацию субъекта, психологическую способность решимости и самоопределения личности как исключительного субъекта решения, экономическую автономию. В дискурсе о суверенитете личности следует различать понятия «суверенность» и «автономия». Последнее рассматривается как частное проявление суверенитета, как необходимый, но недостаточный компонент.

Дискурс автономии принимает черты, благоприятные для формирования теории суверенитета личности, в том случае, когда привлекает терминологический аппарат и смысловое содержание методологического индивидуализма. Взаимное дополнение негативной и позитивной свободы дает возможность сочетать автономию личности (в идеологическом плане противостоящую движениям, выступающим за коллективную идентичность) и ее возможность и право творческого самоутверждения в мире, его преобразования. Однако этого недостаточно, если юридическая система сообщества присваивает себе право личности на эксклюзивное принятие решения, определяющего ее жизнь.

В негативном определении свободы в большей степени, хотя и не вполне, выражается автономия, тогда как в позитивном (самостоятельное определение поступков и полагание законов) более выражается суверенность. Социальная свобода, иначе говоря свобода в практическом смысле (как совокупность свобод экономической, политической и нравственной), — понятие нейтральное. Автономия представляет собой в некотором роде пассивное, оборонительное состояние (положение, настроение, самочувствие) свободного, тогда как Суверен не только оборонительно независим,

А.Ю. Вязинкин
«Суверенная личность»: опыт актуализации и концептуализации понятия

но и всегда готов дать отпор чуждым силам, всегда мобилизован для контрнаступления (что, однако, в эгалитарных теориях не означает и не подразумевает его противозаконной экспансии, то есть посягательства на свободную волю другого Суверена).

Суверен, на наш взгляд, должен определяться как антропологический тип независимой (суверенной) личности. Человек, провозглашающий свою самостоятельность, самоопределяющийся как суверенная личность, должен обладать устойчивой идентичностью на фоне любых исторических перемен и культурных инноваций. В этом случае происходит кристаллизация типа, наиболее выразительного в своей суверенности. Будучи скорее теоретической фигурой (фигурой долженствования), нежели эмпирически обнаруженным героем реальной жизни, тип суверенной личности выступает в качестве своеобразного антропологического идеала в дискурсе о суверенитете личности. Именно теоретическая концептуализация понятия «суверенная личность», подразумевающего непреложность ценности свобод человека, необходима для понимания фатальной угрозы: в условиях стремительного процесса глобализации в совокупности с тотальной цифровизацией суверенитет личности, возможно, станет технически невозможным.

“Sovereign Personality”: Experience in Mainstreaming and Conceptualizing the Term

Aleksei Yu. Viazinkin

PhD in Philosophy, associate Professor, of the department “History and Philosophy”.

Tambov State Technical University.

106 Sovetskaya Str., Tambov 392000, Russian Federation.

vyazinkin@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-3821-6168

Abstract. The article presents theoretical experience in solving the socio-philosophical problem of actualization and conceptualization of the term of “sovereign personality”. The author addresses the work of theorists of individual autonomy, who dealt with the problem of the philosophy of freedom, from the age of Enlightenment to the end of the 20th century. These works reveal two different approaches to understanding the sovereignty of the individual: egalitarian, combining social ideas of freedom and equality, and elitist, which is a variant of the theory of exclusive sovereignty. The article substantiates and presents the socio-philosophical formula of sovereignty, based on the three-component composition of individual freedoms and enriched by the theory of self-determination of a person as an exclusive subject of decision. The author sees significant differences between the concepts of “overeign personality” and

“autonomous personality” for this formula. On the example of the discourse on autonomy and the historical and philosophical solution to the problem of defining the concept of “liberty”, fundamentally subordinative relations between sovereignty and autonomy of the individual are revealed. As a theoretical and methodological tool, the concept of “anthropological type” is introduced, which is necessary for understanding the sovereign personality as a specific type, as a kind of anthropological ideal, which has the freedom of maneuver in the development of individual tasks with the aim of freely transforming the world (H. von Keiserling) and following a certain existential code (E. Junger). The development of the theoretical foundations of the principle of sovereignty of the individual is considered by the author as a necessary initial phase of socio-philosophical research relevant in the light of the threats posed to human freedom by the merger of power deprived of humanistic potential and the latest control technologies.

Keywords: sovereign personality; autonomy of personality; anthropological type; anthropological ideal; three concepts of liberty; libertarianism; anarchism.

For citation: Viazinkin A.Yu. “Sovereign Personality”: Experience in Mainstreaming and Conceptualizing the Term // *Chelovek*. 2023. Vol. 34, N 1. P. 149–172. DOI: 10.31857/S023620070024902-9

Литература/References

- Белькович Р.Ю. Кровь патриотов. Введение в интеллектуальную историю американского радикализма. СПб.: Владимир Даль, 2020.
- Belkovich R.Yu. *Krov' patriotov. Vvedenie v intellektual'nuju istoriju amerikanskogo radikalizma* [Patriot blood. Introduction to the intellectual history of American radicalism]. St.-Petersburg: Vladimir Dal ' Publ., 2020.
- Берлин И. Философия свободы. Европа. М.: Новое литературное обозрение, 2001.
- Berlin I. *Filosofija svobody. Evropa* [Philosophy of Freedom. Europe]. Moscow: *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2001.
- Боуз Д. Либертарианство: История, принципы, политика. Челябинск: Социум, Cato Institute, 2004.
- Boaz D. *Libertarianstvo: Istorija, principy, politika* [Libertarianism: History, principles, politics]. Chelyabinsk: Socium, Cato Institute Publ., 2004.
- Бродель Ф. Что такое Франция? Кн.1.: Пространство и история. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1994.
- Braudel F. *Chto takoe Francija? Kn. pervaja: Prostranstvo i istorija* [What is France? Vol. first: Space and history]. Moscow: Izd-vo im. Sabashnikovy Publ., 1994.
- Вязинкин А.Ю. Проблема суверенной личности: историко-философский аспект // Философия в современном мире. Сборник статей VI научных чтений Тамбовского регионального отделения Российского философского общества. Тамбов, 2021. С. 21–29.
- Viazinkin A.Yu. *Problema suverennoj lichnosti: istoriko-filosofskij aspekt* [The problem of a sovereign individual: the historical and philosophical aspect].

А.Ю. Вязинкин
«Суверенная
личность»:
опыт актуализации и концептуализации понятия

- Панкратьев В.В. Феномен суверенной личности: интерпретация философских идей М. Штирнера и Ф. Ницше. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского гос. университета, 2006.
- Pankratiev V.V. *Fenomen suverennoj lichnosti: interpretacija filosofskih idej M. Shtirnera i F. Nicshe* [Phenomenon of the sovereign personality: interpretation of the philosophical ideas of M. Shtirner and F. Nietzsche]. Ulan-Ude: Izdatel'stvo Burjatskogo gosudarstvennogo universiteta Publ., 2006.
- Розанов В.В. Собр. соч. Кн. 2. Литературные изгнанные. М.: Республика; СПб.: Росток, 2010.
- Rozanov V. *Sobranie sochinenij. Literaturnye izgnanniki. Kniga vtoraja* [Collected works. Literary exiles. Second book]. Moscow: Respublika; St.- Petersburg, Rostok Publ., 2010.
- Ротбард М. К новой свободе. Либертарианский манифест. М.: Новое издательство, 2009.
- Rothbard M. *K novoj svobode. Libertarianskij manifest* [For a New Liberty. The Libertarian Manifesto]. Moscow: Novoe izdatel'stvo Publ., 2009.
- Ротбард М. Экономическая мысль: в 2 т. Т.1. М.; Челябинск: Социум, 2020.
- Rothbard M. *Jekonomicheskaja mysl': v 2 t. Vol. 1.* [Economic thought: in 2 vols.]. Moscow; Chelyabinsk: Socium Publ., 2020.
- Тэйлор Ч. Что не так с негативной свободой? // Логос. 2013. № 2 (92). С. 187–207.
- Taylor Ch. *Chto ne tak s negativnoj svobodoj?* [What's wrong with negative freedom?]. *Logos*. 2013. N 2(92). P. 187–207.
- Фролов Э.Д. Бенжамен Констан и рождение современной концепции античного гражданского общества // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. История. 2011. Вып. 3. С. 50–61.
- Frolov E.D. *Benzhamen Konstan i rozhdenie sovremennoj koncepcii antichnogo grazhdanskogo obshhestva* [Benjamin Constant and the birth of the modern concept of ancient civil society]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*. Ser. 2. Istorija. 2011. Вып. 3. P. 50–61.
- Шмидт К. Политическая теология. М.: КАНОН-пресс-Ц, 2000.
- Schmitt C. *Politicheskaja teologija* [Political theology]. Moscow: KANON-press-C Publ., 2000.
- Юнгер Э. Эвмесвиль. М.: Ад Маргинем Пресс, 2013.
- Junger E. *Jevmesvil'* [Eumesville]. Moscow: Ad Marginem Press Publ., 2013.
- Юнгер Э. Уход в Лес. М.: Ад Маргинем Пресс, 2020.
- Junger E. *Uhod v Les* [Going to the Forest]. Moscow: Ad Marginem Press Publ., 2020.
- Butler A.C. Josiah Warren and the Sovereignty of the Individual. *The Journal of Libertarian Studies*. Fall 1980. Vol. IV, N 4. P. 433–448.
- Cogitations from Albert Jay Nock. Irvington-on-Hudson, New York: The Nockian Society, 1985.
- Cohen G.A. *Self-Ownership, Freedom, and Equality*. Cambridge: Cambridge University Press, 1995.
- Ilievski N.L. *The Individual Sovereignty: Conceptualization and Manifestation*. *Journal of Liberty & International Affairs*, 2015. N 1(2). P. 23–38.

А.Ю. Вязинкин
«Суверенная личность»: опыт актуализации и концептуализации понятия

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

DOI: 10.31857/S023620070024835-5

©2023 М.И. ФРОЛОВА

ХРУПКОСТЬ ЖИЗНИ В УСЛОВИЯХ НОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ



Фролова Мария Ивановна — научный сотрудник сектора гуманитарных экспертиз и биоэтики. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240 Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1. mariafrolova1@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-5292-8359

В ноябре 2022 года в Институте философии РАН прошла ежегодная международная конференция «Хрупкость жизни в условиях новой реальности» — XXII Чтения памяти академика Ивана Тимофеевича Фролова (1929–1999). Несколько последних конференций проекта Фроловских чтений посвящены разработке тематики «новой реальности», в которую вступает человечество. Происходят стремительные изменения во всех основных сферах жизни людей. Человечество должно научиться жить в постковидной реальности, адаптироваться к опережающим воображение технологиям, осмыслить контуры изменения глобального миропорядка и при этом сохранить свою человечность, чтобы новая реальность все же осталась человеческой реальностью. Подобная тематика логически вытекает из философского дискурса текстов И.Т. Фролова, главным нервом которых была именно проблема «человек, общество и новые технологии».

Формулировка темы прошедшей конференции взята из совместной публикации И.Т. Фролова и директора Международного института жизни М. Маруа. На рубеже противостояния Запада и Советского Союза в 1984 году они организовали в Швейцарии международный симпозиум советских и западных ученых

Чл.-корр. РАН Р.С. Гринберг предварил свое выступление, сказав, что он и И.Т. Фролов имели во многих чертах сходное мировоззрение, которое отличает реформистский подход к социальным процессам и общие методологические подходы, ориентированные на комплексное взаимодействие философии и наук, в частности экономической науки. Самую важную проблему Р.С. Гринберг видит в тотальной маркетизации человека и господстве монетократии, ставшей результатом победы неолитерализма в конце 1970-х годов. В «золотой век» послевоенных десятилетий был создан средний класс как в капиталистическом, так и в социалистическом мире. Но сменившая «общество всеобщего благосостояния» тотальная рыночность обнаружила свою антигуманность и потому пагубность. Сегодня есть понимание того, что необходим отказ от рыночного фундаментализма, но и сопротивление такой смене парадигм огромно. Особую опасность представляет деструктивный, то есть избыточный консьюмеризм, приводящий к растрате ресурсов человечества. Какова разумная альтернатива, как разрешить конфронтацию индивидуализма и холизма? Намечаются некоторые контуры новой экономической модели мира, возвращение к модели социальной рыночной экономики в социально-экологической форме при усилении наднациональных форм регулирования. Переход к новой модели тормозится из-за нарушения баланса сдержек и противовесов в системе управления в сторону усиления исполнительной власти и снижения демократичности политических систем и укрепление авторитарного тренда.

Акад. В.А. Лекторский обратил внимание на парадокс: установка Нового времени на то, чтобы взять под контроль процесс развития, была призвана обеспечить стабильность, но именно активное вмешательство человека приводит к дестабилизации социоприродной системы. В этих условиях популярной становится идея добровольной подконтрольности человека Искусственному интеллекту, который не ошибается. Популяризируется идея «цифрового бессмертия». Но футурологические проекции, абсолютизирующие электронные технологии, плохо совмещаются с фундаментальными правами человека. Свое слово здесь должна сказать философия. Напомнив о введенном Н. Талебом понятии антихрупкости как планируемой многовариантности, амортизирующей неизбежные ошибки и потери, докладчик подчеркнул, что гибкость и приспособляемость в случае человека имеет смысл, только если человек сохраняет свою идентичность, такие фундаментальные качества, как свобода выбора, моральная ответственность, взаимопонимание. Но все эти качества — хрупкие!

Чл.-корр. РАН О.В. Гаман-Голутвина применила понятие «хрупкости» в соотношении с понятием силы в отношении

М.И. Фролова
Хрупкость
жизни в ус-
ловиях новой
реальности

политических институтов. Глобализация и постмодернизм бросили вызов национальному государству. О.В. Гаман-Голутвина остановилась на концепциях состоятельного государства и слабого, провалившегося государства, генерирующего риски. Эрозия государства не укрепляет демократию. Революция в политологической теории государства связана с переходом к его пониманию как поставщика услуг — одного из элементов рыночного корпоративного управления. Уход от социального понимания государства означает снижение степени его ответственности перед обществом. Слабые государства воспроизводят «мировой беспорядок» (по З. Бауману). Вместе с тем корпоративная модель государства усиливает власть наднациональных и транснациональных структур, поэтому за кажущимся усилением хаоса проступает вполне определенная логика, в которой работают уже совсем иные критерии эффективности государства. Особое значение для измерения эффективности государств в условиях исчерпанности ресурсов приобретают нематериальные активы. К ним относятся не только продукты цифровизации, но и человек как субъект производства, меняющийся под воздействием когнитивных и биотехнологий.

Д-р физ.-мат. наук Г.Г. Малинецкий вернулся к фигуре Н. Талеба, обратившись к другой его метафоре — «черного лебедя», то есть к удачной случайности, меняющей мировую историю. К таким случайностям относятся не только природные и социальные события, но и открытия человеческого гения. Если научиться вовремя замечать и раскручивать гениальные нововведения, мы найдем путь к повышению устойчивости развития человеческой цивилизации. Поэтому прав был И.Т. Фролов, когда говорил, что основной проблемой Академии наук должна стать проблема человека. Фроловская идея Института человека — не позади, а впереди.

Д-р экон. наук А.В. Бузгалин напомнил о марксистских истоках и существовании разработанной И.Т. Фроловым концепции человека. Эти идеи, по мнению докладчика, сохраняют свою актуальность в эпоху глобальных перемен, ведущих к «новой реальности».

Д-р психол. наук Т.А. Нестик отметил важность поддержания гуманистической традиции И.Т. Фролова при изучении современного общества, которое переживает трудноконтролируемые риски. В психологическом сознании людей доминирует неуверенность в том, что государственные институты могут их защитить от природных и антропогенных угроз. В результате в период пандемии в динамике массового сознания усилились внешне противоположные процессы: росла степень групповой сплоченности и одновременно — тревожность, недоверие к людям, снижалась ориентация на учет долгосрочных последствий. Ощущение непредсказуемости мира, утраты контроля над происходящим компенсировалось

возрастанием интереса к конспирологическим теориям, которые предлагают простые объяснения. Обострившееся ощущение реальной близости смерти вследствие пандемии, санкций и военных угроз продуцирует в обществе запрос на авторитарность и гиперидентичность.

Тему взаимовлияния социальных процессов и психических настроений продолжила канд. филос. наук В.И. Сороковикова, остановившись на источниках социального оптимизма и пессимизма и их эволюции в Новое время от оптимизма XVIII и XIX веков к пессимизму XX-го. Социальные катаклизмы первой половины XX века обернулись усилением иррационалистических течений. Во второй половине XX века пришел черед экологического алармизма. На рубеже XXI века источником социального оптимизма стала медиализация общества.

Доклад д-ров филос. наук Б.И. Пружинина и Т.Г. Щедриной был посвящен ускорению течения социального времени в условиях «новой реальности»: стремительно меняются быт, технологическая среда, политические ситуации. В условиях цивилизационных перемен важен фактор исторической памяти, который возвращает человека к исходным основам его видения мира. Обращение к архивам позволяет по-новому объяснить прошлое и понять происходящее.

Д-р филос. наук Е.Н. Гнатик выразила обеспокоенность усилением влияния конвергентных технологий на мировоззрение современного человека путем явной либо завуалированной пропаганды идеологии транс- и постчеловеческого существования. Разрабатываются высокотехнологичные системы социального контроля и методики программирования поведения людей. Главными бенефициарами технологий переделки человека и переустройства общества являются технократы, представляющие транснациональные корпорации. Реальная цель создания биотехнологических устройств не в том, чтобы облегчить жизнь больным. Главные цели — достижение господства над структурой вещества и над человеком методами робототехники, информатики, биокибернетики и генной инженерии. Приведут ли эти методы к созданию суперлюдей, как заявляют те, кто ставит такие цели? Нет. Но создать системы типа «мозг человека — компьютер» с обратной связью для управления человеком возможно. Особенно если с раннего детства формировать у новых поколений приоритет виртуального мира над реальным, приоритет имитации деятельности и мышления. Реальная цель — не облегчение жизни человека, и даже не подчинение человека машине, а подчинение человека человеку через полный контроль посредством «машины».

М.И. Фролова
Хрупкость
жизни в ус-
ловиях новой
реальности

Интеллект будет использоваться как корректор поведения людей и как суррогат личности.

Канд. филос. наук В.П. Веряскина поставила вопрос о жизни как ценности в современном мире. Очевидно, что эта ценность не столь высока, а потому встает проблема уменьшения уязвимости и формирования жизнестойкости человека в условиях «новой реальности». Кризис общества наемного труда превращает безработицу в глобально-антропологическую проблему дезаффилиции значительного числа людей.

Канд. филос. наук А.Д. Королев сопоставил тезис В.И. Вернадского о прочности живой материи с тезисом И.Т. Фролова о хрупкости жизни. Живую материю отличают экспансия и непредсказуемость. Ослабление этих характеристик означает истощение энергетической мощи биосоциальных сообществ.

В докладе *д-ра биол. наук Л.Ф. Курило* говорилось о влиянии состояния окружающей среды на репродуктивную функцию человека. Мониторинг показывает, что концентрация опасных химических выбросов в атмосфере и почве, включая токсичные канцерогены, достигла критического уровня. Свою негативную роль в репродукции играют также антибиотики, алкоголизация и курение.

Ряд докладов был посвящен глобальным проблемам. *Д-р филос. наук И.Ф. Кефели* подчеркнул актуальность идей И.Т. Фролова о хрупкости жизни для философии безопасности, и, в частности, для теории асфатроники. Когда в практику входят когнитивные технологии, позволяющие манипулировать человеком, хрупкость жизни из метафоры становится вопросом мировой повестки. *Д-р филос. наук О.В. Плебанек* поставила вопрос об антропологических рисках цифрового поворота глобального общества (рост агрессивности и терроризма, феномены чайлдфри, легализация ЛГБТ, метросексуальность). *Д-р филос. наук В.Г. Буданов* посвятил выступление проблеме смены технологического уклада, связанного с появлением Искусственного интеллекта, о социальных последствиях внедрения таких форм ИИ, как нейросеть. Перспектива связана с заменой на ИИ многих типизированных видов интеллектуальной деятельности человека. Докладчик провел параллель между ИИ и первобытным мышлением по принципам их построения. *Канд. филос. наук Л.Д. Рассказов* говорил об актуальности концепции глобальных проблем И.Т. Фролова для поиска путей выживания человечества. *Канд. филос. наук А.А. Гезалов* в докладе об экологических проблемах эпохи глобализации обратился к идее И.Т. Фролова о комплексном характере связи экологических проблем с проблемами мира и разоружения. *С.В. Потанов* отметил, что при решении глобальной демографической проблемы возрастает значение правового регулирования

семейно-родительских отношений, в котором права человека не должны доминировать над его обязанностями.

В некоторых докладах были затронуты проблемы гуманизма и комплексного исследования человека. *Канд. психол. наук Г.Б. Степанова* напомнила о гуманистической философии *И.Т. Фролова*, в которой было сформулировано положение об амбивалентном характере технологий как источнике блага и опасностей для человека. *Д-р филос. наук И.А. Бирич* говорила о важности гуманистических идеалов в комплексном изучении искусства в эстетике, литературоведении и психологии. Продолжил тему *канд. филос. наук Л.Ю. Писарчик*, рассказавший о новаторских идеях *И.Т. Фролова* о комплексном взаимодействии искусства, науки и философии, об аксиологическом измерении научного познания на всех этапах процесса получения нового знания. В докладе *канд. мед. наук М.А. Пронина* и *О.Н. Раева* были рассмотрены проблемы виртуалистики как комплексной дисциплины. Виртуальные изображения создаются деятельностью мозга, либо средствами аудиовизуальных технологий. Главная проблема — демаркации реальности и виртуальности. *Канд. филос. наук Е.И. Ярославцева* отметила жизненность проекта Института человека, выдвинутого *И.Т. Фроловым*.

Блок докладов по биоэтической проблематике открыла *д-р филос. наук О.В. Попова*, которая охарактеризовала роль пациентских организаций в их взаимодействии с наукой. Докладчик считает, что в процессе вовлечения непрофессионалов в производство знания наука демократизируется, появляются неакадемические формы получения знания и организации науки. В последние десятилетия это стало основой движения «Граждане науки» и идеологии «Do it yourself» в биомедицине, суть которой в отказе от монополии специалистов на информацию и биоматериалы. В этих условиях источником производства знаний становятся социальные сети, где происходит молниеносный обмен информацией и работает феномен «цифровой надежды». *Канд. филос. наук И. Р. Камалиева* остановилась на вопросах достоинства человека в условиях медиализации и цифровизации культуры. В наше время размываются экзистенциальные и антропологические границы человека, образ человека моделируется и конструируется посредством медицинских и цифровых технологий на основе социокультурных запросов. Вопрос в том, в какой мере люди осознают происхождение побуждающих их к действию запросов. На их формирование решающее влияние оказывают процессы монетизации ценностей и культуры. *Канд. филос. наук А.В. Антипов* продолжил тему медиализации социальности. Коммерциализация заботы о здоровье способствует ориентации медицины на вопросы предварительной

М.И. Фролова
Хрупкость
жизни в ус-
ловиях новой
реальности

диагностики заболеваний, возможных у данного индивида в будущем. Ответственность за риски развития возможных патологических состояний его организма ложится теперь во многом на самого человека. Докладчик также обратил внимание на то, что ориентация поведения на возможности гаджетов может снижать степень адаптации к социальной среде.

В ходе Чтений прошла презентация двух книг. Первая из них — «Время решающих перемен: “звездный час” науки?» — издана по итогам XXI Фроловских чтений и посвящена научным, социальным и этическим проблемам применения НБИКС-технологий, глобальным трансформациям постковидной реальности, влиянию Интернета на мышление современного человека, соотношению нравственности и познания, этике генетики и нейроэтики. Знак вопроса в заглавии книги приглашает к дискуссии по этим вопросам философов, биологов, генетиков, социологов, психологов, медиков. Основой для диалога выступает гуманистический подход к решению общечеловеческих проблем, у истоков которого в нашей философии стоял академик И.Т. Фролов [Время, 2023].

Вторая книга — сборник работ И.Т. Фролова «О смысле жизни, о смерти и бессмертии человека» — подготовлена Группой по изучению творческого наследия академика И.Т. Фролова Института философии РАН и вышла в серии «Из наследия И.Т. Фролова». В книге собраны работы И.Т. Фролова, посвященные проблеме смысла жизни, смерти и бессмертия человека. В свое время они стали прорывом к экзистенциальной проблематике в советской философии. В книге освещаются нравственно-философские вопросы смысла человеческой жизни на основе исторических традиций русской и мировой культуры. Впервые публикуются философские притчи — к этому уникальному жанру И.Т. Фролов обратился в последние годы жизни. Книга рассчитана не только на специалистов, но и на широкий круг читателей [Фролов, 2022].

Во многих докладах была высказана мысль о возрастающей актуальности тематики «человек и новые технологии», путь которой в нашей науке и философии проложил И.Т. Фролов. В силу комплексного характера самого предмета изучения, Фроловские чтения привлекали и продолжают привлекать новых участников, представляющих различные дисциплины, но обеспокоенных одними и теми же глобальными проблемами, решение которых выходит за рамки отдельных дисциплин. Совмещение образов человека, генерированных в этих дисциплинах, создает стереоскопический эффект, вывечивая междисциплинарные связи и создавая уникальный эффект понимания.

Литература/ References

Время решающих перемен: «звездный час» науки? / отв. ред. Г.Л. Белкина; ред.-сост. М.И. Фролова. М.: КАНОН+, 2023.

Vremya reshayushchikh peremen: «zvezdnyĭ chas» nauki? [The time of decisive changes: the “finest hour” of science?], execut. ed. G.L. Belkina; comp. M.I. Frolova. Moscow: KANON+ Publ., 2023.

Маруа М., Фролов И.Т. Хрупкость жизни // Новое время. 1987. № 50. С. 39–41.

Marua M., Frolov I.T. Khrupkost' zhizni [The fragility of life]. *Novoye vremya*. 1987. N. 50. P. 39–41.

Фролов И.Т. О смысле жизни, о смерти и бессмертии человека / отв. ред. Г.Л. Белкина; ред.-сост. М.И. Фролова. М., ЛЕНАНД, 2022.

Frolov I.T. *O smysle zhizni, o smerti i bessmertii cheloveka* [On the meaning of life, on the death and immortality of man], execut. ed. G.L. Belkina; comp. M.I. Frolova. Moscow: LENAND Publ., 2022.

М.И. Фролова
Хрупкость
жизни в ус-
ловиях новой
реальности

©2023 Е.Л. СКВОРЦОВА

**ТАТЬЯНА ГРИГОРЬЕВА. «МОЯ ДУША
СВЕТ ЯСНЫЙ ИЗЛУЧАЕТ»: РАЗМЫШЛЕНИЯ
О ЯПОНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ.
МОСКВА; САНКТ-ПЕТЕРБУРГ: ЦЕНТР
ГУМАНИТАРНЫХ ИНИЦИАТИВ, 2023. 564 с.**

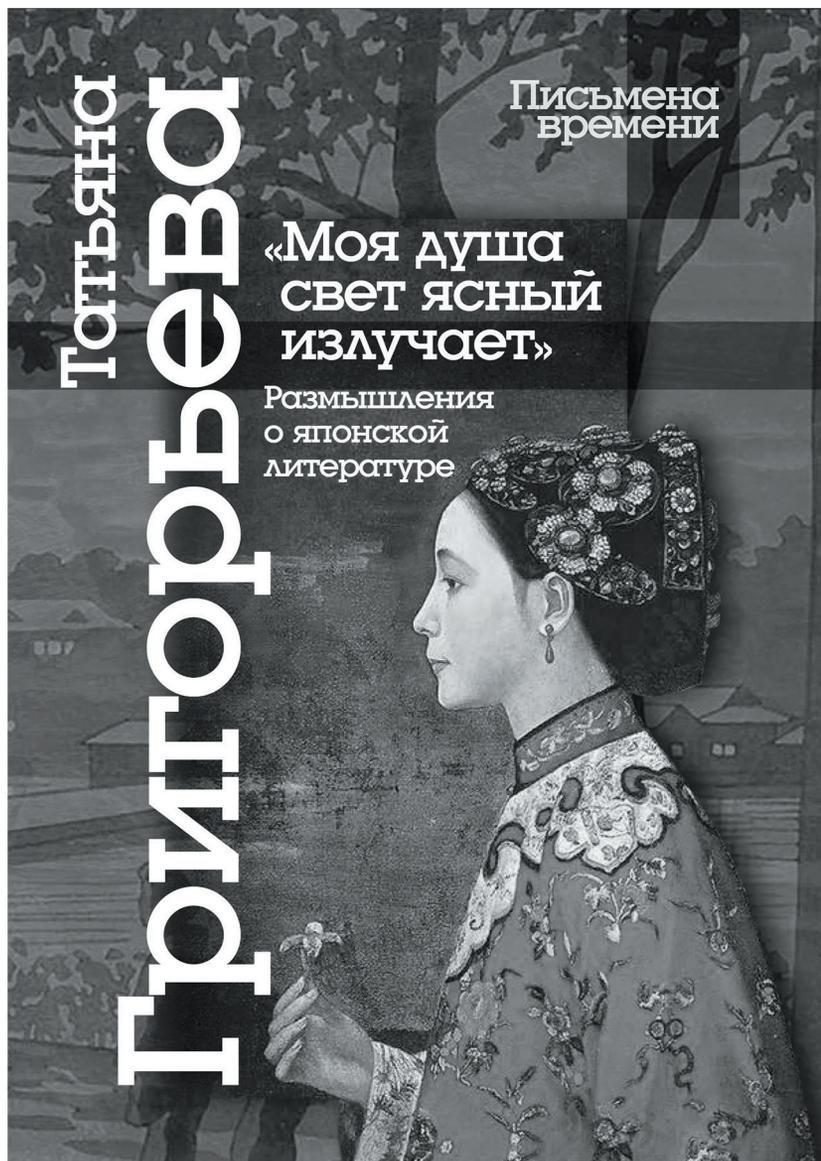


Скворцова Елена Львовна — доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН.

Одинокая странница в японской духовной культуре

Институт научной информации по общественным наукам РАН и издательство «Центр гуманитарных инициатив» сделали роскошный подарок всем любителям японской культуры, опубликовав книгу работ выдающегося отечественного знатока духовной традиции Страны восходящего солнца Татьяны Петровны Григорьевой (1929–2014) — филолога, философа, буддолога, литературоведа, а также превосходного переводчика японских литературных произведений.

Через всю свою жизнь она пронесла редкий дар — дар независимости от суетных, сиюминутных жизненных обстоятельств, выступая постоянным творцом новой научной реальности. Она подарила радость общения и духовно обогатила своими текстами самых разных людей: от физиков-теоретиков до филологов и



Е.Л. Скворцова
Татьяна Григорьева. «Моя душа свет ясный излучает»: размышления о японской литературе.

культурологов. Заслуженный деятель науки РФ, действительный член Общественной Академии эстетики и свободных искусств, профессор, доктор филологических наук, автор сотен академических статей и десятка монографий, главный научный сотрудник Института востоковедения, Татьяна Петровна олицетворяла собой образ Ученого с большой буквы.

Т.П. Григорьева продолжила деятельность блестящей плеяды отечественных востоковедов: Н.А. Невского, Н.И. Конрада, В.И. Алексеева, Ф.И. Щербатского и О.О. Розенберга. Ее главная

■■■■■■■■■■
**ОБЗОРЫ И
РЕЦЕНЗИИ**
■■■■■■■■■■

книга, «Японская художественная традиция», посвящена философскому анализу традиционной эстетики Японии, японской философии красоты. Оставаясь японоведом, Татьяна Петровна уделила пристальное внимание изучению культурной традиции Китая: в книге «Китай, Россия и Всечеловек» она подняла вопрос о соотношении нового типа западной науки — синергетики и важнейшего понятия восточной традиции — Дао, а в многотомном издании «Синергетическая парадигма» она предложила синергетическую модель японского национального мировоззрения и рассмотрела проблему Хаоса и Гармонии. Работы Т.П. Григорьевой не просто открывают нам окно в неведомые доселе миры, но стыкуются ключевые понятия Востока и Запада, Дао и Логоса.

Первые страницы рецензируемой книги посвящены известному писателю Куникида Doppo (1871–1908). Автор приводит вопросы, которыми тот задавался на протяжении всей жизни: как избавить человека от страданий, как помочь ему найти себя, как одолеть недуг, заставивший его забыть о Вселенной, о Природе, о человеческом назначении? Как изгнать всепоглощающую страсть к власти и обогащению? Как развязать глаза, завязанные привычкой? Как вывести человека из состояния оцепенения, полудремоты, научить чувствовать, переживать, удивляться? И Григорьева пытается найти ответы на них вместе со своим героем. Писатель заявлял: «Я хочу быть детищем Вселенной. Разговаривать со звездами, разговаривать с месяцем. Самому увидеть прошлое, самому увидеть будущее... Услышать зов мира, прочесть великую книгу Жизни».

Фрагмент, посвященный жизни и творчеству Куникида Doppo, Т.П. Григорьева завершает словами: «Кредо писателя: “Идеал творчества – Красота, но, если произведение описывает вещи, далекие от действительности, оно не взволнует читателя”. Если ранние рассказы Doppo ближе к традиционному стилю — по настроению, мироощущению, то последние необычны для японской литературы. Doppo был первым. Еще не отточена техника, не было навыка, но рассказы Doppo берут за душу своей прозрачностью. Кто-то удачно сравнил их с полевыми цветами. Как ни был труден путь Doppo, он шел по нему, не переставая думать о человеке, — облегчить его участь, пробудить его душу».

Внушительный объем книги занимает раздел «Японская литература XX века (традиции и современность)». Здесь автор рассказывает и о традиционной основе классических художественных произведений, и о том, как зарождалась современная литература Японии, что сохранилось в ней от былых времен, что появилось нового. Но прежде, уведомляет читателя Т.П. Григорьева, «хотелось бы выделить те проблемы, которые в настоящее время волнуют честных людей планеты: что происходит с человеком и что

ждет его в будущем, зависит ли это будущее от его сознательной воли, способности понимать происходящее или нет; какие формы социальной организации дают простор его духовному росту; как сохранить мир, предотвратить катастрофу самоуничтожения?». Как видим, вопросы, поставленные тридцать лет назад, остаются актуальными и в наши дни. Татьяна Петровна пишет о засилье массовой культуры, тотальной «заорганизованности» обезличенных индивидуумов, господстве усредненного человека, утратившего власть над собой, «производстве сознания» и «массовых психозах», страхе перед непредсказуемостью событий, жертвой которых в любой момент может стать человек. Все эти явления есть и в Японии. Отсюда небывалое смущение в умах, отчаяние, нигилизм, чувство неуверенности в будущем, в разумности мира.

Предваряя рассказ о современных произведениях японской литературы, автор обращает внимание на тот факт, что без знания традиционных взглядов японцев — синтоизма, конфуцианства и буддизма, трудно понять причину устойчивости художественной формы. Традиционные учения веками влияли на сознание японцев в качестве формообразующего начала. Не зная того, что из глубин памяти пробуждается в сознании, трудно понять и литературу наших дней. Интерес к прошлому естествен. Разрыв связи прошлое — настоящее разрушает тот духовный субстрат, без которого нация сходит на нет. Три века назад известный всему миру японский поэт Мацуо Басё говорил: без неизменного (*фуэки*) нет Основы, без Изменчивого (*рюко*) нет обновления, лишь в единстве того и другого рождается истинное искусство.

В своей монографии Т.П. Григорьева анализирует тексты многих японских прозаиков и поэтов. В поле зрения автора попадает литературное наследие таких крупных творцов, как Цубоути Сее и Акутагава Рюноскэ, Котоку Сюсуй и Екомицу Риити, Нацумэ Сосэки и Кавабата Ясунари, Нагаи Кафу и Сига Наоя, Танидаки Дзюнитиро, Ямамото Суюро и Минамото Юрико, Дадзай Осаму и Таками Дзюн, Кора Румико и Симадзакэ Тосон, Оэ Кэндзабуро, Ясуси Иноуэ, Кикиути Кан, Таками Дзюн и Абэ Кобо. При этом она свободно апеллирует к Мэн Цзы и Конфуцию, Библии и Рабиндранату Тагору, Гераклиту и Протагору, Карлейлю и Нильсу Бору, широко пользуясь их учениями и мыслями. Исследовательница приходит к выводу, что «В XX веке меняется отношение человек — мир: наблюдатель становится частью наблюдаемого. Физики открывают законы единства пространства — времени, световой волны и корпускулы, осознается универсальность принципа дополнительности. Меняется мышление: от альтернативного подхода — “или то, или это” к целостному — “и то, и это”. Видимо, уже не имеет смысла доказывать насыщенность

Е.Л. Скворцова
Татьяна Григорьева. «Моя душа свет ясный излучает»: размышления о японской литературе.

■■■■■■■■■■
**ОБЗОРЫ И
РЕЦЕНЗИИ**
■■■■■■■■■■

целостного подхода, но он предполагает освоение методологии Целого, как организующего начала».

Завершается книга интереснейшим приложением ««Японцы и русские» (попытка психоанализа). Здесь, в частности, звучит актуальное признание автора: «Мне уже приходилось сравнивать человеческую историю с огромной Горой. Народы, исповедующие разные религии, приверженные разным обычаям, шли по разным склонам одной горы, не видя друг друга, и каждый думал, что лишь его Путь верен. Доступны были горизонтальные связи: люди воевали или торговали, но не представляли, что одновременно восходят по вертикали, несмотря ни на что. Дойти до вершины, где исчезают грани между божественным и земным, можно лишь своим Путем, пройдя его сполна. Каждому народу будет что сказать на вершине, если он не погубил или не дал погубить свою душу. Зато на вершине, там, где исчезнут естественные преграды, каждый увидит другого и поймет, что шли они разными путями, но к одной цели, и что не напрасны были их усилия».

Я уверена, столь же ненапрасной была и вся жизнь замечательного ученого-гуманиста, нашего талантливой современника Татьяны Петровны Григорьевой.

©2023 А.Р. АПРЕСЯН

ЦИФРОВОЕ ИСКУССТВО. ЧТО ПРЕДСКАЖЕТ «ОРАКУЛ» МАЙКА ВИНКЕЛЬМАНА?



Апресян Армен Рубенович — кандидат философских наук, доцент кафедры эстетики философского факультета.

Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова

Российская Федерация, 119991 Москва, Ленинские горы, д. 1.

armapr@gmail.com

От редакции

В последнее время посетители выставочных залов, художники и кураторы, работники музеев и, конечно же, игроки художественного рынка спорят о том, какое место цифровое искусство занимает в современном художественном пространстве?

По определению специалистов галереи Тейт, одного из крупнейших музеев мира, термин «цифровое искусство» служит для описания искусства, созданного или представленного с использованием цифровых технологий. Проблема заключается в том, что подобные технологии не просто дают художникам широчайшие возможности для творчества, но и зачастую не позволяют однозначно определить соотношение усилий собственно художника и результатов работы программного обеспечения. Возникает вопрос, уместно ли считать полноценным автором художественного произведения человека, или окончательный результат в большей степени является результатом действий программы?

В 2023 году мы решили проиллюстрировать каждый номер нашего журнала работами наиболее ярких художников,

отказавшихся от традиционных техник творчества, и в то же время подумать, насколько человечна цифровизация искусства?

Что предскажет «Оракул» Майка Винкельмана?

Весной 2021 года весь мир обсуждал имя художника Майка Винкельмана, известного в Сети под псевдонимом Beeple. Он стал первым художником, чье цифровое произведение было продано на торгах крупнейшего мирового аукционного дома Christie's за немислимые прежде 69,3 миллиона долларов. Название работы — «Каждый день: первые 5000 дней» имеет смысл воспринимать буквально: публике был представлен коллаж из 5000 цифровых изображений, которые художник создавал ежедневно на протяжении нескольких лет.

Казалось бы, в последние десятилетия столь значительные суммы — не редкость для мирового художественного рынка, однако впервые в истории несколько десятков миллионов долларов были уплачены за произведение искусства, которого физически не существует, а его уникальность и право владения удостоверяет лишь связанный с изображением NFT — невзаимозаменяемый токен, фактически цифровой код, содержащий необходимую информацию. Неудивительно, что подобное событие вызвало заметный интерес множества арт-критиков и журналистов всего мира, но особенного внимания заслуживает тот факт, что при этом практически никто из авторов публикаций не анализировал художественный язык или концепции Винкельмана: его произведение оказалось интересным именно с точки зрения коммерческого успеха.

Пожалуй, единственным критиком, который попробовал разоблачить его творчество, стал Уил Гомпертц, который с 2009 года возглавляет отдел искусств ВВС, а до этого в течение семи лет работал директором по медиатехнологиям лондонской галереи Тейт, одного из наиболее влиятельных музеев современного искусства в мире. По результатам опроса, организованного нью-йоркским журналом Creativity Magazine, Гомпертц вошел в список «50 самых креативно мыслящих людей мира». Помимо этого, он получил широкую международную известность благодаря своей книге «Непонятное искусство. От Моне до Бэнкси», в которой представил весьма оригинальный обзор истории искусства последних полутора сотен лет.

Критик предлагает попытаться на время забыть о деньгах и рассмотреть «Первые 5000 дней» как произведение изобразительного искусства, а не как весьма удачно проданный товар или, например, инвестицию в произведения искусства. Уил Гомпертц

отмечает, что стилистически работы Винкельмана напоминают иллюстрации к фантастической литературе или даже комиксы, и в этом контексте они, безусловно, хороши и вполне соответствуют многолетней традиции. В то же время художник нередко реагирует на новостную повестку. Так, в работах 2020 года он обращался к наиболее актуальным темам борьбы с коронавирусом и самоизоляции. Однако всего этого явно недостаточно, чтобы говорить о каком-то «художественном феномене». Обращая внимание на то, что Винкельман с удовольствием интегрирует в свои работы товары массового потребления и узнаваемые бренды, Гомпертц считает допустимым говорить о прямой связи с поп-артом — ведь Энди Уорхол, которого справедливо считают создателем и наиболее ярким представителем этого направления, вдохновлялся знакомыми массовому зрителю образами потребительской культуры.

По большому счету, главное отличие Beeple в том, что он создает свои произведения, используя инновационную технику: замена кисти и красок на планшет, отказ от традиционных материалов позволяют существенно ускорить процесс, и это оказывается весьма существенным в наше стремительно меняющееся время. Конечно, внимательный зритель может обратить внимание на то, что работы Винкельмана довольно поверхностны, им не хватает глубокой психологической насыщенности, которую можно найти в картинах других — более традиционных — художников.

Если согласиться с тем, что Винкельман является продолжателем традиции Уорхола, то можно найти немало самых разных параллелей в их творчестве. Уорхолу удалось запечатлеть в своих произведениях эпоху 1960-х годов прошлого века. Можно сколько угодно иронизировать над эстетикой Винкельмана, но и ему в какой-то степени удалось стать воплощением эпохи 2020-х.

В книге «Американские образы: эпическая история искусства в Америке» критик Роберт Хьюз справедливо указывает на то, что Энди Уорхол создал искусство, которое являлось органичной частью повседневности. Произведения искусства перестали быть неким особым классом вещей, несущих на себе печать глубины и значительности: с подачи Уорхола искусством могло быть объявлено что угодно в любой удобный для художника момент. Цель стать знаменитым и разбогатеть стала для художника столь же правомерной, как самосозерцание. Подобно Уорхолу, Винкельман объявляет произведениями высокого искусства объекты, традиционно подобным образом не рассматривавшиеся, и здесь не возникает сомнений в корректности сравнения двух художников.

В то же время необходимо отметить важный момент. Сегодня исследователи нередко говорят о «пустоте» творчества Уорхола. Фредрик Джеймисон в работе «Постмодернизм, или Культурная

А.Р. Апресян
Цифровое искусство. Что предскажет «Оракул» Майка Винкельмана?

местом, где авторы знакомят публику со своими новыми произведениями и рассказывают о своих замыслах. Однако в отличие от многих коллег, Винкельман не рассказывает о своих идеях, игнорируя прямые вопросы от пользователей, что именно он хочет сказать той или иной работой, оставляя поле для появления самых разных гипотез.

Большинство подписчиков склоняются к мысли о том, что в этой работе Веерле обращается к теме противостояния художника и искусственного интеллекта — это проблема приобрела особенную остроту в последние месяцы, по мере стремительного развития нейросетей, способных генерировать изображения, основываясь на текстовых запросах пользователей.

Кто именно является автором изображений — искусственный разум или же человек, вводящий запрос? Одни полагают, что искусственный интеллект — всего лишь очередной инструмент, с помощью которого работает художник, и его появление можно сравнить, скажем, с изобретением плоских кистей из жесткой щетины, которые позволили живописцам писать пастозно, нанося на холст плотные слои краски, что способствовало более рельефной поверхности картин. В то же время другие считают, что искусственный интеллект ведет к смерти художника — ведь с его появлением задача автора сводится лишь к поиску и набору необходимых слов...

После первых рекордных продаж эксперты разделились на два лагеря: одни утверждали, что за цифровым искусством будущее, другие говорили о том, что это лишь кратковременная мода. Что будет дальше, покажет время, однако пока можно говорить, что правы оказались пессимисты. Как заметила российский эксперт Анастасия Скрынникова, к осени 2022 года объемы торгов уникальными цифровыми произведениями искусства снизились на 97%, также, судя по числу запросов об NFT в Сети, значительно снизился интерес к таким работам. Может быть, именно поэтому «Оракул» Винкельмана находится внутри пузыря, готового лопнуть в любой момент?

Судя по всему, предсказание этого Оракула может оказаться в меру оптимистичным для художников, предпочитающих традиционные технологии для творчества.

А.Р. Апресян
Цифровое искусство. Что предскажет «Оракул» Майка Винкельмана?

Научный журнал

Человек

2023. Том 34, номер 1

Учредители: *Российская академия наук, Институт философии РАН*

Издатель: *Российская академия наук*
119071, Москва, Ленинский пр-кт, д.14

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС 77-76826 от 01.10.2019

Главный редактор *Р.Г. Апресян**

Ответственный секретарь *З.В. Островская*

Редакторы: *С.М. Марбанец, З.В. Островская, Н.Ф. Колганова, В.Л. Шарова*

Верстка и корректура: ООО «Интеграция: Образование и Наука»

Сдано в набор 06.03.2023. Подписано к печати 23.03.2023

Дата выхода в свет 30.03.2023

Формат 70x100 1/16. Печать офсетная. Гарнитура: Liberaton Serif, Carlito
Уч.-изд. л. 20,2. Тираж 120 экз. Заказ № 20/1а
20 экз. распространяется бесплатно

Исполнитель по контракту № 4У-ЭА-131-22

ООО «Интеграция: Образование и Наука»
105082 Москва, Рубцовская наб., д. 3, стр. 1, пом. 314

Отпечатано в ООО «Институт информационных технологий».
170021, Тверская область, г. Тверь, Дачная ул., д. 33, офис 1

Подписной индекс — 39443

Публикуемые материалы прошли процедуру рецензирования
и экспертного отбора.

Адрес редакции: Российская Федерация, 109240 Москва,
ул. Гончарная, д. 12, стр. 1

Номер телефона: +7 (495) 695-52-82

Электронная почта: chelovek@iph.ras.ru

Сайт: <https://chelovek-journal.ru>, <https://chelovek.iphras.ru>

Свободная цена

На первой странице обложки: Питер Пауль Рубенс. Смеющийся Демокрит. 1603.
Музей Прадо, Мадрид, Испания

На четвертой странице обложки: Майк Винкельман (Beeple). Оракул (2023), <https://twitter.com/beeples/status/161847334720517254>

* Включен Министерством юстиции РФ в реестр иностранных агентов.

18+